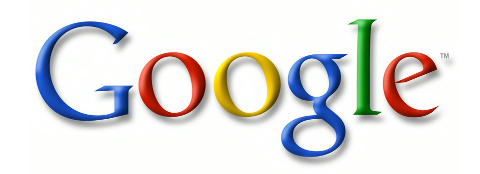
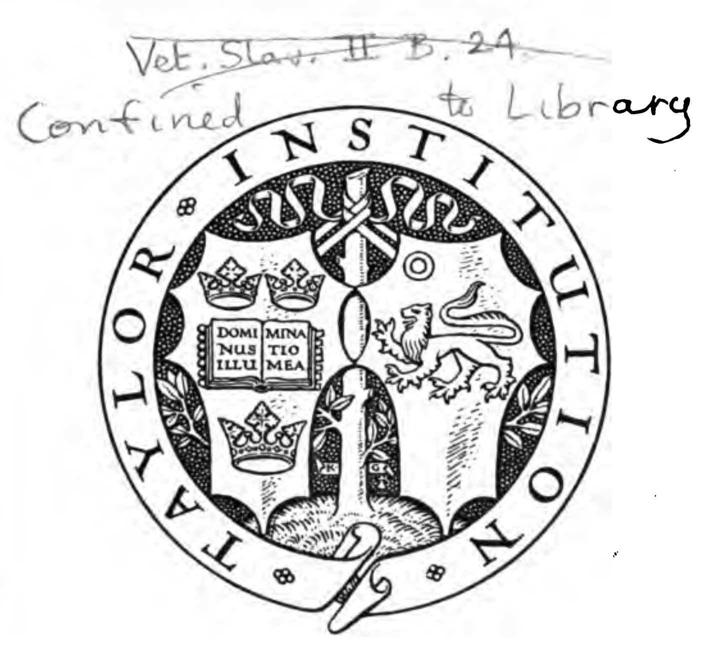

Librairie Orientale & Américaine
E. Maisonneuve
J. Maisonneuve Frères
Rue du Sabot - Paris
Livres Anciens & Modernes

TAYLOR INSTITUTION
DOMI NUS ILLU MINA TIO MEA

СОБРАНІЕ РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ СТИХАХЪ И ВЪ ПРОЗѢ

Михайлы Васильевича Ломоносова.

Изданіе новое исправленное,

съ присовокупленіемъ обстоятельнаго описанія сочинителевой жизни, взятыя изъ Московскаго и Академическаго изданія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Въ Санктпетербургѣ,

съ Указнаго дозволенія печатано въ типографіи Шнора, 1803 года.

ПОЛИДОРЪ,

ИДИЛЛІЯ.

Его Сіятельству Графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому, 1750 года.

Въ оной разговариваютъ:

Каллiопа Муза.
Левкія Днѣпрская Нимфа.
Дафнисъ тамошней пастухъ.

Каллiопа.

Между прохладными Днѣпровскими струями,
Между зелеными и мягкими кустами
Тебя я посѣтить пришла съ Кастальскихъ горъ,
Чтобъ радость мнѣ свою соединить съ твоею,
Едино щастіе съ тобою я имѣю,
Единъ у насъ теперь предстатель Полидоръ.
БОГИНЯ, что поля пространны управляетъ,
И щедрою Парнассъ рукою украшаетъ,
Ему вручила жезлъ, чтобъ въ сихъ лугахъ пасти.

Левкія.

Доколѣ будетъ Днѣпръ въ брегахъ своихъ крутиться,
Дотолѣ олтари здѣсь будутъ Ей куриться,
И лавры завсегда торжественны цвѣсти.
Здѣсь плески на лугахъ повсюду раздаются,

И съ шумомъ радостнымъ въ порогахъ воды ль-
ются,
Избыточно цвѣты даютъ свой нѣжной духъ,
И вѣтьвьми дерева красуяся, качаютъ,
И горы и лѣса Богиню возвышаютъ,
Что къ ихъ желанію склонила щедрый слухъ.
Тебя здѣсь, Полидоръ, желали рощи злачны,
Долины тучныя, источники прозрачны,
Тебя желали здѣсь обильныя поля.

Каллiопа.

Тебя мы, Полидоръ, имѣемъ тамъ ограду,
И чрезъ тебя Парнассъ почувствовалъ отраду,
Какъ влагу получивъ изсохшая земля.

Левкiя.

Ты, Муза, прохладись подъ тѣнію густою.

Каллiопа.

Ты, Нимфа, уклонись со мной сюда отъ зною;
Мы сядемъ при водѣ на мягкую траву.
Теперь пристоенъ часъ сплетать вѣнки пре-
красны,
И Полидору пѣть здѣсь пѣсни намъ согласны.

Левкiя.

Я вѣтьвей и цвѣтковъ, Каллiопа! нарву.
Смотри, какъ зеленью вездѣ покрылись нивы,
И тихой Днѣпръ въ себѣ изображаетъ ивы,
Что густо по крутымъ краямъ его растутъ.
Играютъ Зефиры кудрявыхъ древъ листами,
И нѣжатъ теплыми душистой цвѣтъ крылами,
Съ котораго шумя, свой пчелы медъ несутъ.

Каллiопа.

Прiятной день теперь намъ радость умножаетъ,
Подъ вѣтьвьми соловей свой свистъ усугубляетъ,
Завидуя въ лугахъ поющимъ пастухамъ.
И овцы ужъ траву съ ручьями позабыли,
И слухъ къ веселой ихъ игрѣ ужъ обратили,
И козы прыгаютъ по звонкимъ ихъ струнамъ.
Иной кладетъ пучки, иной въ свирѣлку свищетъ,
Иной любезныя межъ деревами ищетъ,
Иной самъ прячется отъ ней въ зеленой кустъ.

Левкiя.

Хотя довольно насъ прiятность услаждаетъ:
Однако больше всѣхъ меня увеселяетъ
О Полидорѣ пѣснь изъ Дафнисовыхъ устъ.
Я вижу, онъ идетъ украшенъ весь цвѣтами,
Цвѣты на головѣ, цвѣты между перстами,
Цвѣтами увитъ вкругъ и посохъ и свирѣль.
Не такъ любезно мнѣ по камнямъ водъ журчанье,
Не столько голубицъ мнѣ мило воркованье,
И сладкихъ соловьевъ не такъ прiятна трѣль;
Какъ голосъ Дафнисовъ здѣсь рощи оживляетъ,
И имя, Полидоръ, стократно повторяетъ.
Ахъ, Дафнисъ! пѣнiемъ своимъ насъ услади.

Каллiопа.

Хотя геройскихъ лиръ мнѣ больше шумъ угоденъ:

Однако сельскихъ струнъ мнѣ сладокъ звонъ и сроденъ:
Ты, Дафнисъ, звонкихъ птицъ въ лугахъ здѣсь постыди.

Дафнисъ.

Ты, Муза, мнѣ вдохни, что нынѣ пѣть пристойно,
Что слуху вашего и что сихъ дней достойно.
Ты, Нимфа, ласковымъ мнѣ взглядомъ силу дай.

Каллiопа.

Зачни великiя Богини добродѣтель,
Которой я сама и весь Парнассъ свидѣтель;
Потомъ и сихъ долинъ довольства воспѣвай.

Левкiя.

Запой, что видѣлъ ты, какъ былъ въ великомъ градѣ,
И что при Нимфахъ пѣлъ въ Палемоновомъ стадѣ:
Мы станемъ пестрые вѣночки завивать,
И въ голосъ къ твоему напѣву приставать.

Дафнисъ.

Молчите шумные пороги
И слушайте мой новой стихъ;
Усыпьте, Нимфы, здѣсь дороги
Лилеями изъ рукъ своихъ;
Вездѣ вѣнками украшайте
Пригорки, долы и ручьи.

Каллiопа.

Верьхи Парнасски разцвѣтайте.

Левкiя.

Красуйтесь Днѣпрскiя струи.

Дафнисъ.

Великой будетъ пусть Богинѣ
Вездѣ прилична красота.
О какъ я веселюся нынѣ,
Что видѣлъ очи и уста,
Отъ коихъ радость почерпаютъ
Широки сѣверны поля!

Каллiопа.

Верьхи Парнасски разцвѣтаютъ.

Левкiя.

Красуется сiя земля.

Дафнисъ.

При ней я видѣлъ Полидора,
Онъ предъ лицемъ Ея стоялъ
Среди геройскаго собора,
И ласково ко мнѣ взиралъ.
О тихи вѣтры! развѣвайте
По всѣмъ лугамъ слова мои.

Каллiопа.

Верьхи Парнасски разцвѣтайте.

Левкiя.

Красуйтесь Днѣпрскiя струи.

Дафнисъ.

Вчерась меня кругомъ обстали
Пастушки съ красныхъ нашихъ горъ,
И съ жадностiю понуждали,
Каковъ, скажи намъ, Полидоръ?
Я далъ отвѣтъ: онъ превышаетъ
Собой всѣхъ здѣшнихъ пастуховъ.

Каллıопа.

Верхи Парнасски украшаешь.

Левкıя.

Онъ здѣшнихъ будешъ честь луговъ.

Дафнисъ.

Онѣ одна передъ другою,
Скажи, скажи о Нимфѣ намъ,
Которой Полидоръ красою
Плѣнившись, торжествуешъ самъ.
Я имъ сказалъ: вы заплетите,
Нарвавши съ розами лилей.

Каллıопа.

На нихъ любуясь, поглядите,

Левкıя.

И думайте при томъ объ ней.

Дафнисъ.

Лозѣ подобно плодовитой
Она возлюбленнымъ плодомъ
Благословенıемъ покрытой
Наполнитъ Полидоровъ домъ.
Пребудетъ радость въ вѣкъ отнынѣ,
На каждой умножаясь часъ.

Каллıопа.

Хвала безсмертная Богинѣ,

Левкıя.

Украсившей его и насъ.

Дафнисъ.

Ему поспѣшно наливайтесь
Пріятной сладостью плоды,
Сторично овцы размножайтесь
И лѣтніе воловъ труды.
Вы сладку росу поспѣшайте
Сбирать, прилѣжные рои.

Каллıопа.

Верьхи Парнасски разцвѣтайте.

Левкія.

Красуйтесь Днѣпрскія струи.

ПИСЬМО

Къ Ивану Ивановичу Шувалову.

Прекрасны лѣтни дни сіяя на исходѣ,
Богатство съ красотой обильно сыплютъ въ міръ;
Надежда радостью кончается въ народѣ;
Натура смертнымъ всѣмъ открыла общій пиръ.
Созрѣлые плоды древа отягощаютъ,
И кажутъ солнечнымъ румянецъ свой лучамъ,
И руку жадную пригожствомъ привлекаютъ;
Что снятъ своей рукой, тотъ слаще плодъ устамъ.
Сіе довольствіе и красота всемѣстна
Не токмо жителямъ обильнѣйшихъ полей
Полезной роскошью является прелестна,
Богинь влечетъ она пріятностью своей.
Чертоги свѣтлые, блистаніе металловъ
Оставивъ, на поля спѣшитъ ЕЛИСАВЕТЪ.
Ты слѣдуешь за ней, любезный мой Шуваловъ!
Туда, гдѣ ей Цейлонъ и въ Сѣверѣ цвѣтетъ,
Гдѣ хитрость мастерства преодолѣвъ природу,
Осеннимъ днямъ даетъ весны прекрасной видъ,
И принуждаетъ въ верхъ скакать высоко воду,
Хотя ей тягость въ низъ и жидкость течь велитъ;
Толь многи радости, толь разныя утѣхи
Не могутъ отъ тебя Парнасскихъ горъ закрыть.

Тебѣ пріятны коль Россійскихъ Музъ успѣхи,
То можно изъ твоей любви къ нимъ заключить.
Ты будучи въ мѣстахъ, гдѣ нѣжность обитаетъ,
Какъ взглянешь на поля, какъ взглянешь на плоды,
Воспомяни, что мой покоя духъ не знаетъ,
Воспомяни мое раченье и труды;
Межъ стѣнъ и при огнѣ лишь только обращаюсь;
Отрада вся, когда о лѣтѣ я пишу;
О лѣтѣ я пишу, а́ имъ не наслаждаюсь,
И радости въ одномъ мечтаніи ищу.
Однако лѣто мнѣ съ весною возвратится,
Я оныхъ красотой и въ зиму наслаждусь,
Когда мой духъ твоимъ пріятствомъ ободрится,
Которое взнести я на Парнассъ потщусь.

ПИСЬМО

о пользѣ стекла Генералу Порутчику Ивану Ивановичу Шувалову, 1752 году.

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ!
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ,
Приманчивымъ лучемъ блистающихъ въ глаза:
Не менша польза въ немъ, не менша въ немъ краса.
Нерѣдко я для той съ Парнасскихъ горъ спускаюсь,
И нынѣ отъ нея на верьхъ ихъ возвращаюсь,
Пою передъ тобой въ возторгѣ похвалу
Не камнямъ дорогимъ, ни злату, но стеклу.
И какъ я оное хваля, воспоминаю,
Не ломкость лживаго я щастья представляю.
Не должно тлѣнности примѣромъ тоебыть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель:
Стекло имъ рождено; огонь его родитель.

Съ Натурой нѣкогда онъ произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя,
Во мрачной глубинѣ подъ тягостью земною,
Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борется съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ, и хляби затворилъ,
Въ которы Океанъ на брань къ нему входилъ,
Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ:

Внезапно черный дымъ навелъ густую тѣнь,
И въ ночь ужасную перемѣнился день.
Не баснотворнаго здѣсь ради Геркулеса
Двѣ ночи сложены въ едину отъ Зевеса;
Но Етна правдѣ сей свидѣтель вѣчный намъ,
Которая дала путь чуднымъ симъ родамъ.
Изъ ней разженная рѣка текла въ пучину;
И свѣтъ отчаясь, мнилъ, что зритъ свою судьбину.
Но ужасу тому послѣдовалъ конецъ:
Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ.
Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,
И солнцу ясному рожденіе открыли.
Но чтожъ отъ нѣдръ земныхъ родясь произошло?
Любезное дитя, прекрасное стекло.
Увидѣвъ смертные, о какъ ему дивились!
Подобное тому сыскать искусствомъ тщились,
И было въ дѣлѣ семъ удачно мастерство:
Превысило своимъ раченьемъ естество.
Тѣмъ стало житіе на свѣтѣ намъ щастливо;
Изъ чистаго стекла мы пьемъ вино и пиво,
И видимъ въ немъ примѣръ безхитростныхъ сердецъ,
Кого льзя видѣть сквозь, тотъ подлинно нельстецъ.
Стекло въ напиткахъ намъ не можетъ скрыть примѣсу;
И чиста совѣсть рветъ притворствъ гнилу завѣсу.

Но столько ли уже, стекло, твоихъ похвалъ,
Что намъ въ тебѣ вино и медъ самъ слаще
сталъ?
Никакъ! сіе твоихъ достоинствъ лишь начало,
Которы мастерство тебѣ съ природой дало.

Исполненъ слабостьми нашъ краткій въ мі-
рѣ вѣкъ:
Нерѣдко впадаетъ въ болѣзни человѣкъ!
Онъ ищетъ помощи, хотя спастись отъ муки,
И жизнь свою продлить, врачамъ дается въ
руки.
Нерѣдко намъ они отраду могутъ дать,
Умѣвъ приличныя лѣкарства предписать;
Лѣкарства, что въ стеклѣ хранятъ и соста-
вляютъ,
Въ стеклѣ одномъ онѣ безвредны пребываютъ.
Мы должны здравія и жизни часть стеклу;
Какую надлежитъ ему принесть хвалу!
Хоть вмѣсто онаго замысловаты Хины
Сосуды составлять нашли изъ чистой глины;
Огромность тяжкую плода лишенныхъ горъ
Художествомъ своимъ преобративъ въ фарфоръ,
Красой его къ себѣ народы привлекаютъ,
Что плавая, морей свирѣпость презираютъ:
Однако былъ бы онъ почти простой горшокъ,
Когда бы блескъ стекла дать помощи не могъ.
Оно входъ жидкихъ тѣлъ отъ скважинъ отвра-
щаетъ,
Вещей прекрасныхъ видъ на немъ изображаетъ.

Имѣетъ отъ стекла часть крѣпости фарфоръ:
Но тое, что на немъ увеселяетъ взоръ,
Сады, гульбы, пиры и все, что есть прекрасно,
Стекло являетъ намъ пріятно, чисто, ясно.

Искуство, коимъ былъ прославленъ Апеллесъ,
И коимъ нынѣ Римъ главу свою вознесъ,
Коль пользы отъ стекла приобрѣло велики,
Доказываютъ то Финифти, Мозаики,
Которы въ вѣкъ хранятъ геройскихъ бодрость лицъ,
Пріятность нѣжную и красоту дѣвицъ;
Чрезъ множество вѣковъ себѣ подобны зрятся,
И ветхой древности грызенья не боятся.

Когда неистовой свирѣпствуя Борей,
Стѣсняетъ мразомъ насъ въ упругости своей;
Великой не терпя и строгой перемѣны,
Скрываетъ человѣкъ себя въ толстыя стѣны.
Онъ былъ бы принужденъ безъ свѣту въ нихъ сидѣть;
Или съ дрожаніемъ несносной хладъ терпѣть:
Но солнечны лучи онъ сквозь стекло впускаетъ,
И лютость холода чрезъ тоже отвращаетъ.
Отворенному вдругъ и запертому быть,
Не то ли мы зовемъ, что чудеса творить?
Потомъ какъ человѣкъ зимой сталъ безопасенъ,
Еще притомъ желалъ, чтобъ цвѣлъ всегда прекрасенъ

И въ сѣверныхъ странахъ въ снѣгу зеленой садъ,
Цейлонъ бы посрамилъ, пренебрегая хладъ;
И удовольствовалъ онъ мысли прихотливы;
Зимою за стекломъ цвѣты хранятся живы;
Даютъ пріятной духъ, увеселяютъ взоръ,
И вамъ, красавицы, хранятъ себя въ уборъ.
Позволь, любитель Музъ, я рѣчь свою склоняю,
И къ нѣжнымъ симъ сердцамъ на время обращаю;
И Музы съ оными единаго сродства;
Подобна въ нихъ краса и нѣжныя слова.
Щастливой младостью твои цвѣтущи годы
И склонной похвалы и ласковой природы
Мой стихъ отъ оныхъ къ симъ пренесть не возбранятъ.
Прекрасной полъ, о коль любезенъ вамъ нарядъ!
Дабы прельстить лицемъ любовныхъ суевѣровъ,
Какое множество вы знаете маперовъ;
И коль искусны вы уборъ перемѣнять,
Чтобъ въ каждой день себѣ пріятность нову дать!
Но былобъ ваше все старанье безъ успѣху,
Наряды ваши бы достойны были смѣху,
Когдабъ вы въ зеркалѣ не видѣли себя.
Вы вдвое пригожи, стекло употребя.
Когда блестятъ на васъ горящіе алмазы,
Двойной кипитъ въ насъ жаръ сугубыя заразы.
Но больше красоты и больше въ нихъ цѣны,
Когда кругъ нихъ стекломъ цвѣтки наведены:
Вы кажетесь намъ въ нихъ пріятною весною,
Въ цвѣтахъ наряженной усыпанныхъ росою.

Во свѣтлыхъ зданіяхъ убранства таковы.
Но въ чемъ красуетесь, о сельски Нимфы, вы?
Природа въ васъ любовь подобную вложила,
Желанья нѣжны въ васъ подобна движетъ сила;
Вы также украшать желаете себя.
За тѣмъ прохладныя поля свои любя,
Вы рвете розы въ нихъ, вы рвете въ нихъ лилеи,
Кладете ихъ на грудь, и вяжете кругъ шеи.
Таковъ уборъ даетъ вамъ нѣжная весна!
Но чѣмъ вы краситесь въ другія времена,
Когда лишась цвѣтовъ, поля у васъ блѣднѣютъ,
Или снѣгами вкругъ глубокими бѣлѣютъ?
Безъ оныхъ что бы вамъ въ нарядахъ помогло,
Когда бы бисеру вамъ не дало стекло?
Любовниковъ онъ къ вамъ не менше привлекаетъ,
Какъ блещущій алмазъ богатыхъ уязвляетъ.
Или еще на васъ въ немъ больша красота,
Когда любезная въ васъ свѣтитъ простота.

Такъ въ бисерѣ стекло подобяся жемчугу,
Любимо по всему земному ходитъ кругу.
Имъ красится народъ въ полунощныхъ степяхъ,
Имъ красится Арапъ на южныхъ берегахъ.
Въ Америкѣ живутъ, мы чаемъ, простаки,
Что тамъ драгой металлъ изъ сребреной рѣки
Даютъ Европскому купечеству охотно,
И бисеру берутъ количество несчетно;

Но шѣмъ, я думаю, онѣ разумнѣй насъ,
Что гоняшъ ошъ своихъ бѣдамъ причину глазъ;
Имъ оны времена не будушъ въ вѣкъ забвенны,
Какъ пали ихъ ошцы для злаша побіенны.
О коль ужасно зло! На шо ли человѣкъ
Въ незнаемыхъ моряхъ имѣлъ опасный бѣгъ?
На шо ли разрушивъ есшесшвенны предѣлы,
На ушломъ деревѣ обшелъ кругомъ свѣшъ цѣлый?
За шѣмъ ли онъ сошелъ на красны берега,
Чшобъ шамъ себя явишь свирѣпаго врага?
По шягосшномъ шрудѣ снесенномъ на пучинѣ,
Гдѣ предалъ онъ себя на произволъ судбинѣ,
Едва на швердый пушь ошъ бурь избышь успѣлъ,
Военной бурей онъ внезапно зашумѣлъ.
Уже горяшъ Царей шамъ древнія жилища;
Вѣнцы врагамъ корысшь и плошь ихъ вранамъ пища!
И косши предковъ ихъ изъ золошыхъ гробовъ
Чрезъ сшѣны падаюшъ, къ смердящимъ шрупамъ въ ровъ!
Съ персшнями руки прочь и головы съ убраншвомъ
Сѣкушъ несышые и злашомъ и ширансшвомъ.
Иныхъ свирѣпсшвуя, въ средину гоняшъ горъ
Драгой мешаллъ изрышь изъ преглубокихъ норъ.
Смяшеніе и сшрахъ, оковы, гладъ и раны,
Что наложили имъ въ рабошѣ ихъ шираны,
Препяшсшвовали имъ подземну хлябь крѣпишь,
Чшобъ шягоша надъ ней могла недвижна бышь.

Обрушилась гора: лежатъ въ ней погребенны
Безщастные, или по истиннѣ блаженны,
Что вдругъ избѣгли всѣ безчеловѣчныхъ рукъ,
Работы тяжкія, ругательства и мукъ!

Оставивъ Кастиллань невинность такъ попранну,
Съ богатствомъ въ отчество спѣшитъ по Океану,
Надѣясь онымъ всю Европу вдругъ купить.
Но златомъ волнъ морскихъ не можно утолить.
Подобный ихъ сердцамъ Борей поднявъ пучину,
Навелъ ихъ животу и варварству кончину;
Погрязли въ глубинѣ съ сокровищемъ своимъ,
На пищу преданы чудовищамъ морскимъ.
То бури, то враги толь часто ихъ терзали,
Что рѣдко до бреговъ желанныхъ достигали.
О коль великой вредъ! отъ зла раждалось зло!
Виной толикихъ бѣдъ бывало ли стекло?
Никакъ! оно вездѣ нашъ духъ увеселяетъ:
Полезно молодымъ, и старымъ помогаетъ.

По долговременномъ теченьи нашихъ дней
Тупѣетъ зрѣніе ослабленныхъ очей.
Померкшее того не представляетъ чувство,
Что кажетъ въ тонкостяхъ натура и искуство.
Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книгъ;
Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ!
Тогда противенъ день, веселіе досада!
Одно лишь намъ стекло въ сей бѣдности отрада.

Оно способствіемъ искусныя руки
Подать намъ зрѣніе умѣетъ чрезъ очки!
Не даръ ли мы въ стеклѣ божественный имѣемъ?
Что честь достойную воздать ему коснѣемъ?

Взирая въ древности народы изумленны,
Что грѣетъ, топитъ, льетъ и свѣтитъ огнь возженный,
Иные божеску ему давали честь,
Иные знать хотя, кто съ неба могъ принесть,
Представили въ своемъ мечтаньи Прометея,
Что многи на землѣ художества умѣя,
Различныя казалъ искусствомъ чудеса:
За то Минервою былъ взятъ на небеса.
Похитилъ съ солнца огнь и смертнымъ отдалъ въ руки.
Зевесъ воздвигъ свой гнѣвъ, воздвигъ ужасны звуки.
Продерзскаго къ горѣ великой приковалъ,
И сильному орлу на растерзанье далъ.
Онъ сердце завсегда коварное терзаетъ,
На коемъ снова плоть на муку выростаетъ.
Тамъ слышанъ страшный стонъ, тамъ тяжка цѣпь звучитъ,
И кровь чрезъ камни въ низъ текущая шумитъ.
О коль несносна жизнь! позорище ужасно!
Но въ просвѣщенны дни сей вымыслъ видимъ ясно.
Піиты украшать хотя свои стихи,
Описывали казнь за мнимые грѣхи.

Мы пламень солнечный стекломъ здѣсь получаемъ,
И Прометею тѣмъ безбѣдно подражаемъ.
Ругаясь подлости нескладныхъ оныхъ вракъ,
Небеснымъ безъ грѣха огнемъ куримъ табакъ:
И только лишь о томъ мы думаемъ, жалѣя,
Не свергнулъ ли въ пагубу наука Прометея?
Не злясь ли на него невѣждъ свирѣпыхъ полкъ,
На знатны замыслы сложилъ неправой толкъ?
Не наблюдалъ ли звѣздъ тогда сквозь телескопы,
Что нынѣ воскресилъ трудъ щастливой Европы?
Не огнь ли онъ стекломъ умѣлъ сводить съ небесъ,
И пагубу себѣ отъ варваровъ нанесъ,
Что предали на казнь, обнесши чародѣемъ?
Коль много таковыхъ примѣровъ мы имѣемъ,
Что зависть скрывъ себя подъ святости покровъ,
И груба ревность съ ней на правду строя ковъ,
Отъ самой древности воюютъ многократно,
Чѣмъ много знанія погибло невозвратно!
Коль точно зналибъ мы небесныя страны,
Движеніе планетъ, теченіе луны,
Когда бы Аристархъ завистливымъ Клеантомъ,
Не названъ былъ въ судѣ неистовымъ Гигантомъ,
Дерзнувшимъ землю всю отъ тверди потрясти,
Кругъ центра своего, кругъ солнца обнести;
Дерзнувшимъ научать, что всѣ домашни боги
Великой терпятъ трудъ всегдашнія дороги;
Вертится вкругъ Нептунъ, Діана и Плутонъ,
И страждутъ тужѣ казнь, какъ дерзской Иксіонъ;

И неподвижная земли богиня Веста
Къ упокоенію сыскать не можетъ мѣста.
Подъ видомъ ложнымъ сихъ почтенія боговъ
Закрытъ былъ звѣздный міръ чрезъ множество
вѣковъ.
Боясь паденія неправой оной вѣры,
Вели всегдашню брань съ наукой лицемѣры,
Дабы она, открывъ величество небесъ,
И разносшь дивную невѣдомыхъ чудесъ,
Не показала всѣмъ, что непостижна сила
Единаго Творца весь міръ сей сотворила.
Что Марсъ, Нептунъ, Зевесъ, все сонмище бо-
говъ
Не стоятъ тучныхъ жертвъ, ниже подъ жер-
тву дровъ;
Что агнцевъ и воловъ жрецы ѣдятъ напрасно:
Сіе одно, сіе казалось быть опасно.
Отколѣ землю всѣ считали посредѣ.
Астрономъ весь свой вѣкъ въ безплодномъ былъ
трудѣ
Запутанъ циклами, пока возсталъ Коперникъ,
Презритель зависти и варварству соперникъ:
Въ срединѣ всѣхъ планетъ онъ солнце положилъ,
Сугубое земли движеніе открылъ.
Однимъ кругъ центра путь вседневный совер-
шаетъ,
Другимъ кругъ солнца годъ теченьемъ оста-
вляетъ,
Онъ циклы истинной системой растерзалъ,
И правду точностью явленій доказалъ.

Потомъ Гугенiи, Кеплеры и Невтоны,
Преломленныхъ лучей въ стеклѣ познавъ законы,
Разумной подлинно увѣрили весь свѣтъ,
Коперникъ что училъ, сомнѣнiя въ томъ нѣтъ.
Клеантовъ не боясь, мы пишемъ всѣ согласно,
Что истиннѣ они противятся напрасно.
Въ безмѣрномъ углубя пространствѣ разумъ свой,
Изъ мысли ходимъ въ мысль, изъ свѣта въ свѣтъ иной.
Вездѣ божественну премудрость почитаемъ,
Въ благоговѣнiи весь духъ свой погружаемъ.
Чудимся быстринѣ, чудимся тишинѣ,
Что Богъ устроилъ намъ въ безмѣрной глубинѣ.
Въ ужасной скорости и купно быть въ покоѣ,
Кто чудо сотворитъ кромѣ его такое?
Насъ больше таковы идеи веселятъ,
Какъ Божiй нѣкогда описывая градъ,
Вечернiй Августинъ (*) душею веселился.
О коль великимъ онъ восторгомъ бы плѣнился,
Когдабъ разумну тварь толь тѣсно не включалъ,
Подъ намибъ жителей, какъ здѣсь, не отрицалъ,
Безъ Математики вселенной бы не мѣрилъ!
Что есть Америка, напрасно онъ не вѣрилъ:
Доказываетъ то подземной Католикъ,
Кадя златой его въ костелахъ новыхъ ликъ.
Уже Колумбу въ слѣдъ, уже за Магелланомъ
Кругъ свѣта ходимъ мы великимъ Океаномъ,

(*) О градѣ Божiи, книга 16 гл. 9.

И видимъ множесшво божесшвенныхъ шамъ дѣлъ,
Земель и осшрововъ, людей, градовъ и селъ,
Незнаемыхъ предъ шѣмъ и сшранныхъ шамъ живошныхъ,
Звѣрей и пшицъ и рыбъ, плодовъ и шравъ несчошныхъ.
Возмише сей примѣръ, Клеаншы, ясно внявъ,
Коль много Авгусшинъ въ семъ мнѣніи неправъ!
Онъ слово божіе упошреблялъ (*) напрасно,
Въ сисшемѣ свѣша вы шожъ дѣлаеше власно.
Во зришельныхъ шрубахъ сшекло являешъ намъ,
Колико далъ Творецъ просшрансшво небесамъ:
Толь много солнцевъ въ нихъ пылающихъ сіяешъ:
Недвижныхъ сколько звѣздъ намъ ясна ночь являешъ.
Кругъ солнца нашего среди другихъ планешъ
Земля съ ходящею кругъ ней Луной шечешъ.
Кошорую хошя весьма просшранну знаемъ,
Но къ свѣшу примѣнивъ, какъ шочку предсшавляемъ.
Коль созданныхъ вещей просшранно есшесшво!
О коль велико ихъ создавше Божесшво!
О коль велика къ намъ щедрошъ его пучина,
Чшо на землю послалъ возлюбленнаго сына!
Не погнушался онъ на малой шаръ сойши,
Чшобы погибшаго сшраданіемъ спасши.
Чѣмъ менше мы его щедрошъ досшойны зримся,
Тѣмъ больше благосши и милосши чудимся!

(*) Тамъ же.

Стекло приводитъ насъ чрезъ Оптику къ сему,
Прогнавъ глубокую невѣденія тьму.
Преломленныхъ лучей предѣлы въ немъ неложны,
Поставлены Творцемъ; другіе невозможны.
Въ благословенной нашъ и просвѣщенный вѣкъ
Чего не могъ дойти по онымъ человѣкъ?

Хотъ острымъ взоромъ насъ природа одарила,
Но близокъ онаго конецъ имѣетъ сила.
Кромѣ, что вдалекѣ не кажетъ намъ вещей,
И собранныхъ трубой онъ требуетъ лучей,
Коль многихъ тварей онъ еще не досягаетъ,
Которыхъ малой ростъ предъ нами сокрываетъ!
Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ Микроскопъ открылъ,
Что Богъ въ невидимыхъ животныхъ сотворилъ.
Коль тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы,
И нервы, что хранятъ въ себѣ животны силы!
Не менше, нежели въ пучинѣ тяжкій китъ,
Насъ малый червь частей сложеніемъ дивитъ.
Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
Великъ въ строеніи червей, скудели тѣсной!
Стекломъ познали мы толики чудеса,
Чѣмъ онъ наполнилъ понтъ и воздухъ и лѣса.
Прибавивъ ростъ вещей, оно коль намъ потребно!
Являетъ травъ разборъ и знаніе врачебно.
Коль много Микроскопъ намъ тайностей открылъ,
Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жилъ!

Но что еще? Уже въ стеклѣ намъ барометры,
Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро будутъ вѣтры,
Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,
Иль облаки прогнавъ ихъ, солнце осушитъ.
Надежда наша въ томъ обманами не льстится,
Стекло поможетъ намъ, и дѣло совершится.
Открылись точно имъ движенія свѣтилъ:
Чрезъ тожъ откроется въ погодахъ разность силъ.
Коль могутъ щастливы селяне быть оттолѣ,
Когда не будетъ зной, ни дождь опасенъ въ полѣ!
Какой способности ждать должно кораблямъ,
Узнавъ, когда шумѣть или молчать волнамъ,
И плавать по морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ семъ и горъ златыхъ достойно!

Далече до конца стеклу достойныхъ хвалъ,
На кои цѣлый годъ едва бы мнѣ досталъ.
За тѣмъ уже слова похвальны оставляю,
И что объ немъ писалъ, то дѣломъ начинаю:
Однако при концѣ не можно преминуть,
Чтобъ новыхъ мнѣ его чудесъ не помянуть.

Что можетъ смертнымъ быть ужаснѣе удара,
Съ которымъ молнія изъ облакъ блещетъ яра?
Услышавъ въ темнотѣ внезапной трескъ и шумъ,
И видя быстрой блескъ, мятется слабый умъ;

Отъ гнѣвнаго часа желаешъ, гдѣбъ укрыться;
Причины онаго изслѣдовать страшится.
Дабы изтолковать, что молнія и громъ,
Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ.
На бичъ, онъ говоритъ, я посмотрѣть не смѣю,
Когда грозитъ Отецъ намъ яростью своею.
Но какъ онъ насъ казнитъ, поднявъ въ пучинѣ валъ,
То грѣхъ ли то сказать, что вѣтромъ онъ нагналъ?
Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
То грѣхъ ли то сказать, что Нилъ тамъ не разлился?
Подобно надлежитъ о громѣ разсуждать.
Но блескъ и звукъ его не давъ главы поднять,
Держалъ ученыхъ мыслъ въ смущеніи толикомъ,
Что въ заблужденіи теряли путь великомъ,
И истинныхъ причинъ достигнуть не могли,
Доколѣ дѣйствъ въ стеклѣ подобныхъ не нашли.
Вертясь стеклянный шаръ, даетъ удары съ блескомъ,
Съ громовымъ сходственный сверканіемъ и трескомъ.
Дивился сходству умъ; но видя малость силъ,
До лѣта прошлаго сомнителенъ въ томъ былъ,
Довольствуя одни чрезъ любопытство очи,
Искалъ въ томъ перемѣнъ пріятныхъ дня и ночи;
И больше въ томъ одномъ раченія имѣлъ,
Чтобъ силою стекла болѣзни одолѣлъ;
И видѣлъ часто въ томъ успѣхи вожделѣнны.
О коль со древними дни наши несравненны!

Внезапно чудный слухъ по всѣмъ странамъ течетъ,
Что отъ громовыхъ стрѣлъ опасности ужъ нѣтъ.
Что таже сила тучъ гремящихъ мракъ наводитъ,
Котора отъ стекла движеніемъ изходитъ;
Что зная правила изысканны стекломъ,
Мы можемъ отвратить отъ храминъ нашихъ громъ.
Единство оныхъ силъ доказано стократно:
Мы лѣта нынѣ ждемъ пріятнаго обратно.
Тогда о истиннѣ стекло увѣритъ насъ,
Ужасный будетъ ли безбѣденъ грома гласъ?
Европа нынѣ въ то всю мысль свою вперила,
И махины уже пристойны учредила.
Я слѣдуя за ней, съ Парнасскихъ горъ схожу,
На время ко стеклу весь трудъ свой приложу.

Ходя за тайнами въ искуствѣ и природѣ
Я слышу возхищенъ веселый гласъ въ народѣ.
ЕЛИСАВЕТИНА повсюду похвала
Гласитъ премудрости и щедрости дѣла.
Златыя времена! О кроткіе законы!
Народу своему прощаетъ милліоны;
И пользу общую отечества прозря,
Ученію велитъ разшириться въ моря,
Умноживъ бодрость въ немъ щедротою своею!
А ты, о Меценатъ, предстательствомъ предъ Нею
Какой наукамъ путь стараешся открыть,

Предъ свѣтомъ въ томъ могу свидѣтель вѣрной
быть.

Тебѣ похвальны всѣ, пріятны и любезны,
Что тщатся постигать ученія полезны.
Мои посильные и малые труды
Коль часто передъ Ней возпоминаешь ты!
Услышенному быть Ея кротчайшимъ слухомъ,
Есть новымъ въ бытіи животворищься духомъ!
Кто кажетъ старыхъ смыслъ во дняхъ еще младыхъ,
Тотъ будетъ всѣмъ примѣръ, доживъ власовъ сѣдыхъ.

Кто склонность въ щастіи и доброту являетъ,
Тотъ щастіе себѣ недвижно утверждаетъ.
Всякъ чувствуетъ въ тебѣ и хвалитъ обое,
И небо чаемыхъ покажетъ сбытіе.

СТИХИ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Блаженныя памяти Государынѣ Императрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ, на фейерверкъ изображающій благоденствующую Россію, представленный въ Санктпетербургѣ 1го Генваря, 1755 года.

Гдѣ въ свѣтѣ есть народъ, земля, страна и царство
Подобная странѣ, Монархиня, твоей?
Отъ запада твое простерлось Государство,
Отъ юга, сѣвера и утреннихъ полей.
Какой Монархъ возмогъ, чтобъ подъ одну державу
Народовъ множество толикое собрать?
Чуть знаютъ по рѣчамъ себя, лицу и нраву;
Но всѣ едину чтутъ Тебя, Россійска мать.

Какъ утреннимъ лучемъ престолъ твой здѣсь сіяетъ,
Другую часть страны твоей покоитъ ночь;
Какъ утрення заря Камчатку озаряетъ,
Вечерняя отсель тогда отходитъ прочь;

Когда имѣешъ ночь народъ швой южный лѣшомъ,
То сѣверный народъ въ шрудахъ полдневныхъ
бдишъ;
Какъ звѣзднымъ Асшрахань въ ночи блисшаешъ
свѣшомъ,
То Кола въ полнѣйшемъ блисшаньи слонце зришъ.

Все шо, что скипешръ швой, богиня, освѣ-
щаешъ,
Всшокъ, западъ, сѣверъ, югъ усердіемъ горишъ,
Начавши отъ Двины огнь праздничный пылаешъ,
По дальнѣйшей Амуръ, что Хинъ отъ насъ
дѣлишъ.
И съ восклицаніемъ во всѣхъ сшранахъ шумящимъ
Языки разными вѣщаешъ швой народъ;
Да новое шебѣ и всѣмъ шебѣ служащимъ
Явишся щасшіе въ начавшійся сей годъ.

Тебѣ и всей швоей фамиліи, Богиня!
Благополучны дни обильный сыплешъ рогъ;
Тебѣ раждаешся днесь новая година
И съ новымъ щасшіемъ вступаешъ въ швой чершогъ.
Да коломъ шакъ швоей судьбины обращаешъ,
Какъ подданны шебѣ щасшливыхъ просяшъ дней,
Да выше швой орелъ съ дня на день возле-
шаешъ,
И щасшіе цвѣшешъ во всей сшранѣ швоей.

ПИСЬМО

поздравительное на возвращеніе изъ Лифляндіи его Сіятельству Графу Григорью Григорьевичу Орлову Іюля 19 дня, 1764 года.

Любитель чистыхъ Музъ, защитникъ ихъ трудовъ,
О взоромъ, бодростью и мужествомъ Орловъ,
Позволь простерть имъ гласъ изъ мѣстъ уединенныхъ
На встрѣчу, гдѣ отъ странъ БОГИНЯ оживленныхъ
Всѣхъ щедря и любя, спѣшитъ Невы къ струямъ
Отрады обновитъ, покой умножитъ намъ,
Гдѣ ты усердіе и вѣрность къ ней являешь,
И сродно съ именемъ раченьемъ возлетаешь,
Предвидишь издали благоугодность Ей,
Минервѣ тысящи достойной олтарей.

Куда ни поспѣшатъ стопы Ея достигнуть,
Тамъ должно храмы въ честь для вѣчности воздвигнуть.
Лишь только начнется пребыстрыхъ мыслей бѣгъ,
Предводитъ польза ихъ и слѣдуетъ успѣхъ.
Стократно щастливы Ея подъ кровомъ нивы,
Гдѣ лавры собралъ ПЕТРЪ, Она садитъ оливы.
Возносятъ грады тамъ въ веселіи главы.
О какъ красуетесь, Балтійски бреги, вы!
Тритоны съ Нимфами тамъ громко восклицаютъ
И Амфитриты путь Россійской прославляютъ.

Кронштатскихъ вобразивъ за лѣто шумъ валовъ,
Какъ радовались тѣ схожденію боговъ!
ЕКАТЕРИНИНУ приходу въ длани плещутъ;
Торжественны огни среди нѣдръ влажныхъ блещутъ;
Сугубымъ ревомъ тамъ и пѣною порогъ
Стремится къ низу, чтя Монаршихъ святость ногъ.
Противны нѣкогда, но нынѣ Россамъ святы
Ликуютъ въ торжествѣ Ливонскіе раскаты.
Крутится веселясь въ струяхъ своихъ Двина,
Отрадой болѣе, какъ влагою полна.
Не страшны тамъ отвнѣ грозящи исполины:
Крѣпитъ премудрыя рука ЕКАТЕРИНЫ.
Для безопасности обильныхъ Росскихъ нѣдръ
Хранитъ преемница, что намъ устроилъ ПЕТРЪ.
Крѣпитъ на западѣ, въ востокъ разпространяетъ,
Судьба широки гдѣ врата Ей отверзаетъ,
Народы многіе сыскавъ, отъ зла покрытъ,
И знаніемъ добра и пользы просвѣтитъ.
Здѣсь тверды крѣпости, здѣсь пристани и флоты,
Прибѣжище своимъ и отъ враговъ оплоты.
Снаряды значатъ всѣ противнымъ стрáхъ, не вредъ,
И въ безопасности чтобъ мирной былъ сосѣдъ.
Въ покоѣ богатитъ Монархиня насъ мыслитъ,
Что общее добро своимъ довольствомъ числитъ,

Во всемъ отечествѣ поставитъ правый судъ
И щедро награждать усердныхъ вѣрный трудъ,
Блаженство подданныхъ возвыситъ чрезъ науки,
Наградой ободрять художественны руки,
Спасать нещастливыхъ, щастливыхъ умножать,
И быть рабовъ своихъ возлюбленная Мать.

Подобно какъ весны благопріятно время
Живитъ по всей землѣ и въ морѣ всяко племя,
Владычица красотъ, натуры щедра дщерь
Когда богатствъ своихъ отверзетъ только дверь;
Зефиры нѣжные на воздухъ вылетаютъ,
Утѣху, здравіе повсюду разливаютъ,
И пчелы пестрыя сосутъ въ лугахъ цвѣты,
Сбирая сладостны себѣ и намъ соты;
Поля, стада, лѣса даютъ вездѣ надежду,
Готовя намъ покровъ и пищу и одежду;
И все, что видимо въ богатомъ естествѣ,
Живетъ и движется въ трудѣ и въ торжествѣ.
Неиначе народъ въ блаженствѣ успѣваетъ,
Что просвѣщенная БОГИНЯ покрываетъ;
Въ числѣ Монаршескихъ считаетъ вящшихъ дѣлъ
Внутрь области снабдитъ и укрѣпитъ предѣлъ.

Се слава по путямъ Ливонскимъ разглашаетъ:
Монархиня лицемъ къ Петрополю сіяетъ.
Въ восторгѣ онъ приявъ желаемый сей слухъ,
Отъ чистыхъ Невскихъ струй возводитъ взоръ и духъ.
И солнца своего привѣтствуетъ возходу,
Откуду блещетъ свѣтъ Россійскому народу.

Желанія во всѣхъ, какъ тихихъ воднъ игра
Пріемлющихъ лучи чистѣйшіе сребра,
Повсюду блещущихъ отъ одного свѣтила;
Такъ дѣйствуетъ въ сердцахъ добротъ Монарших сила!

Я зрю здѣсь въ радости довольствій общих видъ,
Гдѣ Рудица, вьючись сквозь каменья, журчитъ,
Гдѣ дѣйствуетъ вода, гдѣ дѣйствуетъ и пламень,
Чтобы составитъ мнѣ, или превысить камень
Для сохраненія геройскихъ славныхъ дѣлъ,
Что долгъ къ Отечеству изобразить велѣлъ,
Гдѣ Дщерь ПЕТРОВА мнѣ щедрою рукою
Награду воздала между трудовъ къ покою,
Трудовъ, что ободрилъ ЕКАТЕРИНИНЪ гласъ,
И взоръ жизнь нову влилъ и воскресилъ Парнасъ!

Онъ будетъ сихъ даровъ безсмертный проповѣдникъ.
А ты, о храбрыхъ дѣлъ отеческихъ наслѣдникъ,
Ты знаешь съ мужествомъ пріятность сопрягать,
Блюсти Величество и подданныхъ спасать,
Великія дѣла соединять къ отрадѣ,
И Марсу слѣдовать и угождать Палладѣ.
Блаженъ родитель (*) твой, такихъ намъ давъ сыновъ,
Не именемъ однимъ, но свойствами Орловъ.

(*) Григорій Ивановичъ Орловъ служилъ Генераль Маіоромъ, и по томъ Новгородскимъ

Онъ храбростью ПЕТРУ усердствовалъ на брани:
Ты вѣрны Отечеству разпростирая длани,
ЕКАТЕРИНИНЪ вѣкъ златой наукамъ обновилъ.
Ликуютъ Сѣверны страны въ премудрой волѣ,
Что правда съ кротостью сіяетъ на Престолѣ.
О коль прекрасны дни! о коль любезна Власть!
Герой! мы должны въ томъ тебѣ велику часть.

Губернаторомъ съ общею отъ всѣхъ похвалою. Въ бывшую при Государѣ блаженныя памяти Императорѣ ПЕТРѢ Великомъ Шведскую и Турецкую войну находился на всѣхъ баталіяхъ, и за отличную его храбрость и претерпѣнныя раны почтенъ былъ отъ Государя золотою цѣпью и портретомъ Его Величества. Родъ Орловыхъ произходитъ отъ древнихъ дворянъ Германскихъ изъ Польской Пруссіи.

На всерадостное объявленіе о превосходствѣ новоизобрѣтенной Артиллеріи предъ старою Генераломъ Фельдцейгмейстеромъ и Кавалеромъ Графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ.

Для пользы общества коль радостно трудиться!
Отъ зависти при томъ коль скучно borониться!
Ты въ исправленіи гранадъ, доходовъ правъ,
Самъ дѣломъ испыталъ, трудолюбивый Графъ!
Тожъ чувствуютъ въ себѣ рачители и други,
Которы чтутъ въ тебѣ къ отечеству заслуги,
Стараться о добрѣ, коль дозволяетъ мочь,
День въ пользѣ провождать и безъ покоя ночь,
И слышать о себѣ недоброхотны рѣчи
Не легче, какъ стоять противъ кровавой сѣчи.
Кто оны побѣдитъ, тотъ подлинно герой.
Всѣмъ должно поставлять въ примѣръ поступокъ твой.
Раченіямъ твоимъ споспѣшникъ самъ Содѣтель,
И правдѣ въ свѣтѣ ихъ МОНАРХИНЯ свидѣтель.

Намъ слава, страхъ врагамъ въ полкахъ твои огни;
Какъ прежде, такъ и впредь пали, рази, гони.
Велико дѣло есть повелѣвать полками.
Торжественно стоять противныхъ надъ тѣлами,
И слышать радостный побѣдоносцевъ кликъ,
Презрѣвъ съ нимъ смѣшанный и стонъ и плачь великъ;
Стремиться къ будущей и брани и побѣдѣ,
И тѣмъ упорство все искоренить въ сосѣдѣ;
Покой отечеству со славой принести,
Дабы могло потомъ въ безмолвіи цвѣсти.
Великой похвалы и тотъ въ войнѣ достоенъ,
Кто мыслью со врагомъ сражается спокоенъ;
Спокоенъ брань ведетъ искусствомъ хитрыхъ рукъ,
Готовя страхъ врагамъ и смертоносный звукъ.
Не можетъ безъ того ни мужество геройско,
Ни твердостію силъ безчисленное войско
Противъ упорнаго противника стоять:
Тутъ нужда требуетъ громъ громомъ отражать,
Чтобъ прежде мы, не насъ противны досягали,
И мы бы ихъ полки на части раздробляли;
И пламень бы враговъ въ скоропостижный часъ
Отъ Россkой арміи не разродясь погасъ.
И такъ что вымысломъ одинъ изобрѣтаетъ,
Съ разумной храбростью другой употребляетъ,
Похвальны обоихъ въ семъ подвигѣ труды
Намъ мира принесутъ желанные плоды.

Уже весну ведетъ къ намъ свѣтлый предводитель,
И ждетъ вселенная, кто будетъ побѣдитель.
Тамъ Варта съ Одрою струи свои крушитъ,
И кажетъ влажности огней ужасный видъ,
Что яростно при нихъ изъ Рускихъ рукъ звучали,
И такъ ихъ кровію противниковъ сгущали.
Секвана и Дунай подъемлютъ въ верьхъ главы,
Чтобъ слышать громъ и стукъ изшедшій отъ Невы.
Тамъ Одра, Темза, Ренъ кровавы движутъ волны;
Мутятся во брегахъ съ надѣждой страха полны.
Всѣ ждутъ, въ который край надежда полетитъ.
Мнѣ весь Парнассъ сказалъ: туда полкомъ стоитъ
Съ ЕЛИСАВЕТОЙ Богъ и храбрость Генераловъ,
Россійска грудь, твои орудія, Шуваловъ.

ТАМИРА И СЕЛИМЪ

ТРАГЕДІЯ

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Въ сей Трагедіи изображается стихотворческимъ вымысломъ позорная погибель гордаго Мамая Царя Татарскаго, о которомъ изъ Россійской исторіи извѣстно, что онъ будучи побѣжденъ храбростію Московскаго Государя Великаго Князя Димитрія Іоанновича на Дону, убѣжалъ съ четырью Князьями своими въ Крымъ, въ городъ Кафу, и тамъ убитъ отъ своихъ. Въ дополненіе сего представляется здѣсь, что въ нашествіе Мамаево на Россію Мументъ Царь Крымскій обѣщавъ дочь свою Тамиру въ супружество Мамаю, послалъ сына своего Нарсима съ нѣкоторымъ числомъ войска на вспоможеніе ону. Въ его отсутствіе Селимъ Царевичъ Багдадскій по повелѣнію отца своего перешедъ чрезъ Натолію, посадилъ войско на суда, чтобы очистить Черное Море отъ Крымскихъ морскихъ разбойниковъ, грабившихъ Багдатское купечество. Сіе учинивъ, приступилъ подъ Кафу, въ которой Мументъ будучи осажденъ, и не имѣя довольныя силы къ супротивленію, выпросилъ у Селима на нѣкоторое время перемиріе въ томъ намѣреніи, чтобы между тѣмъ дождаться обратно съ войсками сына своего Нарсима. Послѣ сего перемирія въ первый день слѣдующее происходитъ въ Кафѣ знатнѣйшемъ приморскомъ городѣ Крымскомъ въ Царскомъ домѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Муметъ Царь Крымскій.

Мамай Царь Татарскій.

Тамира Царевна Крымская, дочь Мумешова.

Селимъ Царевичъ Багдашскій.

Нарсимъ Царевичъ Крымскій, брашъ Тамиринъ.

Надиръ брашъ Мумешовъ.

Заисанъ Визирь Мумешовъ.

Клеона мамка Тамирина.

Два вѣстника.

Воины.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Тамира и Клеона.

Тамира.

Насталъ ужасной день, и солнце на восходѣ
Кровавы пропустивъ сквозь паръ густой лучи,
Даетъ печальной знакъ къ военной непогодѣ:
Любезна тишина минула въ сей ночи.
Отецъ мой воинству готовиться къ отпору
И на стѣнахъ стоять уже вчера велѣлъ.
Селимъ полки свои возвелъ на ближню гору,
Чтобъ прямо устремить на городъ тучу стрѣлъ.
На гору, какъ орелъ, всходя онъ возносился,
Которой съ высоты на агнца хочетъ пасть;
И быстрой конь подъ нимъ какъ бурной вихрь крутился,
Селимово казалъ проворство тѣмъ и власть.
Онъ ѣздилъ по полкамъ, пока тѣнь мрачной ночи
Закрыла отъ меня поля, его и строй.
Потомъ и томныя хотя сомкнулись очи,
Однако видѣла его передъ собой.
Во снѣ ли было то, или то было въ явѣ:
Смущался мысльми сонъ, смущались мысли сномъ.
Селимъ казался мнѣ великолѣпенъ въ славѣ,
Таковъ осанкою, Клеона, и лицомъ,
Какъ въ перемирны дни скакалъ передъ стѣнами,
Искусствомъ всѣхъ другихъ и взоромъ превышалъ,

И стрѣлы пущенны уже подъ облаками
Направленными въ слѣдъ стрѣлами разсѣкалъ.

Клеона.

Багдатско воинство умножилось безъ счота!
При входѣ свѣтлыя я видѣла луны,
Что мосты и пути и городски ворота
Противныхъ силою вездѣ осаждены.
Ночно молчаніе боязнь усугубляло,
И слезы по лицу блѣднѣющихъ лились.

Тамира.

Теперь сраженіе конечно ужъ настало:
Клеона! посмотри и скоро возвратись.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамира одна.

О какъ смущенъ мой духъ! я знаю и заочно,
Селимъ противу стѣнъ стоитъ напереди.
Боюся, чтобъ кто его не ранилъ ненарочно,
И не вонзилъ стрѣлы отъ насъ въ его груди!
Я ей не чаю быть такого кровопивца,
Ктобъ съ умыслу хотѣлъ направить лукъ въ него!
О небо, отврати свирѣпаго убивца,
И сокрушить не дай тѣмъ сердца моего!
Ахъ! что я дѣлаю? что въ мысли я имѣю?
Я тѣмъ родителя и Бога прогнѣвлю,
Что общаго врага отечеству жалѣю!
Никакъ Селимомъ я плѣнилась и люблю?
Однакъ и безъ любви емуль желать мнѣ року?
Тотъ злою львицею въ пустыхъ горахъ рожденъ,

Кто видя съ младостью природу въ немъ высоку,
Къ жалѣнію по немъ не будешъ побужденъ.
Что онъ противу насъ вооружился въ полѣ,
Сыновняя любовь и должности велятъ.
И какъ родительской не согласиться волѣ?
Отецъ его! отецъ, не онъ намъ сопостатъ.
Онъ щастливъ, что ему есть въ старости замѣна.
Благополучна мать, что въ свѣтъ произвела!
И ежель есть сестра, то коль она блаженна,
Что съ лѣтъ младенческихъ съ нимъ купно возрасла!
Но коль родилась та на свѣтъ благополучно,
Которой щедрая устроила судьба,
Чтобы съ Селимомъ жить до смерти неразлучно!
О какъ волнуюсь я! какая внутрь борьба!
Теперь я признаю, что нѣкотора сила
Неосторожной духъ уже взяла во власть,
И сердце нѣжное къ Селиму прѣклонила:
Къ нему я чувствую въ себѣ любовну страсть!
Любовь меня влечетъ его смотрѣть на стѣны.
Куда? и какъ? или на стрѣлы устремлюсь,
Что нынѣ противъ насъ шумятъ какъ градъ сгущенный?
Но я уязвлена; и стрѣлъ ужъ не боюсь.
Ахъ что терзаюсь я безчастная, не зная!
Селиму можетъ быть въ отечествѣ своемъ
Любима и любви залогъ взяла иная;
О чемъ крушуся я не разсудя о чемъ?
Суровая война! тобою учинилось,

Что тотъ противникъ нашъ, котораго люблю!
Однако гдѣ бы мнѣ видать его случилось?
Я время суетнымъ мечтаніемъ гублю.
Не лучше ли просить отъ вѣрныя совѣту,
И способовъ скорѣй къ отрадѣ мнѣ искать?
Однако ждать могуль утѣшнаго отвѣту?
И какъ осмѣлюсь я Клеонѣ все сказать?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тамира и Клеона.

Клеона.

Престань себя смущать, дражайшая Царевна!
Какія вижу я премѣны на лицѣ!
Оставь боязнь: въ сей часъ минетъ судьбина гнѣвна;
Весь страхъ мнѣ кажется при самомъ быть концѣ.

Тамира.

Никакъ ужъ ворвались къ намъ въ городъ супостаты,
И превратился страхъ въ отчаянну печаль?

Клеона.

Теперь всходила я въ высокія палаты,
И на Багдатскіе полки смотрѣла въ даль.

Тамира.

Ты видѣла полки — ты видѣла Селима?

Клеона.

Я видѣла, что онъ отшелъ уже отъ стѣнъ,
И кажется, что прочь совсѣмъ идетъ отъ Крыма,

Невѣдомо какой причиной побужденъ;
Я чаю, утомясь, не хочетъ больше бою.

Тамира.

Никакъ ему какой предатель измѣнилъ,
Или отецъ объятъ нечаянно войною,
И требуетъ себѣ его на помочь силъ.
Я чаяла конца, и по паденьи мнимомъ
Оплакавъ кровь гражданъ и стѣнъ оставшій прахъ,
Мнѣ будетъ слѣдовать во узахъ за Селимомъ,
И при Евфратскихъ жить невольницей брегахъ.

Клеона.

Тотъ ужасъ миновалъ: военные снаряды
Противники всходя, на корабли несутъ.
Кафа избавилась отъ грозныя осады.
Что слезы по лицу, дражайтая, текутъ?
Никакъ отъ радости? однако воздыханья
И твой прискорбной взоръ иное кажутъ мнѣ.
Или ужасныя и грозныя мечтанья
Обезпокоили младую жизнь во снѣ?
Или враги въ ночномъ призракѣ побѣдили?
Никакъ представилось паденіе сихъ стѣнъ,
Что Крымски городы и села пусты были,
Что Царь и домъ его былъ взятъ въ поносной плѣнъ?

Тамира.

Ахъ! естьлибъ то былъ сонъ, тобъ съ мракомъ разрушился!
Однако бы и сонъ такой меня плѣнилъ.

Клеона.

Или твой нѣжной духъ любовью уязвился?
Но кто же бы тебя въ любовь нынь уловилъ?
Скажи, Царевна! мнѣ; или тому быть можно,
Чтобъ тайны мнѣ твоей не должно было знать?

Тамира.

Что хочешь слышать ты, то странно и безбожно,
Нигдѣ не слыхано, и ужасно сказать!

Клеона.

Для сихъ ослабшихъ рукъ, которыми носила
Тебя въ младенчествѣ, смущенье отложи,
И вспомни, какъ тебѣ я искренне служила:
Не обинуясь мнѣ тоску свою скажи.
Чѣмъ далѣе она въ закрытіи таится,
Тѣмъ духъ терзается сильнѣе отъ нея;
Но естьли объявишь, то можетъ утолиться,
Иль быть умѣренна потомъ печаль твоя.

Тамира.

Любезная моя и вѣрная Клеона!
Коль тяжко мучусь я?

Клеона.

О небо!

Тамира.

Ахъ Селимъ!

Противница отцу, преступница закона!
Врагомъ отечества, и можетъ быть, своимъ...

Клеона.

О Боже мой! никакъ ты тайно согласилась
И хочешь для любви отечество предать?

Тамира.

То небо отврати! довольно, что прельстилась;
Преступно и любви противничей желать.
Я бодрость и лице, Клеона, представляя,
Горю, и пламень мой гашеніемъ растетъ.
Не знаю, что начать; скажи мнѣ, дорогая,
Что дѣлать мнѣ теперь? когда онъ прочь идетъ?
Уже всѣ мысли съ нимъ на берегъ обратились;
Я съ нимъ, я съ нимъ среди морскихъ валовъ плыву,
И горы Крымскія отъ насъ изъ виду скрылись!
Какой объемлетъ хладъ и мракъ мою главу!
Уѣдетъ о моей любови неизвѣстенъ,
И слезъ моихъ себѣ не будетъ представлять!
За тѣмъ ли ты, Селимъ! казался мнѣ прелестенъ,
Чтобъ вѣчно по тебѣ безъ пользы воздыхать?

Клеона.

Царевна, ты тоску напрасно умножаешь.
Послѣдуй моему совѣту и забудь
Пусты мечтанія, чѣмъ мысль отягощаешь,
И кровь кипящую къ спокойствію принудь.
Селимъ, я слышала, о нѣжности не знаетъ.
Онъ въ полѣ только житъ и на стану привыкъ,
За полное свое блаженство почитаетъ,
Когда оружной трескъ и въ войскѣ слышитъ крикъ,
Какъ стѣны падаютъ и городы дымятся,
Когда мечи блестятъ, течетъ по копьямъ кровь.
Ты сердцу дай покой и полно сокрушаться;
Не могутъ вмѣстѣ быть свирѣпство и любовь.

Тамира.

За нимъ бы слѣдовать ни горы мнѣ высоки,
Ни конскимъ топотомъ смущенный въ полѣ прахъ,
Ни копья, ни мечи, ниже кровавы токи,
Ниже какой иной не возбранилъ бы страхъ.
Любовію горятъ нерѣдко и Герои;
Отъ ней избавиться не можно никому,
Кому любезнѣе сраженія и бои
И житъ всегда въ шатрахъ, какъ брату моему?
Однако нынѣ онъ послѣдуя Мамаю,
Хотя въ Россійской край пошолъ вооруженъ;
Но мысли всѣ свои, Клеона, вѣрно знаю,
Всѣ мысли клонитъ къ той, которой уязвленъ.
Возлюбленный мой братъ! когдабъ ты здѣсь былъ нынѣ,
То ябъ въ отчаяньи толикомъ не была;
Ты сдѣлалъ бы конецъ жестокой сей судьбинѣ,
Илибъ не допустилъ сего въ началѣ зла.
Ты далъ бы способъ мнѣ увидѣться съ Селимомъ;
Или бы къ симъ его не допустилъ стѣнамъ,
И я бы не была въ мученьи нестерпимомъ,
Не показавъ такой пріятности очамъ.
Теперь послушенъ ты неистовому звѣрю,
Въ которомъ варварство и гордость мнѣ гнусна,
Кичливому ни въ чемъ Мамаю я не вѣрю,
Ему вселенная къ владѣнію тѣсна.
Подумавъ о своемъ возлюбленномъ Нарсимѣ,
Боюсь, чтобъ не постигъ такой его конецъ,
Что плачъ бы произвелъ и нестроенье въ Крымѣ.

Клеона.

Царевна! вотъ идетъ дражайшій твой отецъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Муметъ, Тамира и Клеона.

Муметъ.

Прошла военная гроза и неустройство,
Желанной миръ насталъ, возлюбленная дочь,
И утверждается надежное спокойство,
Въ союзъ со мной вступивъ, Селимъ отходитъ прочь.
Поставленный сей миръ мнѣ больше тѣмъ пріятенъ,
Что выгоды онъ мнѣ нечаянны принесъ:
Съ начала случай сей едва мнѣ былъ понятенъ,
Что радость намъ пришла внезапно вмѣсто слезъ.
Однако нынѣ я причину вижу ясно;
За чѣмъ спѣшитъ въ союзъ со мной вступить Селимъ:
Ему прибытіе Нарсимово ужасно,
Что скоро съ воинствомъ назадъ придетъ моимъ.
Къ Селиму какъ ко мнѣ, конечно уповаю,
Пришла мнѣ радостна, ему печальна вѣсть,
Что Росская страна подверглась вся Мамаю,
И сынъ мой поспѣшитъ полки сюда привесть.
Сего дня лишь заря намъ свѣтъ предвозвѣстила,
Съ поспѣшностью гонецъ прибѣгъ съ Донскихъ полей,
И вѣсть принесъ, что вся Ордынска къ бою сила
Противу Россовъ шла и Россы противъ ней.
Но Ольгъ Рѣзанскій Князь и Князь Олгердъ Литовскій
Свои къ Мамаевымъ поставили полки,

И съ малымъ воинствомъ Димитрій Князь Московскій
Противу тать дерзнулъ, оставшись близъ рѣки.
Какъ буря шумная поднявшись послѣ зною,
Съ свирѣпой яростью въ зажженный дуетъ лѣсъ;
Дымъ, пепелъ, пламень, жаръ восхитивъ за собою,
И въ вихрь крутой завивъ, возноситъ до небесъ,
И нивы на поляхъ окрестныхъ поядаетъ,
И села и вкругъ нихъ растущіе плоды;
Надежды селянинъ лишившись, оставляетъ
Ревущему огню вселѣтные труды.
Подобно такъ Мамай единымъ вдругъ ударомъ
Противъ Димитрія Ордамъ летѣть велѣлъ,
И въ мужествѣ стремясь на полкъ противный яромъ,
Скакалъ съ мечемъ своимъ чрезъ блѣдны кучи тѣлъ.
Россійскія въ крови повержены знамена,
И Князь Московскій былъ отвсюду окруженъ,
И сила войскъ его слабѣла утѣсненна:
Сомнѣнья нѣтъ, что онъ Мамаемъ побѣжденъ.

Тамира.

Мнѣ равно какъ тебѣ, родитель мой! пріятно,
Что радостная вѣсть пришла въ спасеный градъ;
Однако будетъ мнѣ утѣшнѣе стократно,
Когда пріѣдетъ здравъ возлюбленный мой братъ!
Ахъ небо, помоги желаннаго достигнуть,
И поспѣши къ концу намѣреній моихъ.

Маметъ.

Я къ большей радости могу тебя подвигнуть.
Возлюбленная дочь! Мамай тебѣ женихъ.

Тамира.

Мамай! о боже мой;

Мумет.

Востока обладатель
И побѣдитель всѣхъ полночныхъ нынѣ странъ,
Союзникъ искренней и вѣрной мнѣ пріятель
Судьбой и мной тебѣ въ супружество избранъ.
Имѣя многіе подъ властію народы,
Тамира, будетъ онъ тобою жить плѣненъ,
И станетъ оной плѣнъ дороже чтить свободы,
Хотя ему востокъ и сѣверъ покоренъ.
Возлюбленная дочь, что очи потупляешь?
Я стыдъ дѣвической въ тебѣ весьма хвалю:
И что вздыхаючи, ты брата ожидаешь,
Природную къ нему любовь твою люблю:
Однако нынѣ ты похвальную стыдливость
И мысли смутныя о братѣ отложи,
И на отеческу смотря нетерпѣливость,
Согласна ли ты мнѣ, немедленно скажи.

Тамира.

Что я съ младенчества родительскую волю
Привыкла исполнять, довольно знаешь самъ;
Своею почитать не отрицаюсь долю,
Которую мнѣ дать угодно небесамъ.
Однако разсуди мои младыя лѣта,
И въ возрастъ мнѣ притти въ дому твоемъ позволь:
Я буду почитать, что я живу внѣ свѣта
Какъ естьли безъ тебя я буду жить средь поль.
И какъ подумать мнѣ, что я мила Мамаю?
И какъ могу сказать, чтобы онъ мнѣ былъ милъ,

Когда лица его и нравовъ я не знаю?
И какъ его мой взоръ заочно бы плѣнилъ?

Муметъ.

Оставь о семъ ты мнѣ, Тамира, попеченье,
И вѣрь, что будетъ толь межъ васъ крѣпка любовь,
Что лишь твое со мной минуетъ разлученье,
То будетъ къ одному кипѣть Мамаю кровь.
Ты долженствуешь мой въ востокѣ іродъ возставить
И дружбу чрезъ родство съ Мамаемъ утвердить,
Умножить нашу мочь и съ нимъ себя прославить;
Мнѣ польза, честь, тебѣ велитъ его любить.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тамира и Клеона.

Тамира.

Война и миръ противъ моей любви воюетъ.
Противилась моимъ желаніямъ война;
Но нынь, Клеона, миръ свирѣпѣе враждуетъ,
Меня сильнѣе бурь колеблетъ тишина.
Сугубымъ бременемъ за что отягощаюсь?
Въ супружество даютъ тому, кто мнѣ постылъ!
Довольноль, что того, кого люблю, лишаюсь?
О небо, не нашли мнѣ казни выше силъ!
Когдабъ еще война понынѣ продолжалась,
То мучилъ бы меня одинъ лишь только страхъ:
Мнѣ лучше, естьлибъ я Селиму въ плѣнъ досталась,
Какъ славно царствовать въ Мамаевыхъ странахъ.

Ахъ! естьлибъ было то, и я бы вѣрно знала,
Что равнымъ пламенемъ Селимъ ко мнѣ горитъ;
То слезъ потокъ проливъ, отцу бы все сказала,
Что духъ мой и языкъ съ тобою говоритъ.
Онъ видя искренность, на плачъ бы преклонился,
И нашу можетъ быть любовь бы утвердилъ.
Илибъ и мой животъ съ надеждой прекратился
Въ спокойствѣ, что уже Селимъ меня любилъ,
Но нынѣ ненависть въ одну страну склоняетъ,
Въ другу отчаянье нещастную влечетъ.
Какъ на морѣ корабль, то буря похищаетъ,
То водъ стремленіе противъ нея несетъ;
Такъ я противными страстями вдругъ борима,
Не чая одолѣть, должна противъ стоять.
Отчаявшись имѣть въ супружествѣ Селима,
Отчаявшись любить Мамая, что начать?

Клеона.

Ахъ! лучше то избрать, что подлинно извѣстно,
Какъ онаго желать, чему не можно быть.
Хотя Селимово лице тебѣ прелестно;
Но праву слѣдуя, старайся позабыть.

Тамира.

Довольно бы того, что права и законы
Во обузданіи любовну страсть крѣпятъ;
Довольно отъ стыда любовникамъ препоны,
Когда взаимной жаръ другъ въ другѣ знать хотятъ.
Но развращенной вѣкъ насильства умножаетъ;
Отеческа гроза, богатство, родъ и честь

Коль многихъ въ вѣчное нещастье погружаетъ
Любви желающихъ достатки предпочесть.
Какая польза въ томъ, что златомъ испещренный
И каменьемъ драгимъ въ глазахъ блеститъ чертогъ,
Когда мой будетъ духъ отъ онихъ отвращенный
Къ тому всегда втеренъ, чего имѣть не могъ.
Дабы на мало лѣтъ возстановить союзы,
Родители даютъ свою залогомъ кровь,
На дѣтскія сердца кладутъ несносны узы:
Въ какой неволѣ ты, дражайшая любовь!
Я вамъ завидую, которы отдаленно
Отъ гордыхъ сихъ палатъ живете въ тишинѣ:
У васъ веселіе равно и непремѣнно,
И прямо щастливы лишь только вы однѣ;
У васъ вольна отъ узъ живетъ любовь святая;
У васъ не для отцовъ, но любятъ для себя,
Союзовъ никакихъ, ни выгодъ не считая,
Но склонность лишь своихъ сердецъ употребя.
Коль щастлива былабъ, коль щастлива Тамира!
Когдабъ съ ней билъ Селимъ въ одномъ лугу пастухъ:
Не злато, не вѣнцы, не царская порфира,
Но вѣрнаябъ любовь соединила двухъ.

Клеона.

Одно тебѣ еще прибѣжище осталось.
Ты дядѣ мысль сію, Царевна! объяви;
Спѣши, пойдемъ пока совсѣмъ не основалось
Супружество твоей противное любви.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Селимъ и Надиръ.

Надиръ.

Мнѣ радостенъ сей миръ; но на тебя взирая,
Сугубо чувствую веселіе въ себѣ.
Таковъ его былъ взоръ и бодрость въ немъ такая,
И именемъ и всѣмъ подобенъ былъ тебѣ
Селимъ, котораго любовь и добродѣтель
Къ Нарсиму и ко мнѣ коль искренна была,
Тому прекрасный брегъ Геонскихъ водъ свидѣтель.

Селимъ.

Сѣдины вижу тѣ, и тѣ черты чела!
Теперь мнѣ небеса надежду укрѣпляютъ!
Возлюбленный Надиръ, тебя здѣсь вижу я,
Котораго понынь мѣста воспоминаютъ,
Гдѣ праведна еще цвѣтетъ хвала твоя,
Хотя и никому твой Царской родъ незнаемъ,
Которой и друзьямъ твоимъ былъ потаенъ,
Но гдѣ твой сынъ, мой другъ?

Надиръ.

На брань пошолъ съ Мамаемъ.
Однако онъ Царемъ не мной на свѣтъ рожденъ.
Родившись отъ одной съ Мумепомъ я утробы,
Нарсима сыномъ звалъ, онъ звалъ меня отцомъ;
И не хотя, какъ ты открыть своей особы,
Высочество таилъ въ названіи простомъ.

Селимъ.

О щедрая судьба! Нарсимъ! онъ брашъ Тамирѣ!
Пріяшель искренній! когда бы здѣсь онъ былъ,
То можешъ бышь при семъ возобновленномъ мирѣ
Въ желаніи моемъ мнѣ промыслъ споспѣшилъ.

Надиръ.

Его обрашно Царь всечасно ожидаешъ.

Селимъ.

Однако и швоя поможешъ мнѣ пріязнь.
Позволь мнѣ объявишь, чего мой духъ желаешъ;
Узнаешь нынѣшнихъ ошъ прежней мысли разнь.
Тебѣ всѣ склонносши и жизнь моя извѣсшна,
Какъ былъ я въ Индіи съ Нарсимомъ и съ шобой,
Бывалаль красоша очамъ моимъ прелесшна?
Бывалъ ли нарушенъ любовью мой покой?
Всегда исполненъ шѣмъ, чшо мудрые (*) Брамины
Съ младенчесшва въ моей осшавили крови,
Напасши презирашь, безъ сшраху ждашь кончины
Имѣшь недвижимъ духъ и бѣгашь ошъ любви;
Я больше какъ рабовъ имѣлъ себя во власши,
Мой нравъ былъ завсегда уму порабощенъ,
Преодолѣнны я имѣлъ подъ игомъ сшрасши,
И мраку ихъ не зналъ наукой просвѣщенъ.
Другихъ волненія смошрѣлъ всегда со брегу.
Но нынь подъ общей я подверженъ сшалъ законъ,
И мыслей бысшраго сдержашь не силенъ бѣгу,
Я имъ послѣдую и ошдаюсь въ полонъ.

(*) Индѣйскіе Философы.

Не ради слабыхъ силъ оставилъ я осаду,
Любовь изторгнула изъ рукъ военныхъ мечъ;
Тамира, не полки была защита граду,
Она мнѣ шлемъ съ главы, броню сложила съ плечъ.

Надиръ.

Что слышу я? и какъ?

Селимъ.

Сквозь самы тверды стѣны,
Межъ копей, межъ щитовъ любви свободенъ путь.
Я въ перемирны дни на градъ сей утѣсненны,
Приближившись ко рву, едва успѣлъ взглянуть,
Прекрасны очи грудь пронзили изъ бойницы.
Смущенъ и изумленъ спросилъ, какъ ѣхалъ прочь:
Мнѣ плѣнникъ объявилъ, что смотрятъ тутъ дѣвицы,
И что Мумешова въ срединѣ оныхъ дочь.
Съ того часа война въ крови моей возстала.
Я вамъ спокойство давъ, съ собою брань имѣлъ.
Любовь поставитъ миръ, честь къ бою побуждала.
Вчера любовну страсть мой разумъ одолѣлъ.
Я въ руки принялъ мечъ; но сердце вопіяло:
Селимъ, на то ли ты дерзаешь устремленъ,
Чтобъ око нѣжное на кровь гражданъ взирало,
Которое меня въ пріятной взяло плѣнъ,
И чтобъ въ слезахъ лице Тамирино прекрасно
Отъ падающихъ стѣнъ покрылъ сгущенный прахъ?
Я симъ движеніямъ противился напрасно,
И удержать не могъ оружія въ рукахъ.

Дражайшій мой Надиръ! позн*а*въ причину мира,
И дружбу вспомянувъ, потщись мнѣ пособить.
Царю напомяни, что можешь лишь Тамира
Тріумфъ мой и сихъ стѣнъ мнѣ цѣлость заплатить.

Надиръ.

Твои заслуги мзды толикія достойны,
Достойны качества, и славный Царскій родъ:
Ты мысли между тѣмъ имѣй, Селимъ, спокойны,
Когда твой объявлю Царю сюда приходъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамира, Селимъ и Клеона.

Тамира.

Отраду можешь быть въ моей печали крайной
Второй мнѣ дасть отецъ . . . кого я вижу здѣсь?
Клеона, ахъ! куда?

Клеона.

О случай невзначайной!

Селимъ.

О радостной восторгъ! я цѣпенѣю весь!
Драгая, не мятись симъ взоромъ необычнымъ,
Но слуху своего гласъ слезный удостой,
И красотѣ твоей воззрѣніемъ приличнымъ
Трепещущую кровь и сердце успокой.
Хотя учтивость мнѣ и скромность возбраняетъ
Продерзостную мысль отчаянно открыть;
Но время краткое отнюдь не позволяетъ
И сердце не даетъ движенія таить.

(становится на колѣна.)

Ты видишь предъ собой, прекрасная Царевна!
Тобой плѣненнаго презрителя любви;
Тобой мнѣ будешь жизнь блаженна, иль плачевна,
Коль хочешь оживи, коль хочешь умертви.

ТАМИРА.

Какимъ смущаюсь я внезапно разговоромъ!
Тебя, Селимъ! тебя могу я умертвить?
Коль странна рѣчь! (поднимаетъ его.)

СЕЛИМЪ.

Твоимъ пронзенно сердце взоромъ
Бунтующей душѣ велитъ твоею быть.
Вотще противъ тебя, противъ себя воюю:
У стѣнъ, въ полкахъ, въ поляхъ твою срѣтаю тѣнь,
И въ трубный шумъ твое я въ мысли имя чую,
Тебя мнѣ мракъ ночной и ясность кажетъ въ день.
Пріятностей твоихъ вездѣ мнѣ блескъ сіяетъ;
Тобой исполненъ я и въ явѣ и во снѣ.
Недвижимый мой духъ и крѣпость оставляетъ,
Я больше ужъ себя не нахожу во мнѣ.
На горькое смотря, дражайшая, мученье,
Повѣрь, что мой животъ въ любезной сей рукѣ!

ТАМИРА.

Какое дать могу тебѣ я облегченье,
Въ лютѣйшей будучи погружена тоскѣ?

СЕЛИМЪ.

Дражайшая, какой свирѣпости возможно
Тебѣ малѣйшую противность учинить?
Какое сердце есть на свѣтѣ толь безбожно,
Которое тебя дерзаетъ оскорбить?

Тебя, предъ коею жаръ бранный погасаетъ,
И падаютъ изъ рукъ и копья и щиты,
Геройскихъ мыслей бѣгъ насильный утихаетъ
Удержанъ силою толикой красоты!
Но естьли ты меня, драгая, удостоишь
Причину твоего смущенія узнать;
То свой ты черезъ то и мой духъ успокоишь:
Во всемъ любовь моя возможетъ помощь дать.
На все любовь моя готова устремиться,
Готова всѣ бѣды и смерть въ ничто вмѣнить;
Лишь только бы твоей отрадой веселиться,
И чтобъ любовь твою взаимно заслужить.

Тамира.

Ахъ тщетны всѣ слова! напрасны обѣщанья!
Гонимой отъ своихъ поможетъ ли чужой?
Однѣ остались мнѣ со плачемъ воздыханья:
Не множь ихъ, и себя отъ глазъ моихъ укрой.
Меня судьба зоветъ и должность понуждаетъ
Оставить здѣшній градъ и въ дальній край спѣшить,
Престань того желать, что небо запрещаетъ:
Такъ промыслъ положилъ, и не льзя премѣнить.

Селимъ.

Поспѣшно твоему отшествію иль косно,
Чрезъ море должно быть, или пространствомъ поль:
То ежели тебѣ мое присутство сносно,
Дражайшая, себѣ послѣдовать позволь,
И удостой меня взирать слезящимъ окомъ
На знаки нѣжные возлюбленныхъ слѣдовъ.

Но ежель не дано тебѣ предѣла рокомъ,
Гдѣ должно странствовать, оставя домъ отцовъ,
Послѣдуй мнѣ въ луга Багдатскіе прекрасны,
Гдѣ въ срѣтенье тебѣ Евфратъ прольетъ себя,
Гдѣ вешніе всегда господствуютъ дни ясны,
Пріятность воздуха достойная тебя,
Царицу воспріять великую стекаясь,
Богинею почтитъ чудящійся народъ,
И красотѣ твоей родитель удивляясь,
Превыше всѣхъ торжествъ поставитъ твой
приходъ.

Тамира.

Хотя такихъ, Селимъ, даровъ не презираю;
Но выше въ нихъ твоимъ достоинствамъ цѣна.
Ахъ! что прельщаюсь тѣмъ, чья быть не уповаю?
Какъ сердце я отдамъ, въ которомъ не вольна?
Велика держитъ внутрь мой робкой голосъ сила;
Но большая тоя отъ сердца гонитъ вонъ!
Когда противъ твоей я воли возлюбила,
О небо! то скончай ударомъ громнымъ стонъ!
Ужъ болѣе таить мой духъ не позволяетъ,
И толь великихъ бурь не можетъ грудь вмѣстить.
Селимъ, любовь моя равно къ тебѣ пылаетъ,
Которую судьба стремится погасить.
Отеческая власть желаніямъ противна
Иному отдаетъ тобою полну грудь,
И съ коимъ жизнь моя была бы неразрывна,
Едва я на того дерзаю и взглянуть.

Селимъ.

О радостныя вдругъ, минуты и плачевны!

Я вознесенъ до звѣздъ и въ бездну погруженъ!
На что соединилъ сердца, о промыслъ гнѣвный!
Когда союзъ ихъ въ вѣкъ тобой не утвержденъ?
Но нынѣ о твоей любови я увѣренъ,
Дражайшая, противъ судьбы вооружусь.
Мой духъ такъ напряженъ, коль пламень мой безмѣренъ;
Умру, или съ тобой въ тріумфѣ возвращусь.

Тамира.

Я сердце ужъ тебѣ, любезный поручаю,
И вѣрность данную пребуду вѣкъ храня.
Къ неистовому я не преклонюсь Мамаю.
Пусть весь свѣтъ побѣдитъ, не побѣдитъ меня.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Селимъ одинъ.

Мамай! Тиранъ во плѣнъ толику добродѣтель,
Чудовище влечетъ толику красоту?
О солнце, ты сего возможешь быть свидѣтель,
И свѣта не лишитъ такую срамоту!
Я коль великимъ то и славнымъ почитаю,
Чтобъ вѣкъ Тамириной любовію горѣть;
Толь напротивъ того позорно быть вмѣняю,
Такаго варвара соперникомъ имѣть.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Муметъ, Селимъ, Надиръ и Заисамъ.

Селимъ.

Спокойствомъ пользуясь я нынѣ безопаснымъ,
Тебя пришолъ почтить и видѣть, Государь!
И договоромъ миръ возобновить согласнымъ,
Къ чему мнѣ далъ всю власть меня родившій Царь.
По волѣ я его Таврійскую вершину
Прешелъ и воинствомъ наполнилъ корабли,
Отъ страху свободилъ Евксинскую пучину,
Что ваши подданны разбоемъ навели.
Отмстивъ купечества грабежъ, я миръ далъ граду,
Имѣя громъ въ рукѣ, ударить не хотѣлъ:
За домъ, за Крымъ, за жизнь желанну дай награду,
Которой я свою побѣду предпочѣлъ.

Муметъ.

Причину твой отецъ имѣлъ вооружиться,
Какую завсегда къ войнѣ легко сыскать.
Которa можетъ власть на свѣтѣ похвалиться,
Чтобъ такъ всѣхъ подданныхъ могла она держать,
Какъ мирны требуютъ отъ оныхъ договоры,
И многибъ тысящи имѣли мысль одну?
И кто тѣмъ угодитъ, что будтобъ рушитъ ссоры,
Наносятъ для хвалы неправедну войну?
Хоть наша жизнь кратка, и оныя прибавить
Чрезъ храбрыя дѣла героямъ долгъ велитъ;
Но мѣру праведну желаніямъ поставить,

Въ томъ больша похвала чрезъ цѣлой свѣтъ
гремитъ.
Тебѣ довольно быть, Селимъ, я уповаю,
Когда повиннымъ казнь достойну наложу.

Селимъ.

Спокойство утвердивъ, я больше не желаю,
Но токмо дружество взаимно предложу.
На свѣтлое лице взирая восхищаюсь,
Что въономъ начертанъ любезный мой Нарсимъ,
И та, которою пылаю и терзаюсь,
Плѣняетъ красота воззрѣніемъ твоимъ.
Союза нашего залогъ и совершенство
И вѣчная печать быть можетъ дочь твоя.
Тамира дастъ одна и сохранитъ блаженство,
Котораго во вѣкъ лишуся безъ нея.
Какъ естьли данный миръ земли твоей полезенъ,
За тое надлежитъ воздать моей души,
И буде, Государь, твой сынъ тебѣ любезенъ,
То друга ты его себѣ усынови.

Муметъ.

Что сынъ мой другъ тебѣ, то мнѣ весьма пріятно.
Онъ также какъ и я за щастіе почтетъ,
Что въ городъ сей пришедъ съ побѣдою обратно,
Тебя союзникомъ, а не врагомъ найдетъ.
При немъ намъ небеса помогутъ все устроить,
Его къ отрадѣ я по вся минуты жду.

Селимъ.

Надѣясь чрезъ него я сердце успокоить,
На Понтски берега съ веселіемъ пойду,

И прежде дружняго пошщусь сюда приходу
Все воинство свое на корабли вмѣстишь.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Муметъ, Надиръ и Заисанъ.

Муметъ.

Взирая на любовь, особу и породу,
Не въ силахъ мыслей я своихъ соединить.
Примѣтивъ ненависть Нарсимову къ Мамаю,
Союзъ къ супружеству съ Тамирою таилъ.
Но нынѣ большія препятствія срѣтаю:
Нарсимъ Селиму другъ, а ей Мамай постылъ
Не должно царское Царю быть слово ложно;
Но какъ я кровь свою тиранствовать могу?

Заисанъ.

Того ужъ, Государь, перемѣнить не можно:
Кто другомъ былъ, тому открыто все врагу.
Когда кто сильному, что долженъ, отрицаетъ,
Тотъ будетъ принужденъ. что и не долженъ, дать,
И долгъ къ отечеству Царямъ повелѣваетъ
Блаженство онаго родству предпочитать.
Помысли, Государь, коль будетъ дерзновенно
Вооруженнаго Мамая раздражить;
И коль полезно вамъ, похвально, несравненно
Владѣніе такимъ союзомъ укрѣпить.

Надиръ.

Что мѣру превзошло, стоитъ надъ стремниною,

Чтобъ гордости примѣръ паденьемъ звучнымъ
дать.
Безумна власть падетъ своею тяготою:
Что срамно пріобрѣсть, срамнѣе потерять.
Видалъ я быстрыя уже изсохши рѣки
Засыпанны пескомъ, что рвали съ береговъ.
Такъ царства, что цвѣли во славѣ многи вѣки,
Упали тягостью поверженныхъ враговъ.
Нарочно Богъ во тьмѣ грядущее скрываетъ,
Чтобъ смертныхъ гордые совѣты раззорить.
Мамай поля свои людьми опустошаетъ,
Дабы ихъ трупами Россійскій край покрыть.
Насильна власть стоять не можетъ долговѣчно.
Кто гонитъ одного, тотъ всякому грозитъ.
Россію варварство его безчеловѣчно
Изъ многихъ областей въ одну совокупитъ.
На плачь, на шумъ, на дымъ со всѣхъ сторонъ
стекутся;
Рассыпанныхъ враждой сберетъ послѣдній страхъ.
Какою силою въ единствѣ облекутся,
Владимиръ намъ примѣръ и храбрый Мономахъ.
Сей вредные своей земли отмстивъ набѣги,
Лавровымъ верьхъ вѣнцемъ и Царскимъ увѣнчалъ,
А оный здѣшніе покрывъ полками бреги,
Супругу въ сихъ стѣнахъ и вѣру воспріялъ.

Заисанъ.

Мамаю слѣдуетъ вездѣ съ побѣдой слава;
Онъ съ нею къ намъ спѣшитъ Россіей овладѣвъ.
Великостію силъ военны мѣрятъ права
Великіе Цари и областію гнѣвъ.

Надиръ.

Великодушный левъ жаръ тотчасъ утоляетъ,
Коль скоро видитъ онъ, что врагъ его лежитъ;
Но хищной волкъ потолѣ противника терзаетъ,
Пока послѣдняя въ немъ кровь еще кипитъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Вѣстникъ и прежніе.

Вѣстникъ.

Съ Придонскихъ, Государь, полей я отъ Нарсима
Къ тебѣ пріятную несу поспѣшно вѣсть,
Что къ радости твоей и къ утѣшенью Крыма
Велику заслужилъ онъ храбростію честь.
Побитыхъ кровію Непрядвы токъ сгустился,
И грабятъ Росской станъ Херсонскіе полки,
И ранами покрытъ отъ бою уклонился,
Димитрій бѣгая Нарсимовой руки.
Одно нещастіе Мамая сокрушаетъ,
Что сильный Челубей пронзенъ въ крови лежитъ,
Лежитъ и поля часть велику покрываетъ!
Но намъ послѣдуя, побѣда ужъ гремитъ.
Оставшимъ Россамъ путь пресѣченъ къ бѣгу
Дономъ,
Или въ бою падутъ, или дадутся въ плѣнъ.
Мамаю малымъ толь людей своихъ урономъ
Пространный Сѣверъ весь подъ областъ покоренъ.

Муметъ.

Мамаю небеса Тамиру поручаютъ,
И слово данное сама судьба крѣпитъ.

Хошь нравы разные съ Нарсимомъ раздѣляютъ;
Но обще щастье ихъ въ любовь соединитъ.
Ты вѣрный Заисанъ и ты мой брашъ любезный,
Подумавъ межъ собой, придите въ мой чертогъ
Союзы утвердить и дать совѣтъ полезный,
Дабы доволенъ былъ Селимъ отказомъ могъ.

Конецъ второму дѣйствію.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Мамай одинъ.

Еще великій страхъ меня не оставляетъ!
Еще я слышу крикъ враговъ гонящихъ въ слѣдъ!
И блѣдныхъ лицъ меня мечтаніе смущаетъ!
Здѣсь съ паромъ кровь изъ Мурзъ разсѣченныхъ течетъ,
Здѣсь тѣнь Нарсимова послѣдуя за мною,
Уже въ глазахъ моихъ отмщеніемъ грозитъ!
Крѣпись, мой духъ, крѣпись, бѣду скрывай бѣдою,
И въ горести кажи на мнѣ геройской видъ.
Отъ Россовъ побѣжденъ, хотя я ужасаюсь
Въ отечествѣ свой стыдъ и слабость показать;
Но съ войскомъ погубивъ Нарсима, утѣшаюсь,
Что не остался, ктобъ здѣсь могъ о томъ сказать.
Мамай, ты будь себѣ и въ пагубѣ подобенъ,
Мумета ложною побѣдою увѣрь.
На дѣлѣ испытай, коль къ умысламъ способенъ,
И ковъ составленной напастью нынѣ мѣрь.
Тамиру давъ въ жену, мнѣ дастъ Муметъ и войско.
Я орды по степямъ разсыпанны сберу;
Искусство покажу коварствомъ симъ Геройско,
Внезапно набѣжавъ Москву въ ногахъ попру.
На плачь тамъ премѣню я торжество спокойно,
И покажу врагамъ, каковъ мой гнѣвъ и власть.
Въ конецъ отчаяться Мамая недостойно:
Безумно всѣхъ путей не испытавъ пропасть.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Мамай, Мумеmъ, Надиръ и Заисанъ.

Мумеmъ.

Какое щасmіе мнѣ небо посылаеmъ,
Великій Государь, пришесmвіемъ mвоимъ!
Нечаянной mвой взоръ mѣмъ больше восхищаеmъ,
Чѣмъ больше нуженъ онъ смяшеніямъ моимъ.
Я радуюсь mвоей побѣдѣ въ свѣmѣ звучной,
И скорому дивлюсь пріѣзду mвоему.

Мамай.

Не можеmъ mоржесmва Мамай благополучной
Себѣ къ веселію осmавиmь одному;
Но хочеmъ онаго имѣmь и mу причасmну,
Коmорую къ сему блаженсmву mы родилъ.
Имѣя всю сmрану Россійскую подвласmну,
Я радосmь сообщиmь изъ усmъ своихъ спѣшилъ.
Сугубымъ mоржесmвомъ украсиmь ускоряю,
И славою мой въѣздъ въ великую орду.
Но славнѣе я быmь Тамирою желаю,
Какъ mѣмъ, чmо Дмиmрія въ оковахъ приведу.
Уже все воинсmво со плескомъ ожидаеmъ
Съ прекрасною меня Царицею къ себѣ.

Мумеmъ.

Побѣда мужесmво геройское вѣнчаеmъ;
Любовь и дружесmво Тамиру дасmъ mебѣ.
Нарсимъ помощникъ mвой въ семъ градѣ вожделѣнный

Украсить брачный день, со славой возвратясь,
И храбрым воинством Херсонским окружен-
ныи...

МАМАЙ.

Он нынѣ на поляхъ Россійскихъ веселясь,
Сокровища себѣ съ побитыхъ собиряетъ,
Съ которыми тогда обратно придетъ въ домъ,
Какъ даннымъ отъ меня онъ краемъ завладаетъ,
Лугами тучными межъ Дономъ и Днѣпромъ.

ЗАИСАНЪ.

О щастливой успѣхъ! о коль мѣста прекрасны!
(къ Надиру)
Не мнѣ ли въ честь конецъ пріяла наша пря?

НАДИРЪ.

Но сердца моего съ симъ чувства не согласны!

МУМЕТЪ.

Достоинъ даръ таковъ великаго Царя!

МАМАЙ.

Любезный Государь! Нарсима оставляя,
Я слышалъ въ радостныхъ изъ устъ его слезахъ,
Что въ сердцѣ ненависть изкоренилась злая,
И общимъ щастіемъ вражды развѣянъ прахъ.
Прости, сказалъ онъ мнѣ, я нынѣ признаваюсь,
Что злобой я тебя не разсудя гнѣвилъ.
Я храбрости твоей и духу удивляюсь,
Чѣмъ ты Димитрія и гнѣвъ свой побѣдилъ.
Геройства твоего я бывши самъ свидѣтель,
Завистниковъ твоихъ отвергнулъ клеветы.

ЗАИСАНЪ.

Превыше зависти восходитъ добродѣтель,

И презираешъ шу спокойна съ высошы!

Мамай.

Услышавъ шаково Нарсимово пріяшство,
Не медля брачной я союзъ ему ошкрылъ.
Онъ въ радосши сказалъ: о коль любезно брашство,
Въ кошоромъ промыслъ мнѣ съ Героемъ бышь судилъ.
Благополученъ Крымъ и щасшлива Тамира,
Тобой возвышенны, прославленны шобой!
Но шы подобяся дыханію зефира,
Поспѣшно въ Крымъ пришедъ, Мумеша успокой.
Скажи ему, коль мнѣ съ шобою бышь полезно,
И будущей швоей Царицѣ объяви,
Чшо мнѣ шоликое супружесшво любезно;
И о моей къ шебѣ увѣрь ее любви.
Величесшво свое и неизчешны орды
Тамирѣ покажи, со славой возврашясь;
И шоржесшвуй, сшупивъ врагамъ на выи горды,
Чшо будушъ ницъ лежашь предъ нею преклонясь.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тамира, Клеона и прежніе.

Тамира.

Ужель возлюбленный Нарсимъ къ намъ возврашился?
Дражайшій мой ошецъ!

Мумешъ.

Ты видишь здѣсь его,
Предъ коимъ Сѣверъ весь просшранный преклонился;

Мамая почитай за сына моего.

Тамира.

О строги небеса!

Мамай.

Ты видишь браття друга,
Которой хочетъ вѣкъ къ тебѣ одной горѣть.

Муметъ.

Имѣешь жениха; а скоро и супруга
Въ немъ будешь отческимъ раченiемъ имѣть.
(къ Мамаю)
Любовь и я даю тебѣ рожденну мною,
Съ тобою царствовать и искренне любить.

Мамай.

Вторымъ я нынь отцемъ рожденъ на свѣтъ тобою,
Когда ты предпрiялъ меня усыновить.

Муметъ.

(къ Тамирѣ)
Нарсима и меня люби ты въ немъ единомъ,
И царствуй щастливо въ обширной толь странѣ.
Блистая на земли пресвѣтлымъ царскимъ чиномъ,
Ему послушна будь, какъ нынь послушна мнѣ.

Тамира.

Ты воленъ, Государь! законы и природа
Велятъ тебѣ имѣть въ Тамирѣ полну власть,
Какъ спорить я могу? коль не дана свобода
По волѣ избирать пристойну въ жизни часть.
Но естьли смѣю я . . .

Муметъ.

Младые не радѣютъ
О томъ, чрезъ чтобы имъ ко щастiю дойти:

За тѣмъ родители рожденными владѣютъ,
Дабы поставить ихъ на истинномъ пути.
Любовью будешь звать, что нынь зовешь грозою,
И станешь строгости моей благодарить.
Ты слѣдуй въ мой чертогъ, любезный братъ, за мною,
Дабы мнѣ скорой бракъ съ тобой расположить.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тамира, Мамай, Заисакъ и Клеона.

Мамай.

Несносной горестью смятенный примѣчаю,
Что всуе таковымъ я пламенемъ горю,
Тамира, ненависть имѣешь ты къ Мамаю?
И смѣешь согрубить великому Царю?
Однако принужду свои къ спокойству мысли,
И младости твою противность припишу.
Царевна, истиннымъ своимъ блаженствомъ числи,
Что сердце я свое тебѣ въ даръ приношу.
Цари съ концевъ земныхъ сродства со мной желаютъ;
И кажда красоту приноситъ мнѣ страна.
Коль многія по мнѣ Царевны воздыхаютъ!
Ты можешь получить желанья всѣхъ одна.
Ты можешь получить великаго Героя,
Которой мужествомъ вселенну удивилъ,
Превысилъ славою Чингиса и Хозроя,
И прадѣда въ себѣ Батыя воскресилъ.

Представь мой славной родъ, и кто Мамаю дѣды,
Отъ коихъ онъ тебѣ къ супружеству рожденъ.
Россія не мои, но ужъ твои побѣды,
Когда я красотой твоей самъ побѣжденъ.
Толикимъ Государь народамъ покореннымъ,
Не обинуюсь быть просителемъ твоимъ.
Я щастіе свое почелъ бы несравненнымъ,
Когда бы оное считала ты своимъ.

Тамира.

Когда ты многіе привелъ подъ власть народы,
То славы, Государь, толикой не теряй,
И слабый женскій полъ лишивъ драгой свободы,
Великихъ дѣлъ своихъ чрезъ то не помрачай.

Мамай.

Тебя свободы я могу лишить, Тамира,
Котору возвести съ собой на тронъ спѣшу,
Поставишь госпожей мнѣ подданнаго міра,
И будучи Царемъ, быть плѣнникомъ ищу?

Тамира.

Среди довольствій всѣхъ, среди великой славы,
Сидя на Царскаго престола высотѣ,
Что пользы, естьли въ насъ различны будутъ нравы?
Я все равно почту послѣдней нищетѣ!
Какая польза въ томъ, что рокъ свой проклиная,
Не бракомъ буду бракъ, но плѣномъ называть;
И на оковы толь несносные взирая,
Тебѣ послѣдовать, а о иномъ вздыхать!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Мамай, Клеона, Заисанъ.

Мамай.

(къ Клеонѣ.)

Что слышу я еще! любовница иному
Тамира можетъ быть, и мнѣ при томъ жена?
И кто Мамаева не устрашаясь грому,
Дерзнулъ взглянуть на ту, что мнѣ обручена?
Тебѣ всѣ склонности и нравъ ея извѣстенъ,
Ты можешь нынѣ честь и милость заслужить.
Скажи, скажи, кто есть Тамирѣ толь прелестенъ,
Кого бы мнѣ она хотѣла предпочтить?
Когда открытіемъ смущеніе прогонишь,
Дабы соперника узнать и отвратить,
Когда Тамиринъ духъ ко мнѣ въ любовь преклонишь,
Какую мзду за то ты можешь получить!
Ты знаешь власть мою и отческую волю:
Старайся обязать великихъ двухъ Царей.
Я Царску честь тебѣ давать своимъ позволю,
И матери р вно тебя почту своей.

Клеона.

Я знаю, Государь, коль власть твоя велика,
И коль должна Царю послушна быть раба!
Но помощи подать не можетъ мзда толика,
Когда имѣетъ брань съ любовію судьба.
Не можетъ воинство съ концемъ всея вселенны
Противу твоего стать гнѣвнаго лица:

Но силой покоришь пристойно крѣпки стѣны,
А нѣжны ласкою дѣвически сердца.
Чѣмъ больше ты къ любви Тамиру принуждаешь,
Тѣмъ больше будешь ей противенъ и постылъ.

Заисанъ.

Великому Царю толь дерзко отвѣчаешь?

Мамай.

О какъ напрасно я къ ней щедръ и ласковъ былъ!
Оковы, муки, гладъ и вѣчная темница,
И смерть сама легка таку змѣю карать.

Клеона.

Тамирѣ былобъ то уже живой гробница,
Селиму сердце давъ, Мамаю присягать.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Мамай и Заисанъ.

Мамай.

Селимъ! и кто?

Заисанъ.

Зелимъ, о щастливъ недостойно!
О общая печаль! о страсти слѣпота!
Селимъ, что не хотя въ Багдатѣ жить спокойно,
Разбоемъ утѣснялъ предъ градомъ симъ мѣста.
Но страхомъ силъ твоихъ смятенъ склонился къ миру,
И въ городъ сей вошедъ, Мумету предлагалъ,
Дабы онъ далъ ему въ супружество Тамиру;
Однако Царь на то отвѣтъ несклонной далъ.
Къ Селимовой любви Царевна согласиться . . . .

МАМАЙ.

И предпочесть меня разбойнику могла?
О горесть! о ударъ! о какъ мой духъ стремится!
Не можетъ больша быть на свѣтѣ мнѣ хула,
Какъ чтобъ соперникъ мнѣ Царевичъ былъ Багдатской!
Хотя дерзнулъ сего онъ суетно искать,
Но можетъ возвратясь сказать въ странѣ Евфратской,
Что онъ того же могъ, чего и я желать.
Теряетъ цѣну всю, что ни было велико,
Какъ естьли тое онъ надѣется имѣть;
Ему хвала, а мнѣ презрѣніе колико,
Что тѣмъ же пламенемъ со мною могъ горѣть!
Но ахъ! что мышлю я, и что я здѣсь коснѣю?
Уже похитилъ онъ, что должно быть мое!
Любезный Заисанъ, спѣши отмстить злодѣю.
Пойдемъ . . . .

ЗАИСАНЪ.

Смягчи теперь волненіе свое.
Ты будешь, Государь, имѣть свою невѣсту,
И приметъ за сіе достойну казнь Селимъ,
Какъ воины твои къ сему приспѣютъ мѣсту;
Онъ погубитъ себя желаніемъ своимъ.
Муметова себѣ отвѣта ожидая,
Умедлитъ здѣсь, пока ты въ силѣ будешь самъ
Его плѣнить, отъ насъ пособья не желая,
Что ради мира нынь чинить не должно намъ.

МАМАЙ.

Поѣхавшіе въ слѣдъ со мною разлучились,

И скорости моей сравнишься не могли.
Надѣюсь въ разныя дороги устремились,
И ѣздяшъ по стѣпямъ разсыпанны въ дали.
И естьли ускоряшъ, не могушъ утомленны
Покои не имѣвъ, Селиму отомстишь.
Но я продерзостью такою огорченный
Могуль минушу дашь Селиму живу бышь?
Сія рука моя умывши кровью мерзской,
Воздастъ весь долгъ моей озлобленной любви.
Погибнешъ пусть злодѣй и сопоспашъ продерзской.
А ты любовь свою и ревность мнѣ яви,
Скажи, гдѣ онъ?

ЗАИСАНЪ.

Храни особу ты высоку,
И рукъ не простирай ....

МАМАЙ.

Доколѣ мнѣ страдать?
Спѣши со мной отмстить обиду толь жестоку,
Чтобъ мерзску кровь его Тамирѣ показать!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТАМИРА и КЛЕОНА.

КЛЕОНА.

Какою лютостью къ Селиму онъ пылаетъ!
Какой приходитъ къ намъ отъ словъ тиранскихъ слухъ!
Какой, драгая, жаръ въ очахъ твоихъ блистаетъ!
О какъ колеблешся озлобленный твой духъ!

Мнѣ сердце движется и говоритъ всечасно,
Что скоро лютая постигнетъ насъ напасть!

Тамира.

Теперь мнѣ болѣе ничто ужъ неужасно,
Ни варварска гроза, ни отческая власть!

Клеона.

Царевна, на кого ты можешь положиться?
Кто свободитъ тебя отъ сильныхъ рукъ?

Тамира.

Любовь.

Поди и посмотри, куда Мамай стремится?

(въ слѣдъ Клеонѣ)

На всѣ напасти жизнь нещастную готовь.

ЯВЛЕНІЕ ОСЪМОЕ.

Тамира одна.

Бѣги отсель, бѣги, Тамира и спасайся;
Пока тиранскихъ ты не чувствуешь оковъ,
Бѣги насильныхъ рукъ, на градъ не озирайся:
Селимъ приметъ тебя на корабли готовъ.
Онъ съ берегу очей минуты не спускаетъ,
И плаватели всѣ направилися въ путь;
И небо искренней любови поспѣшаетъ:
Уже намъ и борей способной началъ дуть.
Въ одномъ Селимѣ я надежду всю имѣю,
Когда слезами я отца не умягчу.
Но въ страхѣ трепещу, смущаюсь, цѣпенѣю!
Ахъ! что продерзская, ахъ! что начать хочу?
Уйду, отечество, родителя оставивъ,

И брата и сей домъ и стыдъ свой позабывъ,
И царской родъ во всей вселенной обезславивъ,
И кровнаго родства законы преступивъ?
Но каждо мѣсто мнѣ отечество съ Селимомъ;
Селимъ мнѣ будетъ братъ, отецъ и все родство.
Оставитъ всѣхъ и бытъ въ житьи нераздѣлимомъ
Съ супругами велитъ законъ и естество.
Супружествомъ назватъ неистовство дерзаешь,
И налагать страстямъ закона имена?
Нещастная, кому себя ты поручаешь?
Или тебѣ въ любви невѣрность не страшна?
Представь себѣ, представь прельщенную Медею,
Оставлшую отца и честь на семъ брегу!
Я мѣсто тожъ и страсть подобную имѣю:
Или я лучшія ждать вѣрности могу?
Несноснѣе бѣды мнѣ можетъ быть защита,
Какъ естьли мнѣ Селимъ другую предпочтитъ.
И на чужой странѣ кѣмъ буду я покрыта?
Отцу и брату гнѣвъ и дальность возбранитъ.
Отъ року бѣгая, на явной рокъ дерзаю.
Мнѣ пагубой земля, вода грозитъ бѣдой.
Непостоянное я море представляю,
И бури хищныя ревутъ передо мной.
Тамира, въ бѣдствіе сугубо не вдавайся,
Блюдись сугубой ты невѣрности, блюдись.
Однако укрѣпись, мой духъ, и не смущайся,
На слово данное Селимомъ положись.
Не тотъ въ немъ блещетъ духъ, не та его порода;

Съ любовію кипишъ геройская въ немъ кровь.
И коя устрашишъ при немъ меня погода ?
Не движешся въ волнахъ нелестная любовь.
Спѣши, спѣши отъ мѣстъ Мамаемъ зараженныхъ,
Спѣши за Понтъ, за Тигръ, за Нилъ, за Океанъ.
И какъ ужъ будешь ты въ странахъ толь удаленныхъ,
И тамъ покажется, что близко сей тиранъ!
О промыслъ ! о судьба! слезами умягчитесь!
О небо! о земля! о вѣтры! о моря!
На жалость, на тоску, на вопль мой преклонитесь,
Укройте отъ руки свирѣпаго Царя.
А вы мѣста, гдѣ мы любовію плѣнились,
Затмитесь, чтобъ отцу на память привести,
Что строгостью его Тамиры вы лишились!
Прости, дражайшее отечество, прости!

Конецъ третьему дѣйствію.

ДЕЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Надиръ и Заисанъ.

Заисанъ.

Какія, Государь, услышишь нынѣ вѣсти,
О тяжкая бѣда! о вѣчна срамота!
Тамира стыдъ забывъ, своей не помня чести,
Бѣжать намѣрилась отсель въ чужи мѣста!
И безразсудною любовію палима,
Къ Багдатскимъ шла одна, закрывъ себя, судамъ,
Надежду положивъ на льстиваго Селима,
Что былъ недавно врагъ отеческимъ стѣнамъ!

Надиръ.

О жалость горестна! о лютое мученье!
О строгость отческа! къ чему ты привела?

Заисанъ.

По щастью я открылъ такое дерзновенье:
Тамира во вратахъ уже градскихъ была:
Я общей за стѣны пошолъ смотрѣть отрады,
Ужель Селимъ полки поставилъ на суда;
И видя, что на нихъ все войско и снаряды,
Я путь свой обратилъ съ веселіемъ сюда.
Увидѣлъ, что спѣшитъ тамъ женскій полъ ко брегу,
Смотря во всѣ страны сквозь тонкой свой покровъ.
Я робкому дивясь и скорому толь бѣгу,

На встрѣчу прямо шолъ, провѣдать, кто таковъ.
Какъ странникъ на пути отъ звѣря убѣгая,
Спѣшитъ чрезъ терніе, чрезъ камни и бугры;
Но вдругъ увидѣвъ, что путь стремнина крутая,
И должно въ мрачну хлябь стремглавъ упасть съ горы,
Оцѣпенѣвъ стоитъ, противится размаху,
Трепещутъ члены всѣ, мутится свѣтъ очей:
Меня увидѣвъ вдругъ, Тамира такъ отъ страху
Смутилась, обмерла въ продерзости своей.
Укрыться отъ меня во всѣ страны металась;
Вездѣ былъ запертъ путь боязнью и стыдомъ.
Когда толикими волнами колебалась,
Я изумленную въ отеческой ввелъ домъ.
Что нынѣ мнѣ начать? какъ я Царю открою?
Дай въ помощь, Государь, премудрой твой совѣтъ.

Надиръ.

Внезапно не срази печалію такою.
Представь себѣ, какъ симъ подвигнется Мументъ!
Я лучше думаю сію скрыть вовсе тайну,
Дабы въ спокойствіи отцовъ оставить духъ.

Заисанъ.

Но я могу попасть въ бѣду чрезъ тое крайну,
Когда кромѣ меня къ Царю достигнетъ слухъ.
То видѣли рабы и воины со мною,
И могутъ все ему подробно донести.

Надиръ.

Хотя смягчи ударъ пріятностью какою;
Между веселыхъ словъ печаль сію вмѣсти.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Надиръ одинъ.

Несытая алчба имѣнія и власти,
Къ какой ты крайности родъ смертныхъ привела?
Которой ты въ сердцахъ не возбудила страсти?
И коего на насъ не устремила зла?
Съ тобою возрасли и зависть и коварство,
Твое изчадіе кровавая война!
Которое отъ ней не стонетъ государство?
Которая отъ ней не потряслась страна?
Гдѣ были созданы всходящи къ небу храмы,
И стѣны трудъ вѣковъ и многихъ тысячь потъ,
Тамъ видны лишь однѣ развалины и ямы,
При коихъ тучную имѣетъ паству скотъ.
О коль мучительна родителямъ разлука,
Когда даютъ дѣтей, чтобы пролить ихъ кровь!
О коль разительна и нестерпима мука,
Когда военный шумъ смущаетъ двухъ любовь!
Лишь только зазвучитъ ужасна брань трубою,
Мятутся городы и села и лѣса,
Любовническаго исполненные вою,
И жалобъ на ударъ жестокаго часа.
Что можетъ быть сего несноснѣе во свѣтѣ,
Когда двоихъ любовь и младость сопрягла;
Однако въ самомъ дней младыхъ прекрасномъ цвѣтѣ
Густая жадности мрачитъ ихъ пламень мгла,
Когда родители обманчивой корысти
На жертву отдаютъ и совѣсть и дѣтей?

О небо! преклонись, вселенную очисти
Отъ пагубы такой, отъ скверной язвы сей!
Коль дало красоту и младость человѣку,
И нѣжны искры въ немъ любовныя зажгло,
Чтобъ въ радости прожитъ дражайшую часть вѣку,
То долголь на земли сіе попустишь зло?
На толь Тамирѣ ты пріятность влило въ очи,
На то ли нѣжную въ нее вложило страсть,
Чтобы подвержена тиранской сильно мочи,
Оплакивала жизнь и горестную часть.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Надиръ и Клеона.

Клеона.

Тамира! ахъ печаль! Тамира дорогая
Поимана, въ слезахъ отчаявшись сидитъ!
Селима въ жизнь свою увидѣть ужъ не чая,
Лишь мысльми на него въ отсутствіи глядитъ,
И имя сладкое едва съ плачевнымъ стономъ
Дерзаетъ въ горести послѣдней помянуть.
Озлобленна судьбы жестокимъ толь закономъ
Руками томными терзаетъ нѣжну грудь.
Блѣднѣетъ цвѣтъ лица и всѣ трепещутъ члены,
Холодной страхъ, тоска, отчаянье и стыдъ,
Являются въ ея очахъ изображенны.

Надиръ.

Что сдѣлалъ бы Селимъ, таковъ представивъ видъ?

Клеона.

Что сдѣлалъ бы, когда увидѣлъ, что руками
Кровавыми Мамай любезную влечетъ,
Которая стремясь на небеса очами,
Потоки слезные, рыдая горько, льетъ
Ахъ! сжался, государь, не дай бѣдѣ сей сбыться,
Всю мысль свою къ ея спасенію впери.

Надиръ.

Не можно отъ сего Царевнѣ свободиться:
Воюютъ противъ ней великіе Цари.

Клеона.

Такъ пойдетъ агница за волкомъ въ слѣдъ Тамира,
На кровь, на смерть людей, на трупы ихъ смотрѣть;
И радости лишась въ супружествѣ и мира,
Мученье внутрь себя тягчайшее имѣть?

Надиръ.

Не знаю, что мое внутрь сердце предвѣщаетъ,
И смутному уму всечасно говоритъ:
Мамай царя и всѣхъ злой хитростью прельщаетъ,
И около насъ сѣть коварствъ его стоитъ.
За чѣмъ одинъ прибѣгъ? за чѣмъ спѣшитъ онъ бракомъ,
И что за нимъ не шлетъ извѣстія Нарсимъ?
Сіи окрестности считаю я признакомъ
Для насъ и для него и для Тамиры злымъ.

Клеона.

Для толь поспѣшнаго Мамаева прихода
Слухъ вѣ городѣ прошолъ, что онъ со всѣмъ побитъ.

Надиръ.

Всегда есть Божій гласъ гласъ цѣлаго народа;
Устами онаго Всевышній говоритъ.
Но пусть Мамай надъ всей вселенной торжествуетъ;
Однако щастливъ быть не можетъ бракъ такой,
Когда сама любовь противъ него враждуетъ.
Совмѣстноль варварству съ толь нѣжной красотой?
Возможноль въ сей тоскѣ Тамирѣ укрѣпиться,
И сердца своего движенья утолить?

Клеона.

На страсть ея смотря, и небо возгорится,
И не умедлитъ зла толикаго отмстить.

Надиръ.

Горами потрясетъ, и воспалитъ пожары,
Или опустошитъ повѣтріемъ луга,
Или отъ глубины возвысивъ волны яры,
Потопомъ скверные очиститъ берега.

Клеона.

Народную молву пріумножаютъ знаки,
Вездѣ ужъ говорятъ, что близъ дверей бѣда!
Мнѣ кажутся во снѣ ужасные призраки,
И врановъ, какъ на трупъ, слетаются стада.

Надиръ.

Хоть радостенъ Мументъ, но войска не имѣетъ;
Что будетъ, какъ Селимъ къ стѣнамъ приступитъ вновь?
Погибнемъ, ежели не разсудя посмѣетъ
Озлобить мечь въ рукѣ держащую любовь.

Мамая гордый духъ чѣмъ больше возвышаетъ,
Тѣмъ можетъ рокъ его скорѣе поразитъ.
На пышны горъ верьхи громъ чаще ударяетъ.
Бѣги высотъ, когда безбѣдно хочешь житъ.
Цвѣтутъ спокойныя не зная бурь долины,
Гдѣ рѣдко молніи возможно досягать.
Никто на свѣтѣ такъ не обязалъ судьбины,
Ктобъ завтрешне себѣ могъ щастье обѣщать.
На лживость онаго никто не полагайся:
Что утромъ возрасло, то вечеромъ падетъ.
Никто въ нещастіи спасенья не отчайся:
Что вечеръ низложилъ, то утро вознесетъ.
Неутолимый рокъ все коломъ обращаетъ.
Съ Мамаемъ рушиться внезапно можетъ Крымъ.
Когда кто съ высоты великой упадаетъ,
И тѣхъ съ собой влечетъ, что съ низу шли за нимъ.
Но симъ смущаются лишь только подлы души,
Которы на морской волнами шумный путь
Смотря, колеблются съ недвижимыя суши,
И чаютъ на брегу высокомъ потонуть.
Едина видитъ то съ презорствомъ добродѣтель,
Среди громовъ и бурь недвижимо стоитъ;
Сама себѣ хвала, сама себѣ свидѣтель;
Хотъ міръ обрушится, безстрашну поразитъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Селимъ и прежніе.

Селимъ.

Любовникамъ долга единая минута!
Возможноль, Государь, Селиму нынѣ знать,
Ещель Тамира здѣсь?

Клеона.

О скорбь!

Надиръ.

О горесть люта!
Ахъ! что дерзнули вы нещастные начать!

Селимъ.

Мужайся скорбный духъ, и стой противъ удара,
Который на меня свирѣпый рокъ занесъ.

Надиръ.

Ахъ! естьлибъ гнѣвнаго отцова силу жара
Тамира утолить могла потокомъ слезъ!
Поимана въ пути для бѣгства предпріятомъ
Терзается....

Селимъ.

Какой вступаетъ въ жилы хладъ!
Когда не помогло ты въ дѣлѣ мнѣ начатомъ
О небо! не косни, живаго свергни въ адъ!
Мамай любовію моею поругаться,
И пламень мой презрѣть намѣрился Мумедъ?
Тамира не моя? мнѣ съ нею не видаться?
И больше никакой уже надежды нѣтъ?
Я вижу, что Мумедъ меня еще не знаетъ,
Еще въ осадѣ онъ моихъ не свѣдалъ силъ.

Мамаю дочь отдавъ, меня отвергнуть чаетъ?
Надежду на пескѣ онъ зыбкомъ положилъ!
Забылъ онъ, что моимъ любленіемъ спасенный
Стоитъ сей градъ? и въ немъ того лишить меня,
Чѣмъ я надѣялся въ сей жизни одаренный
Съ нимъ въ дружествѣ прожить, свой родъ соединя?
Забылъ любовь мою и дружество съ Нарсимомъ?
Забылъ, что жизнь его была въ моихъ рукахъ?
Я свижусь, покажу, каковъ союзъ съ Селимомъ,
И что вражда его возможетъ въ сихъ стѣнахъ!
Я снова на брегу противномъ мнѣ поставлю
И обращу на градъ Ефратскіе полки;
Отъ лютости такой любезную избавлю,
И отъ Мамаевой мучительской руки
Ударитъ женскій стонъ здѣсь вмѣсто пѣсней брачныхъ,
И вмѣсто праздничныхъ огней пожаръ сихъ стѣнъ.
Мушетъ увидитъ смерть бѣгущу въ вихряхъ мрачныхъ.
И кровію чертогъ Мамаевъ обагренъ:

Надиръ.

Я самъ бы уклонясь отеческаго града,
Въ пустой степи и жизнь и скорьбь свою закрылъ;
Не видя срамоты и мерзостнаго взгляда,
Я щастливъ бы весьма въ нещастіи томъ былъ.
Однакожъ, Государь, воспомянувъ Нарсима,
И зная, что сіе отечество его,

Меча не возноси къ опроверженью Крыма,
И даннаго держись ты слова своего.

Селимъ.

Не я, но самъ Мумеmъ сетѣнъ будетъ раззоритель:
Презрѣніемъ своимъ на то мнѣ право далъ.
Нарсима въ оныхъ нѣтъ, но лютый въ нихъ мучитель;
Онъ купно бы со мной противъ него возсталъ.
Сугуба страсть меня на то вооружаетъ,
То жалость горестна, то искрення любовь;
Одна во мнѣ стремитъ, другая духъ терзаетъ,
Одна снѣдаетъ грудь, друга волнуетъ кровь;
Одна велитъ отъ зла невинную избавить,
Другая въ вѣкъ себѣ любезну получить,
Одна всеобщій долгъ естественный исправить,
Другая данную присягу сохранить.
Или безчувственъ я таковъ кажусь Мумету,
Чтобы недвижно могъ стоять когда Мамай,
Похитивъ силою, что мнѣ дороже свѣту,
Ликуя поведетъ изъ глазъ въ далекій край?
Возможно ли стерпѣть его совѣты мэрски!
О сердце, не мягчись, но разруши въ конецъ;
Мумета низложи. Куда Селимъ продерзскій?
Подумай, что Муметъ любезныя отецъ!
И свято мѣсто мнѣ, Тамира гдѣ родилась;
Пусть въ цѣлости стоитъ, и пусть погибнетъ тотъ,
Отъ коего моя надежда разрушилась.
Мамаю отниму Тамиру и животъ.

Надиръ.

Пріятель укроти въ себѣ волненья гнѣвны,
И жизни не давай въ опасность такову.

Клеона.

Въ сугубой горести не погрузи Царевны,
Отъ пагубы храни любезную главу.

Надиръ.

Когда на сей ты градъ возстать не долженъ войскомъ,
То долженъ ли одинъ? Что хочешь?

Селимъ.

Умереть,
Или торжествовать, и въ мужествѣ геройскомъ
Награду вѣрности прекрасную имѣть;
И правды и любви непобѣдима сила
Противъ насилія со мной на брань пойдетъ;
Или моя рука, что Крымску кровь щадила,
Свою, но прежде той Мамаеву прольетъ.
И естьли мужество побѣдой не прославитъ:
Любовь и честь велитъ: довольно — я умру?
Пускай хоть тѣмъ меня отъ муки рокъ избавитъ,
Въ любовномъ жизнь моя погибнетъ пусть жару.
Я лучше съ похвалой оставить ту желаю,
Какъ тяжекъ быть себѣ и неву и земли,
И смерти ждать, въ посмѣхъ отдавъ севя Мамаю,
До старости не знать отрады николи.
Владѣетъ нашихъ дней Всевышній самъ предѣломъ.;
Но славу каждому въ свою онъ отдалъ власть,

Коль близко ходитъ рокъ при робкомъ и при смѣломъ,
То лучше мнѣ избрать себѣ похвальну часть.
Какая польза тѣмъ, что въ старости глубокой
И въ тмѣ безславія кончаютъ долгой вѣкъ?
Добротами всходитъ на верьхъ горы высокой
И славно умереть родился человѣкъ.
Превыше смертнаго я жребія поставлю
Участіе свое, и славой я вознесусь,
Когда Тамиру я отъ лютости избавлю,
Вмѣняя ни во что, умру или спасусь!
Пускай отецъ ея свирѣпой постыдится,
Мою за дочь свою текущу видя кровь,
Узнаетъ злость свою; но поздно научится,
Что можетъ предпріять озлобленна любовь!

Надиръ.

Какую принесешь ты въ старости утѣху
Родителямъ своимъ, когда услышатъ вѣсть,
Что вмѣсто въ сей войнѣ желаннаго успѣху
Дерзнулъ, забывъ объ нихъ, себя на рокъ привесть?
Они во срѣтенье давно къ тебѣ взираютъ,
И простираютъ мысль чрезъ горы и валы,
И въ нетерпѣніи минуты всѣ считаютъ,
Твоей нисытиться желая похвалы.
Возобнови свои премудрые уставы,
Которымъ прежъ сего себя ты покорялъ;
И вспомни прежніе свои на сей часъ нравы,
Которыхъ мѣрностью ты старыхъ удивлялъ.

Селимъ.

Любви велика власть всю крѣпость низлагаетъ,
И мной господствуетъ. Ужъ я не тотъ Селимъ...

Клеона.

Какую небо казнь съ Мамаемъ насылаетъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Мамай, Заисанъ и прежніе.

Мамай.

Совѣтъ имѣете съ соперникомъ моимъ?

Селимъ.

Или я съ Крымомъ здѣсь подвластенъ сталъ Мамаю?
Или онъ мнѣ имѣть совѣты запретитъ?

Мамай.

Теперь препятствія любви моей скончаю.

Селимъ.

Теперь любовь моя насильствію отмститъ.

Мамай.

Весь сѣверъ покоривъ, сеголь не одолѣю?
Забывъ, продерзостный противится Селимъ,
Кто прадѣдъ мой, и что я въ области имѣю?

Селимъ.

Кто родомъ хвалится, тотъ хвастаетъ чужимъ.
Но гдѣ твои полки? и гдѣ желаешь? въ морѣ,
Иль въ полѣ окончать толику боемъ прю?

Мамай.

Увидишь, дерзостный бѣглецъ, увидишь вскорѣ,
Какому ты дерзнулъ противу стать Царю.

Поди и возвѣсти, гдѣ обитаютъ мертвы
Прапрадѣды мои, каковъ ихъ въ свѣтѣ внукъ.
(Вынимаетъ саблю)

Селимъ.
(Вынимая саблю)
Любовь Тамирина такой достойна жертвы,
Которой отъ моихъ она желаетъ рукъ.
(Сражаются)

Заисанъ.
(разнимая)
Великій Государь!

Клеона.
Ахъ!

Надиръ. (разнимая)
Ахъ, Селимъ любезный!
Въ какую пагубу несетъ злой рокъ тебя?

Заисанъ.
(къ Мамаю)
Смягчи свой Царской гнѣвъ!

Клеона.
(къ Селиму)
Склонись на токи слезны,
Помилуй, Государь, Тамиру и себя!

Конецъ четвертому дѣйствію.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Муметъ, Надиръ, Тамира, Клеона, Воины.

Муметъ.

Въ какой я крайней стыдъ тобою погрузился!
До коего достигъ при старости я зла!
На толь тебя родилъ, на то ли я крушился,
Тамира, чтобы ты преслушна мнѣ была?
За пришлецемъ бѣжать изъ отческаго дому,
И кровности его дерзнула предпочесть!
Какая казнь равна такому дѣлу злому,
Какая быть сему довольна можетъ месть?

Тамира.

Когда родилась я въ безщастную минуту,
Чтобъ скорбь тебѣ принесть; то сжалься, Государь!
Скончай свой гнѣвъ, скончай мою судьбину люту,
Мечемъ своимъ въ мою повинну грудь ударь!
Мнѣ гробъ пріятнѣе Мамаева чертога;
Употреби свою родительскую власть!

Муметъ.

Не я тебѣ, не я, сама себѣ ты строга;
Сама дерзнула ты въ такую мерзость впасть.
Ты въ сердцѣ лютую сама змѣю питаешь,
Которa въ кровь твою пускаешъ смертный ядъ!
Мамая дерзостью безстыдно озлобляешь,
Котораго одинъ тебя достоинъ взглядъ,

Которой къ высотѣ толикія державы
Тебя и весь мой домъ склонился возвести,
И въ общество принять своей гремящей славы,
И сердце въ даръ тебѣ геройско принести.
Къ послѣднему склонись отеческому слову,
Старайся склонностью продерзость наградить.
Но естьли я тебя увижу неготову
Съ великимъ симъ Царемъ въ супружество вступить;
То сдѣлаю примѣръ и покажу вселенной,
Что я хотя отецъ, однако же и Царь:
Блюдись руки моей упрямствомъ раздраженной,
И будь готова стать съ Мамаемъ предъ олтарь.
(къ Надиру)
Любезный братъ! потщись прельщенную наставить
На истинну стезю, пока все учрежду.
(къ Клеонѣ)
Тебя, преступница, кто можетъ нынь избавить
Отъ казни, что тебѣ за злобу наведу?
(къ воинамъ)
Возмите скверную и ввергните въ темницу.

Клеона.

Помилуй Государь!

Тамира.

Невинной не казни!

Надиръ.

Ты щедру обрати, о небо! къ намъ зѣницу!

Тамира.

Отеческу любовь во гнѣвѣ вспомяни.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамира и Надиръ.

Надиръ.

Дражайшая моя Тамира, будь спокойна,
И строгой перестань противиться судьбѣ,
Забудь, что лучшаго ты щастія достойна;
Будь тѣмъ довольна, что она даетъ тебѣ.
Когда родитель твой любовенъ и разсуденъ;
Тогда взаимно ты съ почтеніемъ люби:
Когда же онъ свирѣпъ и къ умягченью труденъ;
То помня крови долгъ, сноси и не скорби.
Повѣрь мнѣ, что Мамай хотя теперь возвышенъ,
И гордости своей не знаетъ, гдѣ предѣлъ;
Но скоро упадетъ, и звукъ лишь будетъ слышенъ,
Съ какой онъ высоты поверженъ въ низъ летѣлъ.
Чудовищу сему хоть небо попускаетъ
Еще до времени родъ смертныхъ раззорять;
Но нынѣ чрезъ твою невинность воспылаетъ,
И ускоритъ твою и всѣхъ бѣду скончать.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тамира, Надиръ и Вѣстникъ.

Вѣстникъ.

Печальны, Государь, въ сей часъ услышишь вѣсти!

Тамира.

Не дай, о Боже, мнѣ отчаяться въ конецъ!

Надиръ.

И не нашли на насъ превыше силы мести,
Но будь оставленнымъ и въ ярости отецъ!

Вѣстникъ.

Во гнѣвѣ изъ палатъ Мамай неутолимомъ
Лишь только вышелъ вонъ, и обращалъ свой зракъ,
Съ озлобленнымъ тотчасъ увидѣлся Селимомъ,
И тутъ къ сраженію другъ другу дали знакъ.
Взлетѣли на коней, и оныхъ поощряя,
Скакали на поля одни изъ нашихъ стѣнъ.
Я ѣхалъ имъ во слѣдъ, гдѣ роща есть густая,
Среди которой лугъ широкой заключенъ.
Тутъ первой ихъ ударъ . . .

Тамира.

О какъ мой духъ стѣснился!

Вѣстникъ.

Сверкнули острые и дали звукъ мечи;
Какъ туча мрачная Мамай ярясь смутился,
Отъ глазъ былъ блескъ, какъ валъ морской горитъ въ ночи,
Надежда на лицѣ Селимовомъ блистала,
И въ мужествѣ была пріятна красота:
Вездѣ рука его Мамая утѣсняла,
Мамай искалъ себѣ спасенья отъ щита.
Едва отъ скорыхъ онъ ударовъ укрывался,
И дѣйствовать мечемъ не успѣвалъ своимъ,
Уже и отступалъ и къ бѣгу порывался,
Но руку сильную занесъ въ размахъ Селимъ,
Ударилъ по щиту, звукъ грянулъ межъ горами,

Разпался разомъ щитъ и конска голова.
Мамай повержень былъ внезапно подъ ногами,
И ближни потряслись паденіемъ древа.
Селимъ тутъ могъ попрать копытами Мамая;
Однако тедъ съ коня, къ возставшему спѣшилъ.

Надиръ.

Ахъ дерзость!

Тамира.

Ахъ бѣда!

Вѣстникъ.

На храбрость уповая,
Къ погибели своей великодушенъ былъ.
Какъ чаялъ, что врага имѣлъ ужъ онъ во власти:
Набѣгли невзначай Мамаевы Мурзы.
Онъ имъ вскричалъ: теперь спасите отъ напасти!
Ударились къ нему . . .

Тамира.

О горькіе часы!
О щедры небеса! и мой животъ скончайте.

Вѣстникъ.

Мнѣ свѣтъ изъ глазъ отнявъ, погнала прочь боязнь!
Я слышалъ только тамъ: рубите и терзайте.
Одинъ изъ Мурзъ вскричалъ: прими достойну казнь.

Надиръ.

Любезный мой Селимъ, ужъ ты лежишь бездушенъ,
И храбрость множествомъ твоя побѣждена!
На толь ты только былъ родителю послушенъ,
Чтобъ кости приняла твои чужа страна?

Тамира.

Въ отчаяньи своемъ уже я ледѣнѣю,
Терзаньемъ утомясь любовнаго огня!
Отмсти ты, Государь, отмсти сему злодѣю,
За друга своего отмсти и за меня.

Надиръ.

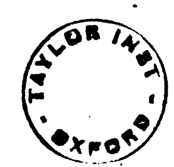
Пойду, не пощажу своей я хладной крови.
Отмщу, или умру! Довольно и того,
Что вашей принести сподоблюся любви
На жертву живота остатки моего.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тамира одна.

Какую можетъ дать Надиръ ужъ мнѣ отраду?
Селима больше нѣтъ! Мамай вкругъ ополченъ!
Иль сквернаго себѣ его ждать буду взгляду,
И дамъ себя жива чудовищу во плѣнъ?
Одно спасенье мнѣ не ожидать спасенья.
Въ покровъ природа смерть нещастливымъ дала.
Имѣя вольный путь, не избѣгу мученья?
Еще хочу я жить и не страшуся зла?
Ужъ сердце за стѣной Селимово терзаютъ,
Ахъ лютой мой отецъ! убійцы по путямъ.
О какъ и руки имъ твои не помогаютъ!
Поди и насладись невинной кровью самъ.
Насыть слезами грудь дочерними родитель!
И пагубой моей и рокомъ веселись!
Но знай, что будешь слыть на свѣтѣ ты мучитель:

Единымъ именемъ съ Мамаемъ возгордись.
А ты мой брать, когда сталъ нынѣ другъ Мамаю,
То въ жизни на тебя гнушаюсь я взглянуть;
Когдажъ ты отъ него погибъ, какъ вѣрно чаю,
То въ тотъ же за тобой спѣшить мнѣ должно путь.
И такъ нещастная Тамира умирая,
Родительскихъ уже не будешь видѣть слезъ.
Одна сомкнешь глаза, со свѣта убѣгая,
Оставлена отъ всѣхъ, презрѣнна отъ небесъ!
И огорченный духъ сойдетъ въ мѣста подземны,
Себя отъ тяжкихъ сихъ оковъ разрѣша,
И устремится въ слѣдъ Селиму въ хляби темны!
Повѣй ко мнѣ, повѣй, любезная душа:
Соединись съ моимъ послѣднимъ здѣсь дыханьемъ,
И будь, когда намъ рокъ жить вкупѣ запретилъ,
Хотя по смерти мнѣ соединенъ бѣжаньемъ
Со свѣта, что съ тобой однимъ мнѣ могъ быть милъ.
Раскаешься уже, родитель мой! но позно.
Ахъ! поздно будешь ты надъ мертвою рыдать,
Что принужденіе твое могло мнѣ грозно
Надежду и животъ во младости отнять!
А ты почувствуешь, Мамай безчеловѣчный,
Которой отнялъ нынь двѣ жизни у меня,
Почувствуешь ты казнь и страхи безконечны,
Какъ наша предъ тебя приступитъ тѣнь стеня.
Селимовъ будетъ духъ и мой тебѣ мечтаться,
И лица бѣдныя и кровь вездѣ казать.
Изъ степи будешь въ степь отъ страху укрываться;

Но мѣста не найдешь, гдѣбъ муки избѣжать.
Пока не видя ты своимъ мученьямъ краю,
Погибнешь въ горести, проклявъ послѣдній часъ.
Сего, о небеса, тиранну я желаю!
И въ жертву приношу послѣдній съ кровью гласъ!
Уже мнѣ вѣчность входъ къ блаженству отверзаетъ,
И смерть зоветъ меня къ спокойству отъ трудовъ!
Героевъ свѣтлый ликъ Нарсима тамъ встрѣчаетъ.
А ты мой духъ, къ нему еще ли не готовъ?
Ты къ дѣлу славному на что ослабѣваешь?
Что должно потерять, то должно презирать.
За чѣмъ рука моя конца не ускоряетъ?
Мнѣ легче смерть сама, какъ смерти ожидать.
Я смертью лишь могла, Селимъ, тебя лишиться,
Когда нашъ вѣкъ продлить изволилось судьбѣ.
Но нынѣ не хочу и въ смерти разлучиться.
Ты умеръ для меня, я слѣдую тебѣ.
(Хочетъ заколоться.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Селимъ, Нарсимъ и Тамира.

Селимъ.

(Схватя за руку и вырвавъ кинжалъ.)
Я живъ, дражайшая, я живъ и торжествую!

Нарсимъ.

Любезная сестра, твой здраствуетъ Нарсимъ!

Тамира.
(Ослабѣвая)
Уже межъ мертвыми я вижу тѣнь драгую!
Селимъ.
Въ какомъ отчаяньи!
Тамира.
И духъ Нарсимовъ съ нимъ!
Селимъ.
(Къ ослабѣвающей Тамирѣ)
Тебя, дражайшая, Селимъ твой поздравляетъ,
Что врагъ нашъ погубленъ. Ужъ больше не страшисъ.
Насъ вѣрность и любовь и щастье возвышаетъ;
Великой радостью ты съ нами ободрись.
Тамира.
Возможноль быть тому? Селимъ! Нарсимъ! я съ вами?
Я съ вами въ жизнь еще увидѣться могла?
Я вижу ясно, что рука твоя надъ нами,
О боже мой, въ бѣдѣ и въ горести была!
Но мнѣ Мамаева еще ужасна сила!
Нарсимъ.
Умывшись въ варварской рука моя крови,
Вселенныя концы отъ страха свободила,
Мнѣ мщенье воздала и вашей долгъ любви.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Муметъ, Надиръ, Заисанъ, Селимъ, Нарсимъ и Тамира.

Муметъ.

Нарсимъ, шы здѣсь! шебя я вижу, сынъ любезный?
Колику радосшь шы нечаянно принесъ!
Одинъ шы изсушишь мои пошоки слезны,
Что пролилъ мнѣ ударъ разгнѣванныхъ небесъ!
Мамаю не хошя Тамира бышь супругой,
Всего лишаешъ насъ, что намъ онъ обѣщалъ,
И что шы пріобрѣлъ своей къ нему услугой.

Нарсимъ.

Я всю ужъ, Государь, печаль шовою скончалъ,
И побѣжденъ къ шебѣ съ побѣдой возвращаюсь;
Димишрій одолѣлъ; и врагъ нашъ пораженъ.

Муметъ.

Внимая сшранну вѣсшь, въ сомнѣньи ужасаюсь!

Нарсимъ.

Коль чудно я для васъ ошъ пагубы спасенъ!
Спасенъ, сей градъ! шебя, Тамиру и Селима
Избавилъ ошъ бѣды, Мамая погубивъ.
Поверженъ сопосшашъ и раззоришель Крыма,
Что полкъ мой низложилъ; чушь я осшался живъ.

Муметъ.

О небо!

Заисанъ.

Ахъ ударъ!

Тамира.

О промыслъ милосердый!

Надиръ.

(къ Заисану)

Не мнѣ ли въ честь конецъ имѣетъ наша пря?

Селимъ.

Сама судьба есть щитъ любови нашей твердый.

Муметъ.

О льстивыя слова коварнаго Царя!
Скажи, любезный сынъ, скажи мнѣ все подробно,
И сдѣлай всѣмъ моимъ смущеніямъ конецъ.

Нарсимъ.

Не слыхано еще на свѣтѣ зло подобно,
Какое предпріялъ Мамай, тираннъ и льстецъ.
Уже чрезъ пять часовъ горѣла брань сурова,
Сквозь пыль, сквозь паръ едва давало солнце лучъ.
Въ густой крови кипя, тряслась земля багрова,
И стрѣлы падали дождевыхъ гуще тучъ.
Ужъ поле мертвыми наполнилось широко;
Непрядва трупами спершись, едва текла.
Различный видъ смертей тамъ представляло око,
Различнымъ образомъ повержены тѣла.
Иной съ размаху мечь занесъ на супостата;
Но прежде прободенъ, удара не скончалъ.
Иной забывъ врага, прельщался блескомъ злата;
Но мертвый на корысть желанную упалъ.
Иной отъ сильнаго удара убѣгая,
Стремглавъ на низъ слетѣлъ и стонетъ подъ конемъ.
Иной пронзенъ угасъ, противника пронзая.
Иной врага повергъ, и умеръ самъ на немъ.
Россійскіе полки отвсюду утѣсненны.

Казалося, что въ плѣнъ дадутся иль падутъ.
Мамай разтерзанны противныхъ видя члены,
Великой гордостью, промолвилъ мнѣ, надутъ:
Нарсимъ, Димитрія во узахъ предо мною,
Когда онъ живъ еще, немедленно поставь;
Но ежели онъ мертвъ, съ противничьей главою
Поспѣшно возвратясь, мнѣ радости прибавь.
Я будучи его тобою отданъ волѣ,
Не медля, поскакалъ къ Россійскому полку
Димитрія искать въ его стану и въ полѣ;
По трупамъ перешолъ кровавую рѣку.
Со всѣхъ сторонъ меня внезапно окружили
Избранны воины Мамаевыхъ полковъ,
И тѣхъ, что вкругъ меня вооруженны были,
Дерзнули сѣчь. Я тутъ узналъ проклятой ковъ.
Узналъ, что не вотще его я опасался,
И къ защищенію себя вооружилъ.
Одинъ изъ нихъ ко мнѣ ужъ прямо устремлялся,
И стрѣлу на меня въ свирѣпости пустилъ.
Она пробивъ мой щитъ, увязла по срединѣ.

Муметъ.

Къ какой ужасной я послалъ тебя бѣдѣ!

Надиръ.

Трепещетъ грудь моя!

Селимъ.

Коль близко былъ къ кончинѣ!

Нарсимъ.

Внезапно шумъ возсталъ по воинству вездѣ.
Какъ туча бурная ударивъ отъ пучины,
Ужасной въ воздухѣ раждаетъ бѣгомъ свистъ;
Реветъ и гонитъ мглу чрезъ горы и долины,
Возноситъ отъ земли до облакъ легкой листъ.
Такъ сила Русская поднявшись изъ засады,
Съ внезапнымъ мужествомъ пустилась противъ
нась;
Дождавшись таковой въ бѣдѣ своей отрады,
Оставше воинство возвысило свой гласъ.
Во срѣтенье своимъ Россіяне вскричали,
Великой воспылалъ въ сердцахъ унывшихъ жаръ.
Мамаевы полки увидѣвъ, вострепетали,
И ужасъ къ бѣгству принудилъ всѣхъ Татаръ.
Убицы отъ меня для страху удалились.
Я къ верьху смутные возвелъ свои глаза.
Тогда надъ Русскими полками отворились,
И ясный свѣтъ на нихъ спустили небеса.
Ударилъ громъ на насъ, по оныхъ поборая,
И подалъ знакъ, что Богъ на помощь имъ идетъ!
Глазами я искалъ и не нашолъ Мамая;
Съ бѣгущими и самъ побѣгъ ему во слѣдъ.
Внимая страшный стонъ, съ холма я оглянулся;
Какую пагубу увидѣлъ нашихъ силъ!
Увидѣвъ купно всѣхъ попранныхъ, ужаснулся!
Мамаю отомстить за все я зло спѣшилъ.

Муметъ.

О щастье льстивое! какъ души ослѣпляешь!

Тамира, я тебя напрасно озлоблялъ!

ТАМИРА.

Ты словомъ симъ живопть съ надеждой возвращаешь!

СЕЛИМЪ.

Уже я вознесенъ, какъ мой соперникъ палъ!
И очи, Государь, мои шѣмъ насладились,
Что отнялъ жизнь ему при мнѣ любезный другъ.
Когда мы на полѣ одинъ съ другимъ сразились,
Вооруженные наѣхали къ намъ въ лугъ.
Я чаялъ, что Мамай съ другими согласился,
Чтобъ множествомъ меня коварно одолѣть,
Однако я стоять противъ вооружился,
И предпріялъ, лишась любезной, умереть.
Тотчасъ шутъ усмотрѣлъ любезнаго Нарсима,
Которой яростью къ Мамаю устремленъ
Летѣлъ къ отмщенію колеблемаго Крыма.
Онъ тяжко возстеналъ, мечемъ сквозь грудь пронзенъ.
Какъ Тигръ ужъ на копьѣ хотя ослабѣваетъ;
Однако посмотрѣвъ на раненой хребетъ,
Глазами на ловца кровавыми сверкаетъ,
И ратовище злясь, въ себѣ зубами рветъ.
Такъ мечь въ груди своей схватилъ Мамай рукою;
Но палъ, и трясучись, о землю тыломъ билъ.
Изъ раны черна кровь ударилась рѣкою;
Онъ очи злобныя на небо обратилъ.
Раззинулъ челюсти! но гласа не имѣя,

Со скрежетомъ зубнымъ извергнулъ духъ во
адъ.
Нарсимовы слуги бездушнаго злодѣя
Остались истребить огнемъ послѣдній ядъ.

Надиръ.

Толь тяжко съ высоты Богъ гордыхъ повергаетъ!

Селимъ.

Вторично, Государь, я нынѣ предложу
О томъ, къ чему моя толь сильно грудь пылаетъ.

Муметъ.

Я съ небомъ и съ судьбой и съ вами соглашаюсь:
Исполню, что велитъ любовь и красота.
Я щастіемъ своимъ и вашимъ утѣшаюсь!
Живи въ веселіи, любезная чета.
Коль всѣмъ намъ былъ сей день печаленъ и ужасенъ,
Что могъ насъ въ пагубѣ конечной утопить;
Толь будетъ завсегда онъ веселъ и прекрасенъ,
Что въ оный промыслъ васъ судилъ соединить.
Взаимная любовь межъ васъ непринужденна
Всегдашній вѣрностью пусть дастъ инымъ примѣръ.
Мамаева при томъ кичливость пораженна
Другихъ пусть устрашитъ гордиться выше мѣръ.

Къ готовому теперь вы олтарю за мною
Послѣдуйте предъ нимъ въ супружество всту-
пить.
Клеониною я хоть оскорбленъ виною,
Но радость нынѣшня велитъ ей все простить.

Конецъ Трагедіи.

ТРАГЕДІЯ

ДЕМОФОНТЪ.

*

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Послѣ раззоренія Трои Демофонтъ сынъ Тезея Царя Аѳинскаго, возвращаясь отъ Трои въ отечество, противною бурею занесенъ былъ къ берегамъ Ѳракійскимъ, и съ разбитаго флота принятъ Царевною Филлидою дочерью Ликурга Царя, послѣ смерти котораго воспиталъ ее Полимнесторъ Князь и правитель Ѳракійскій. Въ то время былъ онъ на войнѣ противъ Скиѳовъ, оставивъ подъ охраненіемъ Мемноновымъ съ Филлидою невѣсту свою Иліону дочь Пріама Царя Троянскаго, приведенную прежде конечнаго разрушенія Трои съ братомъ ея Царевичемъ Полидоромъ, чтобы сохранить ихъ отъ Грековъ съ присланнымъ великимъ богатствомъ. Въ отсутствіе его Филлида съ Демофонтомъ возъимѣвъ великую взаимную любовь, положили, чтобы уговорясь съ Мемнономъ, сочетаться между собою бракомъ, и принять правленіе государства, а Полимнестора отрѣшить отъ онаго. Между тѣмъ Демофонтъ прежде жалостію, а послѣ и любовію къ Иліонѣ склонясь, сомнѣнною страстію толь долго колебался, пока Полимнесторъ нечаянно въ городъ пришелъ съ побѣдою; и отселѣ начинается сія Трагедія.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Демофонтъ, сынъ Тезея Царя Аѳинскаго.

Полимнесторъ, Князь и намѣстникъ царскій во Ѳракіи.

Филлида, Царевна Ѳракійская дочь умершаго Царя Ликурга.

Илiона, Царевна Троянская, дочь Пріамова, невѣста Полимнестора.

Мемнонъ, Правитель города Сеста.

Драметъ, Полководецъ Демофонтовъ.

Креуза, мамка Филлидина.

Вѣстникъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Сестѣ приморскомъ городѣ Ѳракійскомъ въ царскихъ чертогахъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Филлида, Демофонтъ и Креуза.

Филлида.

Онъ въ сихъ уже стѣнахъ: о лютая напасть!
Ты знаешь, Демофонтъ, его велику власть.
Желаніе мое какъ можетъ совершиться,
Гдѣ Полимнестора мой слабой духъ страшится?
На что ты отлагалъ, на что толь долго бракъ?

Демофонтъ.

Мнѣ строгая судьба повелѣвала такъ.
Но что великой страхъ?

Филлида.

Еще ли вопрошаешь?
Давно уже, давно ты все подробно знаешь,
Что мнѣ съ тѣхъ поръ страшна понынѣ его гроза,
Когда родителю сомкнула смерть глаза.
Онъ жизни своея послѣдній часъ кончая,
Прости, сказалъ въ слезахъ, Филлида дорогая,
Живи и возрастай щастливо подъ рукой,
Что въ возрастѣ тебя на тронъ возвыситъ мой.
Ты князю будь, какъ мнѣ, до времени послушна;
Я вѣдаю, что мысль его великодушна.
Промолвилъ, и съ тѣмъ духъ послѣдній изпустилъ,
И Полимнесторъ власть надъ царствомъ получилъ.

Черезъ двенадцать лѣтъ коль сильно укрѣпился,
То видѣлъ ты теперь; но какъ ты не смутился?
И неподвижно какъ возмогъ смотрѣть на страхъ,
Которой былъ на всѣхъ и на моихъ очахъ
Смущенныхъ отъ его внезапнаго приходу?

Демофонтъ.

Сіе ли устрашитъ геройскую породу?
Или забыла ты, что я Тезеевъ сынъ?
Чего желаю я, то получу одинъ.
И чаешь ты, чтобъ тотъ симъ видомъ взволновался,
Кто Гектора видалъ и въ полѣ съ нимъ сражался?

Филлида.

О мужествѣ твоемъ не сомнѣваюсь я;
Иной напасти ждетъ печальна грудь моя.
По всѣмъ признакамъ я безщастна примѣчаю,
Что къ пагубѣ своей любовію пылаю.
Ты зналъ, что Князя весь Монархомъ чтитъ народъ,
И что владѣть ему остался цѣлой годъ;
Въ отсутствіе его уговорясь съ Мемнономъ,
Мы брачнымъ укрѣпить любовь могли закономъ.
И подданные всѣ увидѣвъ нашъ союзъ,
Отсталибъ отъ него, отвергнувъ тягость узъ.
На храбрость бы твою надежду положили,
Противъ его свой духъ и руки обратили.
Но нынѣ съ воинствомъ въ сей городъ онъ вступилъ,
Побѣдами свое правленье укрѣпилъ.

Онъ больше прежняго ужъ власть свою умножитъ
По умысламъ своимъ и бракъ мой расположитъ.
Но ты спокойно могъ сея напасти ждать?
Какъ можешь предо мной себя ты оправдать?

Демофонтъ.

Смущенія твои, драгая, всѣ напрасны,
И тѣни кажутся однѣ тебѣ ужасны.
Хоть Полимнесторъ здѣсь; но онъ какъ твой отецъ,
Твоимъ сомнѣніямъ желанный дастъ конецъ.
Когда въ младенчествѣ онъ былъ твой покровитель;
То будетъ ли въ твоемъ ужъ возрастѣ гонитель?
И медленность моя вредитъ не можетъ намъ;
Пока я долгъ отцу въ отечествѣ отдамъ;
То княжеско къ концу владѣніе достигнетъ,
И твой народъ тебя и онъ на тронъ воздвигнетъ.
Въ Аѳинахъ укрѣпя престолъ свой, возвращусь,
И будучи Царемъ, съ Царицей сопрягусь.

Филлида.

Такъ можешь цѣлой годъ пробыть и безъ Филлиды?
Такіе ли казалъ съ начала ты мнѣ виды?
Когда свирѣпый вихрь разбилъ твои суда,
Когда еще текла съ одеждъ твоихъ вода,
Когда изъ челюстей несытыя пучины
На мой ты принятъ брегъ, спасенъ отъ злой кончины;

Ты шакъ ли говорилъ? шы шакъ ли припадалъ?
И шакъ ли взоръ взводилъ, и шакъ ли воздыхалъ?
Слезами и бѣдой швоей я умилилась;
На швой плачевный видъ, на жалку часть склонилась.
Почши безъ чувсшвъ шебя я въ домъ свой привела,
Спокойсшво ошъ шрудовъ и жизнь шебѣ дала.
И для меня Мемнонъ явилъ шебѣ пріяшсшво,
Изъ нѣдръ морскихъ извлекъ Троянское богашсшво,
Кошорое шогдажъ шебѣ возвращено,
И съ нимъ сокровище мое сообщено.
Какъ можешь, что досшалъ убійсшвомъ шы и кровью,
Сравнишь съ шѣмъ, что шебѣ моей дано любовью?
Когда она двоихъ сердца ужъ сопрягла;
Я общимъ все добромъ имѣніе звала.
Съ сугубой хочешь въ домъ корысшью возврашишься,
Троянскимъ и моимъ богашсшвомъ возгордишься?

Демофонтъ.

О какъ мнѣ рѣчь сія въ печальну грудь разишъ!...
Подумай, что шеперь ошецъ мой говоришъ:
,,Меня прошивникъ здѣсь ошъ царсшва ошлучаешъ;
,,А сынъ о мнѣ забывъ, любовью нынѣ шаешъ,
,,И въ роскоши презрѣвъ есшесшвенный законъ,
,,Въ ничшо вмѣняешъ скорбь ошеческу и сшонъ.,,
Предсшавь, дражайшая, шы гордаго Мнесшея,

Что хочешъ хищной снять рукой вѣнецъ съ Тезея,
И въ старости ему онъ казнію грозитъ :
Представь себѣ, представь Тезеевъ скорбный видъ.
Возлюбленный отецъ, о какъ ты воздыхаешь!
Ты взоры слезные чрезъ воды простираешь,
И наблюдаешь всѣхъ судовъ бѣгущихъ путь,
И на берегъ едва дерзаешь ты взглянуть,
Гдѣ злой тираннъ тебя насильно утѣсняетъ,
Тогда, какъ Грецію отрада оживляетъ.
Съ побѣдою пришли обратно тамъ Цари,
Восходитъ къ небу плескъ, дымятся олтари.
Троянскимъ златомъ всѣ блистаютъ тамъ чертоги,
Пріемлютъ злато въ даръ отеческіе боги.
Отцы и матери встрѣчаютъ тамъ сыновъ,
И радость изъяснить не достаетъ имъ словъ.
Всѣ слушаютъ отъ нихъ Пріамову судьбину,
И Гекторову смерть, и славы ихъ кончину.
А ты, родитель мой, утѣхи той лишенъ!

Филлида.

Но мною ли онъ въ сей печали погруженъ?

Демофонтъ.

Такой мнѣ отъ боговъ уже предѣлъ поставленъ,
Что я хоть на сей брегъ отъ ярыхъ волнъ избавленъ,
Однако чтобъ на немъ въ смущеньи утопать!

Филлида.

Но я ли строгостью могла тебя смущать?
И кто препятствовалъ намѣренью скончаться,

И прежде Князя намъ на царство увѣнчать?
И силу бы твою услышавъ тамъ Мнестей,
Державы досягать дерзнулъ ли бы твоей?
Подумалъ ли бы онъ, что Ѳраческая сила
И съ ней рука твоя ему бы не отмстила?

Демофонтъ.

Такъ хочешь, чтобы я не видѣлъ нынь Аѳинъ,
И тамъ не защитилъ отеческихъ сѣдинъ?

Филида.

Ты вѣдая мою любовь, какъ можешь мыслить,
Чтобъ стала я своимъ веселіемъ то числить,
Когда бы ты отца и скиптръ свой позабылъ?
Мнѣ толь же какъ тебѣ, повѣрь, отецъ твой милъ.
Я власть здѣсь укрѣпя, съ тобой бы въ Понтъ пустилась,
Ни острыхъ камней ябъ, ни бурь не устрашилась.
Какуюбъ радость твой почувствовалъ отецъ,
Увидѣвъ на тебѣ и свой и мой вѣнецъ!

Демофонтъ.

Не знаешь зависти межъ Греками, не знаешь!
И такъ ли два вѣнца совокупить ты чаешь?
Лишь только дойдетъ вѣсть къ сосѣдямъ черезъ Понтъ,
Что принялъ отъ тебя власть царску Демофонтъ;
То силою въ боязнь приведены моею,
Всѣ обще поспѣшатъ вѣнецъ отдать Мнестею.
Мнѣ прежде должно власть наслѣдну укрѣпить,
И послѣ съ оною твою совокупить.

Филлида.

Не мысли, Государь, чтобы младыя лѣта,
И слѣпота любви меня лишила свѣта,
Чтобъ мыслей я твоихъ примѣтить не могла,
Которы страсть къ себѣ другая отвлекла!
И рѣчь твоя тебя и взгляды обличаютъ,
И сердца твоего всю тайну открываютъ.
Я вижу изъ твоихъ потупленныхъ очей,
Что больше нѣтъ уже ко мнѣ любви твоей.

Демофонтъ.

Драгая, перестань терзать мой духъ смущенный!

Филлида.

Бѣжишь отъ глазъ моихъ? Ужъ мысли развращенны
Не могутъ утерпѣть моихъ правдивыхъ словъ.
Уже ты къ своему отшествiю готовъ,
И долѣе меня не хочешь удостоить....

Демофонтъ.

Позволь, любезная, мнѣ сердце успокоить!

ЯВЛЕНIЕ ВТОРОЕ.

Филлида и Креуза.

Филлида.

Не ясноль кажетъ мнѣ его сомнѣнна рѣчь,
Что я слезамъ своимъ даю безъ пользы течь!
Ты видишь по всему, любезная Креуза,
Что онъ нарочно бѣгъ отъ брачнаго союза.

Креуза.

Я сердцемъ трепещу, смущенiя боясь!

Что будешь, какъ твою любовь узнаетъ Князь?
О Демофонтѣ что, Царевна, онъ помыслитъ,
Которaго врагомъ со Греками онъ числитъ?

Филлида.

Могла ли я такой печали ожидать?
И что уже теперь безщастной мнѣ начать?
Ты рокъ готовишь мнѣ, возлюбленный мой, въ тайнѣ?
Креуза, ахъ поди, спѣши, старайся крайне,
Вступи съ нимъ обо мнѣ въ пространной разговоръ,
И примѣчай слова, движенія и взоръ:
Тебѣ покажутъ всѣ вопросы и отвѣты,
Ты знаешь мыслей въ немъ наружныя примѣты.

Креуза.

Дай, небо, чтобъ въ твоихъ намѣреніяхъ всѣхъ
Былъ равенъ моему старанію успѣхъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Филлида одна.

Чтобъ онъ любилъ меня, еще могу я вѣрить?
И страсти въ немъ другой я не могу измѣрить?
Не тщетноль жду того, что онъ мнѣ обѣщалъ,
И что мнѣ клятвою стократно подтверждалъ?
Однако такъ моей любовью одолженный
Гнушаться мерзскія не будетъ ли измѣны?
Горячая его къ родителю любовь
Не возмутитъ ли въ немъ такой напастью кровь?
Но я ослѣплена причины вымышляю!

И видя явну лесть, его жé извиняю!
Ахъ! какъ мнѣ нынѣ быть? и Полимнесторъ самъ
Является моимъ, ахъ, полнымъ слезъ очамъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Филлида и Полимнесторъ.

Полимнесторъ.

Уже мнѣ на конецъ пріятною судьбою,
Царевна, суждено увидѣться съ тобою.
Отъ взору твоего три лѣта отлученъ,
Всегда противъ твоихъ враговъ былъ ополченъ.
Раздоры внутренни и внѣшни успокоилъ,
Противныхъ побѣдилъ, и съ ними миръ устроилъ.
Неоднократно я всю кровь хотѣлъ пролить,
Чтобъ царство для тебя недвижно утвердить;
Но щедры небеса судьбину отвратили
И жизнь мою съ твоимъ наслѣдствомъ сохранили.

Филлида.

Что защищая ты во мнѣ Ликурговъ родъ,
На брани положить готовъ былъ свой животъ,
За то благодарятъ тебя народы многи,
И чтятъ завистники и любятъ сами боги.

Полимнесторъ.

Симъ щастіемъ хотя я много веселюсь;
Но больше радуюсь я нынѣ и дивлюсь,
Увидѣвъ, что въ мое отсутствіе Филлида
И возрастомъ своимъ и красотою вида
До тѣхъ достигла мѣръ! когда уже любовь

Ликургову тобой возставить можетъ кровь.
Едино совершить мнѣ дѣло ужъ осталось,
Чтобъ сердце чрезъ меня достойное сыскалось,
Достойное тебѣ быть въ вѣкъ поручено.

Филлида.

Усердіе твое извѣстно мнѣ давно:
Хотя рука твоя симъ царствомъ, Князь, владѣла,
Но я лишась отца, въ тебѣ его имѣла.

Полимнесторъ.

Превыше нынѣ мѣръ тобою я почтенъ,
Что именемъ я толь великимъ нареченъ.
Довольно, естьлибъ я того былъ удостоенъ,
Чтобы черезъ меня народъ былъ успокоенъ,
Которой въ радости уже всечасно ждетъ,
Кого твой нѣжной взоръ и сердце изберетъ,
Чтобъ царствовать съ тобой на отческомъ престолѣ,
О щастливъ, щастливъ тотъ, и всѣхъ онъ смертныхъ болѣ!

Филлида.

Я вѣрю, что народъ Ликурга не забылъ,
Которой нравамъ онъ похвальнымъ научилъ.
Но сколько отъ твоей онъ ревности желаетъ,
Моя нещастна грудь того имѣть не чаетъ.
Я щастлива былабъ, когда твоя бы власть
Могла мнѣ укрѣпить мою желанну часть.

Полимнесторъ.

Хоть всею я еще Ѳракіею владѣю,
Но силы таковой и власти не имѣю,
Какая въ нѣжности и младости твоей

Блистаетъ изъ твоихъ плѣняющихъ очей.
Своею больше ты успѣешь красотою.

Филлида.

Коль мало пользовать могу себя я тою!

Полимнесторъ.

Ты можешь ею все....

Филлида.

Узнаешь скоро самъ.
Но время приносить тебѣ хвалу Богамъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Полимнесторъ и Мемнонъ.

Мемнонъ.

Надѣясь твоего въ великій храмъ прихода,
Несчетно множество стекается народа.
Я войско по мѣстамъ разставилъ, Государь,
И жертву приносить богамъ готовъ олтарь.

Полимнесторъ.

Какое принесу я имъ благодаренье,
Когда поверженъ я послѣ трудовъ въ мученье,
Когда меня любовь въ спокойны дни крушитъ,
И въ мирные часы въ груди сей брань чинитъ?

Мемнонъ.

Въ тебѣ ли можно быть какимъ мученьямъ мѣсту?
Въ спокойномъ торжествѣ ты видишь здѣсь невѣсту;
Геройску видишь дочь, геройскую сестру
Пылающу къ тебѣ въ усерднѣйшемъ жару.
Всего лишась она, тобой была спокойна:

Супружества съ тобой въ нещастіи достойна.
Желаніе свое ты можешь совершить,
И съ бракомъ торжество сіе соединишь.
Она послѣ тебя минуты всѣ считала;
По Троѣ, по отцѣ не столько воздыхала,
Какъ взору твоего, крушилася, лишась.
Коль часто слезъ рѣка изъ глазъ ея лилась!

Полимнесторъ.

Что часть ея жалка, Мемнонъ, я признаваю.
Съ любовью купно скорбь для ней претерпѣваю.
Сугубо чувствую я бремя на плечахъ!
И что, скажи, теперь я видѣлъ при брегахъ?
Чьи флаги на водахъ Борей Ѳракійскій вѣетъ?
И что въ намѣреньи Филлида здѣсь имѣетъ?
Скажи и не утай, что было безъ меня,
Что въ домѣ дѣлалось и въ сердцѣ у нея?

Мемнонъ.

Возможноль отъ тебя мнѣ, Государь, таиться?
И должность и любовь велитъ тебѣ открыться.
За полгода предъ симъ, когда здѣсь не былъ слухъ,
Гдѣ съ воинствомъ тебя водилъ геройской духъ;
И послѣ какъ пришла во градъ сей вѣсть плачевна,
Что Трою рушила въ конецъ судьбина гнѣвна;
Внезапно солнца видъ на всходѣ сталъ багровъ
И тусклые лучи казалъ изъ облаковъ.
Отъ берегу въ дали пучина почернѣла
И буря къ намъ съ дождемъ и съ градомъ налетѣла.

Напала мгла, какъ ночь, ударилъ громный трескъ,
И мрачность пресѣкалъ лишь частыхъ молній блескъ.
Поднявъ сѣды верьхи, стремилися волны яры,
И берегъ заревѣлъ, почувствовавъ удары.
Тогда сквозь мракъ едва увидѣть мы могли,
Что съ моря бурный вихрь несётъ къ намъ корабли,
Которы лютость водъ то въ пропастяхъ скрываетъ,
То вздернувъ на бугры, порывисто бросаетъ;
Раздранны парусы пловцы отдавъ вѣтрамъ,
Ужъ руки подняли къ закрытымъ небесамъ.
Мы чаяли тогда Енеева прихода
Съ остатками Троянъ нещастнаго народа.
Объята жалостью, подвигнута бѣдой,
Царевна на берегъ безъ страху шла за мной.
Тутъ алчный Понтъ пожралъ три корабля предъ нами,
И въ части раздробивъ, извергъ на брегъ волнами.
Увидѣвъ, что съ водой тамъ бьется человѣкъ,
Съ рабами я спѣшилъ и на песокъ извлекъ.
Онъ очи смутныя со страхомъ обращая,
И томныя уста чрезъ силу отверзая,
Къ Филлидѣ, облившись слезами, говорилъ:
Когда небесный гнѣвъ меня такъ поразилъ,
То я уже взирать на небо не дерзаю;
Къ тебѣ, Богиня ты иль смертна, прибѣгаю,
Или, какъ чаю, сихъ владычица бреговъ,
Покрой насъ и превысь щедротою Боговъ.

Царевна таковымъ подвиглась жалкимъ слухомъ,
И нѣжнымъ, преклонясь, отвѣтствовала духомъ:
Спокоенъ будь теперь, и отложи весь страхъ:
Не варварски сердца родятся въ сихъ мѣстахъ.
Хотя не знаемъ мы, какого ты народа,
Но бѣднымъ помогать велитъ сама природа,

Полимнесторъ.

Кто сей нещастный былъ?

Мемнонъ.

Царя Тезея сынъ.
Онъ сердца нашея Царевны господинъ!
Народъ его, что съ нимъ отъ пагубы избавленъ,
Спокойствомъ ободренъ, и флотъ его исправленъ.

Полимнесторъ.

О вѣсти странныя! о чудный судъ боговъ!
Но пойдемъ ихъ спросить; я ко всему готовъ.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Демофонтъ, Полимнесторъ и Мемнонъ.

Демофонтъ.

Ты склонность кажешь мнѣ всея надежды болѣ?
И чѣмъ я заплачу твоей толь щедрой волѣ?
Я странствую гонимъ отъ волнъ и отъ небесъ;
Ты въ скорьби, Государь, отраду мнѣ принесъ.

Полимнесторъ.

И я тѣмъ веселюсь, что дивная судьбина
Тезеева мнѣ здѣсь дала увидѣть сына,
Которой мужествомъ ему себя сравнилъ,
И тѣмъ подъ Троею Героямъ общимъ былъ,
Которыхъ на нее послали гнѣвны боги.
Не вы, не вы, они Пріаму были строги!

Демофонтъ.

Умѣренность твою чему могу сравнять?
Величествомъ души Пріама больше зять!

Полимнесторъ.

То все еще теперь у промысла во власти;
Достигнетъ до своей и Иліона части!
Отъ ярости боговъ убѣгнетъ ли она,
Котору чувствуетъ отца ея страна,
То день поставленный покажетъ намъ конечно!

Демофонтъ.

Иль рвеніе боговъ на Трою будетъ вѣчно?
Когда уже и въ насъ смягчилися сердца;
То имъ ли злобиться на бѣдныхъ безъ конца?
Когда представлю я въ умѣ своемъ Пріама,
Терзаюсь мыслями отъ жалости и срама,
Что Греческой рукой Царева сѣдина,
О варварство! въ его крови обагрена.

Полимнесторъ.

Теряешъ славу всю свирѣпствомъ побѣдитель;
Но часто долженъ онъ невольно быть мучитель,
Какъ надобно своихъ предохранить отъ зла.
Тебѣ всегда за то пребудетъ похвала,
Что о нещастіи поверженныхъ жалѣешъ;
Ты злобу тѣмъ своихъ враговъ преодолѣешъ.
Когдабъ жалѣли такъ, отшедъ всѣ Греки прочь,
Сіебъ Пріамову могло утѣшить дочь.

Демофонтъ.

Мнѣ знать другихъ сердецъ движенія не можно;
Но объявить сіе могу тебѣ неложно,
Что въ жизни я себя великимъ бы почелъ,
Когдабъ ей доказать сердечну жалость смѣлъ,
Которую объ ней - - -

Полимнесторъ.

Я въ томъ не возбраняю;
Но силы ласковымъ словамъ твоимъ желаю,
Дабы чрезъ оныя увѣрилась она,
Что Троя отъ боговъ, не вами сожжена.
И видя, что о томъ, кто воевалъ, крушится,
Могла бы отъ тоски хоть мало свободиться.

Демофонтъ.

Всѣ силы положу, чтобъ Грековъ посрамить,
И Иліону въ той надеждѣ утвердить,
Что тѣ же укротясь, возставятъ боги Трою.
О естьлибъ сею могъ воздвигнуть я рукою!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Полимнесторъ и Мемнонъ.

Мемнонъ.

Я объявилъ его къ твоей невѣстѣ страсть,
Дивлюсь, что ты ему даешь ходитъ къ ней власть!

Полимнесторъ.

Я не далъ бы, но чтожъ? другое нынѣ время!
И боги съ моего снимаютъ сердца бремя.
Покажутъ щедрой тѣ на Іліонѣ судъ.
Устроятъ все объ ней и щастье ей дадутъ.
Меня ихъ власть къ другой любови понуждаетъ:
Мой духъ противиться ихъ воли не дерзаетъ!

Мемнонъ.

Что слышу, Государь?

Полимнесторъ.

Отъ олтаря отвѣтъ!
Ты слышалъ въ храмѣ громъ, Мемнонъ, и видѣлъ свѣтъ,
Когда я приступивъ, предъ Марсомъ преклонился,
И какъ отъ жертвы дымъ предъ онымъ воскурился;

Тогда военный богъ щитомъ своимъ потрясъ,
Блеснулъ очами вдругъ, и испустилъ сей гласъ:
„Для Трои на себя не привлекай ты гнѣву,
„Врученную тебѣ люби вѣкъ дочь Цареву.„
Толь ясныя слова не смѣю толковать;
Я волю принужденъ безсмертныхъ исполнять,
Чтобъ быть Ликургова по власти оныхъ трона...
Но нынѣ отступи: приходитъ Иліона.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Полимнесторъ и Иліона.

Иліона.

Увидѣвъ, Государь, наединѣ тебя,
Я смѣюль рѣчь зачать, твой духъ не оскорбя.
Весь городъ веселясь, въ очахъ твоихъ сіяетъ,
И можетъ быть мой взоръ тебѣ лишь досаждаетъ.
Боюсь, что я сему торжественному дню
И радости твоей препятство учиню!
Ты видишь предъ собой не ту ужъ Иліону,
Что прежде славою отеческаго трону
Украшенна, тебѣ была обручена,
Со свѣтлымъ празднествомъ въ сей градъ приведена;
Но съ Троею всего величества лишенну,
И только лишь къ тебѣ надеждой укрѣпленну.
Какъ сердце бы твое мнѣ не было дано,
Осталося бы мнѣ отчаянье одно.

Я въ Тро̀ѣ, въ Гекторѣ, въ Пріамѣ умираю,
И только лишь къ тебѣ любовію дыхаю:
Возставъ и укрѣпи!

Полимнесторъ.

Я долженъ самъ упасть!
О строгая судьба! о горестная часть!

Илıона.

Я вижу, Государь, что раззоренна Троя
Лишаетъ и тебя веселья и покоя!
Но ежели тебѣ еще я такъ мила,
Какъ въ тѣ часы, когда изъ Трои я пришла;
То всю свою тоску въ сей день преодолѣю:
И ты спокоенъ будь спокойностью моею.
И Гекторъ и Троилъ, Геккуба и Пріамъ
Въ тебѣ одномъ моимъ являются очамъ.

Полимнесторъ.

Когдабъ я былъ тебѣ Парисомъ иль Пріамомъ,
То былъ бы щастливъ я уже въ нещастьѣ самомъ.

Илıона.

Ты можешь, Государь, теперь мнѣ ими быть,
И Трою на брегу Ѳакійскомъ защитить,
Которую еще неукротимы Греки,
Наполнивъ кровію поля при ней и рѣки,
Коварно утѣснять и здѣсь не престаютъ,
И мѣста оныя остаткамъ не даютъ.
Въ отсутствіе твое бурливая погода
Разбила корабли противнаго народа.
Тезеевъ сынъ отъ волнъ спасенъ остался живъ,

Здѣсь странствуя живетъ. Онъ время улучивъ,
(Того я знать не тщусь, за правду иль притво-
ромъ)
Мнѣ часто о любви досаднымъ разговоромъ
Терзалъ мой скорбной духъ несносной сопостатъ,
Котораго одинъ мнѣ пуще смерти взглядъ.
Забывъ всѣ нѣжности Филлидины, дерзаетъ
Другой любви искать, чрезъ что онъ объявляетъ,
Что онъ на всякой часъ на злость свою готовъ.
На всѣхъ онъ, Государь, сплетаетъ хитрый ковъ:
Отмсти ты за меня, отмсти ты за Филлиду,
За Трою, за весь родъ, за собственну обиду.

Полимнесторъ.

Я сеюбъ кровь его рукою пролилъ самъ,
Когда бы было то угодно небесамъ!
Но воля ихъ мою надежду пресѣкаетъ,
И мечь мой на него поднять не позволяетъ.

(на сторону)

Хотя одной постылъ, хотя другой онъ любъ;
Вездѣ соперникъ мнѣ и сопостатъ сугубъ.
Сугубаго въ рукахъ соперника имѣю!
Но мстить ему за то, о боги, я не смѣю!

(указывая на Иліону)

За тѣмъ я вамъ ее на волю отдаю,
Вы дайте помочь ей, скрѣпите грудь мою
Исполнить вашъ отвѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Илюна одна.

Гдѣ мнѣ искашь покрова?
Не слышала шеперь ни одного я слова,
Коморымъ бы признакъ онъ нѣжносши мнѣ далъ!
Что смушны ошъ меня онъ очи ошвращалъ?
Ахъ, Троя, шы упавъ, любовь въ немъ разрушила!
Я вижу, что и здѣсь безсмершныхъ гнѣвна сила
Не пресшаешъ Троянъ осшашки ушѣснящь.
И шошъ уже меня не хочешъ защищашь,
Къ кошорому меня во брачные чершоги
Посшавила любовь, Пріамъ и сами боги.
Что нынѣ предпріяшь они велятъ ему?
Соперникъ Демофоншъ сугубо почему?
Или къ Филлидѣ онъ любовію пылаешъ?
Но чшожъ сопернику ошмсшишь онъ не дерзаешъ?
И что меня еще вручаешъ онъ Богамъ,
Когда покрышь ошъ бѣдъ скорѣе можешъ самъ,
Когда они свой взоръ ошъ Трои ошврашили?
Въ какой вы пагубѣ насъ, боги, погрузили!
Мы равну съ Греками имѣемъ плошь и кровь:
И ваша бышь должна ко всѣмъ равна любовь.
Но грекамъ вы ошцы, Троянамъ вы ширанны:
Они вознесены, а мы лежимъ попранны!
Однако есшьли шакъ васъ огорчилъ Пріамъ,
Что кровію воздашь не могъ и Гекшоръ вамъ;
Но въ гнѣвѣ вы своемъ хошѣли видѣшь Трою
Зажженну въ жершву вамъ прошивною рукою,

И войско и народъ и стѣны истребитъ;
То что ужъ можетъ васъ на ярость побудить?
Представте прежнюю Пріамову державу,
Героевъ и полки величество и славу,
Гдѣ нынѣ пепелъ, дымъ, развалины и прахъ
И кости на пустыхъ разсыпаны поляхъ.
Младенецъ лишь одинъ съ безщастною сестрою
Не можетъ въ бѣдности сыскать себѣ покою,
Почти уже плѣненъ живетъ въ краю чужомъ!
Еще ли можете бросать на насъ свой громъ?

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Иліона и Демофонтъ.

Иліона.

Еще ли умножать идешь мои печали?

Демофонтъ.

Еще судьбы меня, еще къ тебѣ послали,
Которыя такой поставили предѣлъ,
Чтобъ нѣжно сердце я всегда къ тебѣ имѣлъ.
Коль часто оскорбленъ къ тебѣ быть зарекаюсь,
Толь часто преступивъ зарокъ свой, возвращаюсь.
Суровой твой отвѣтъ скрѣпилъ вчера мнѣ грудь;
Но нынѣ съ жалостью любовь открыла путь;
Сильнѣе прежняго, вошедъ въ меня, пылаетъ:
Что жалость о тебѣ сугубу представляетъ.
Оставленна отъ всѣхъ, лишенная всего,
Ужель послушаешъ совѣту моего?
Подвигнутъ ли тебя мои потоки слезны,
Когда стенанія и вздохи безполезны,
Которы нынѣ ты пускала къ небесамъ,

Являя жалкой видъ безчувственнымъ очамъ?
Другой уже красой, повѣрь, онѣ плѣнились,
Отъ нѣжностей твоихъ во вѣки затворились.

Илiона.

Невѣрной!

Демофонтъ.

И кому!
(указывая на Илiону.)

Илiона.

Подобенъ въ томъ тебѣ.
Филлидаль отъ тебя сего ждала себѣ?

Демофонтъ.

Онъ лакомству, а я любви поработился;
Онъ царствомъ, я тобой дражайшая, плѣнился.
Любви онъ и своей невѣстѣ измѣня,
Тебя освободилъ и оправдалъ меня.
Филлидинъ будетъ духъ, повѣрь, о семъ спокоенъ:
Что благодарность лишь, не жаръ мой къ ней присвоенъ.
Сугубо я свой долгъ ей изъ Аѳинъ воздамъ:
Тебѣ, дражайшая, я отдаюся самъ.

Илiона.

Какъ можешь требовать, чтобъ я тебя любила?
Судьба и страсть меня другому поручила.

Демофонтъ.

Преступнику!

Илiона.

Пускай хотябъ таковъ онъ былъ,
Или пускай бы насъ Прiамъ не обручилъ;
Но сносно ли бы мнѣ твое желанье было?
И мысль одна объ васъ мнѣ грозное страшило!

Когда представится въ моемъ мечтаньѣ Грекъ,
Кровавы вижу я потоки нашихъ рѣкъ,
Пылаетъ домъ отцевъ, сестру влекутъ изъ храма
Рыдающу среди ругательства и срама,
Дѣвицъ Троянскихъ въ плѣнъ окованныхъ ведутъ,
По дѣтяхъ матери, терзая грудь, ревутъ.
Раздранны вижу тамъ я Гекторовы члены,
И страшно въ слухъ мой бьютъ валящіяся стѣны.
Подъ каменнымъ бугромъ нещастна стонетъ матъ.
Возможно ли тебѣ любви моей желать?

Демофонтъ.

Я общникъ, правда, былъ премѣны оной слезной,
Я стѣны раззорялъ отца своей любезной!
Но можешъ ли твой гнѣвъ, Царевна, и въ сей часъ
Пылать противъ меня? еще ли не погасъ?
Не мною Гекторъ палъ, не мною Поликсена
Въ незлобивой крови угасла обагренна.
Ахъ естьлибъ я тебя еще до брани зналъ,
Противу Грековъ я съ мечемъ бы симъ возсталъ.
Отецъ меня послалъ со воинствомъ подъ Трою:
То много ли я тѣмъ виновенъ предъ тобою?
Я дорого плачу потоки вашихъ слезъ,
И больше зла терплю, какъ Троѣ я нанесъ!
Я въ жертву далъ себя грызущей внутрь печали,
И больше самъ горю, какъ Пергамы (*) пылали.

(*) Старое имя города Трои.

Ты мучишь хоть, тебя всему я предпочолъ!
Бывалъ ли я когда таковъ Троянамъ золъ?
Но естьли не смягчишъ твой духъ мои мученья,
Когда ты требуешь еще себѣ отмщенья;
Могуль хотя тогда тебѣ я угодить,
Какъ Грекамъ и себѣ за васъ я буду мстить?
Мой духъ къ тому готовъ и жизнь моя готова;
Я жду лишь отъ тебя, драгая, только слова.
Со мною станешь ты и съ нами Полидоръ
Съ богатствомъ на брегу вътѣни Троянскихъ горъ.
На слухъ со всѣхъ сторонъ Фригійсцы соберутся,
И къ облакамъ верьхи Троянскіе прострутся.
Великость царствъ въ одной не состоитъ стѣнѣ,
Но въ полной жительми, обильной всемъ странѣ.
Воздвигли Трою тѣ упадшу Геркулесомъ,
И нынѣ обновятъ попранну Ахиллесомъ.
Отецъ твой возвратилъ ихъ силою весь вредъ,
Которой претерпѣлъ нещастливой твой дѣдъ.
По жребью получилъ я въ Троѣ ту корону,
Чѣмъ твой отецъ вѣнчанъ по древнему закону.
На Полидоровъ ту, на твой верьхъ возложу,
И сѣтующему народу покажу,
Что паки живъ Пріамъ и обновляетъ Трою.
Но какъ возведена на тронъ свой будешь мною,
То можноль мнѣ себя такой надеждой льстить,
Чтобы мнѣ у тебя и тамъ врагомъ не слыть?
Я больше для тебя, драгая, предпріемлю,
Отеческу свою пренебрегая землю.
Тамъ ждетъ меня своя порфира и вѣнецъ,

Тамъ ждетъ меня, крушась, при старости отецъ.

Илиона.

Всѣ вымыслы твои и рѣчи безполезны:
Оставь меня, не множь мои потоки слезны!
Кто можетъ снова намъ тѣ стѣны соградить?
Которыхъ не возмогъ и Гекторъ защитить?
Ни царство ужъ меня, ни слава не прельщаетъ,
Которыя въ ничто судьбина превращаетъ.
Въ любви моей не толь велика есть цѣна,
Чтобъ честь твоя для ней была повреждена.

Демофонтъ.

Слыть братомъ Гектору всей чести имя равно,
И въ тоже власть порокъ мнѣ съ Ахиллесомъ славно.
Оставилъ Грековъ онъ, сестру твою любя:
Я то же сдѣлаю и больше для тебя.
Ты удостой меня хоть взглядомъ, дорогая,
И посмотри лице и очи примѣчая,
Возможно ли въ моей груди таиться льсти?
И можноль больше мнѣ страданія снести?

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Демофонтъ, Илиона и Филлида.

Илиона.

(къ Филлидѣ)

Любезная моя Царевна, дай отраду.

Филлида.

(отступая назадъ)

Я вамъ лишь наношу препятствіемъ досаду!

Иліона.

(удерживая Филлиду)

Оставленну отъ всѣхъ одна ты не оставь.

Демофонтъ.

Къ чему злой рокъ привелъ....

Филлида.

(Къ нему)

Теперь себя оправь...

Однако поспѣшай и обновляй ты Трою;
Забудь, что вѣчной срамъ туда пойдешъ съ тобою.
Мои заслуги ты забудь и два вѣнца,
И вѣрность и любовь и совѣсть и отца.
Но чтобы мнѣ о семъ и памяти лишиться,
Пойду безщастная....но гдѣ мнѣ будетъ скрыться?

Іліона.

Я слѣдую тебѣ, погибну иль спасусь.

Демофонтъ.

Дражайшая, пожди, позволь...

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Демофонтъ одинъ.

Какъ я мятусь!
О коль свирѣпыя въ моемъ бьютъ сердцѣ волны!
Противными страстьми и грудь и мысли полны!
Я жалостью къ одной и нѣжностью плѣненъ,
Другой заслугами и должностью врученъ.
Смотря на первую, пронзенъ позабываюсь;
Но на другу взглянувъ, я въ совѣсти терзаюсь.

Любовь, желанье, стыдъ, отчаянье; боязнь
Воюютъ внутрь меня: о коль велика казнь!
Гдѣ мужество мое? гдѣ крѣпость неизмѣнна?
Лежитъ отъ слабостей моихъ преодолѣнна!
О какъ ты развращенъ, безщастной Демофонтъ!
Ахъ лучше бы тебя покрылъ волнами Понтъ!
Нещастье бы къ одной тебя не обязало,
И сердце бы къ другой безъ пользы не пылало.
Что дѣлать ужъ теперь? и кто мнѣ дастъ совѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Демофонтъ и Драметъ.

Демофонтъ.

Скрыпи, скрѣпи мой духъ, возлюбленный Драметъ!

Драметъ.

Доколѣ, Государь, ты будешь колебаться?
Доколѣ будешь въ плѣнъ страстямъ здѣсь отдаваться
Тогда, какъ Грецiя того всечасно ждетъ,
Ужель Прiамова наслѣдства больше нѣтъ?
И вѣтры щастiю ея споспѣшествовали,
Когда къ симъ берегамъ твой флотъ они пригнали.
И случай повелѣлъ и Полимнесторъ самъ,
Чтобы Прiамовъ сынъ былъ отданъ въ руки намъ.
Хотя еще онъ малъ, но Грековъ устрашаетъ:
Что къ нашей пагубѣ въ немъ Гекторъ возрастаетъ.

Представь, когда на нашъ онъ устремлялся флотъ
Съ мечемъ и съ пламенемъ шумящимъ поверьхъ водъ,
Коль многіе онъ слезъ и крови пролилъ токи,
И раны наложилъ коль Греціи глубоки!
Коль много славныхъ онъ опустошилъ домовъ!
Коль много тамъ сиротъ, коль много плачетъ вдовъ!
Всѣ Греч̃ески Цари съ отцемъ твоимъ согласно
Тобою отвратить желаютъ зло ужасно,
Чтобъ стѣнъ Пріамовъ сынъ, какъ онъ, не обновилъ,
Ихъ дѣтямъ и тебѣ по томъ бы не отмстилъ.
Но страсть твоя гаситъ тѣ искры возбраняетъ,
Отъ коихъ съ прочими и твой градъ воспылаетъ.
Себѣ и обществу страсть вредну истребляй;
Коль долго случай есть, отечество спасай.

Демофонтъ.

Оставило оно при старости Тезея,
И защищать его не хочетъ отъ Мнестея;
То должно индѣ мнѣ прибѣжища искать,
И вмѣсто помощи за то ему отмщать.

Драметъ.

Послушай, Государь рѣчей моихъ спокойно;
Природѣ ли твоей начать сіе пристойно?
Какъ можетъ отъ чужихъ того желать Тезей,
Чего напрасно ждетъ отъ крови онъ своей?
Тебѣ отца спасти всего достоитъ прежде,
И многихъ съ нимъ Царей не обмануть въ надеждѣ,

Которые тебя за вѣрность наградятъ;
Когдажъ преслушаешь, подумай, какъ отмстятъ!
Толь много царствъ покрыть всѣ способы имѣешь.
Филлида въ путь съ тобой спѣшитъ, что ты коснѣешь?

Демофонтъ.

Я выше бы всего Филлиду почиталъ,
Какъ Иліоныбъ я на свѣтѣ не видалъ!

Драметъ.

Ты долженъ предпочесть благодѣянье страсти,
Послушать Греціи, отца покрыть въ напасти,
И очи отвратить и заперетъ свой слухъ
Отъ всѣхъ мечтаній тѣхъ, что твой смущая духъ,
Препятствуютъ скончать страхъ общій съ Полидоромъ.
Дерзай и не мятись себѣ пріятнымъ взоромъ.
И промыслъ для того тебѣ сей случай далъ,
Чтобъ сердце мужеско теперь ты показалъ.
Предъ всѣми Греками я буду въ томъ свидѣтель,
Коль сильну страсть въ тебѣ попрала добродѣтель.

Демофонтъ.

Я знаю, что вездѣ похвально то, Драметъ,
Когда кто слабости уму подъ власть даетъ.
Мнѣ совѣсть и отецъ, Филлида и всѣ Греки
Велятъ, чтобы забылъ Троянку я во вѣки.
Но честь въ одну страну, въ другу любовь влечетъ!

Драметъ.

Тамъ правда къ торжеству, здѣсь прелесть въ ровъ ведетъ.

Демофонтъ.

Я вижу лучшее, и видя похваляю;
Но хуждшему во слѣдъ, о небо, поспѣшаю!
Возникни слабой духъ во мнѣ и ободрись,
Войди ты самъ въ себя, внимай, и осмотрись,
Гдѣ дочь Пріамова нещастну грудь пронзила...
О чудна слабостей надъ крѣпкимъ сердцемъ сила!
Какимъ путемъ, Драметъ, я въ сѣть сію вошелъ!..
Какъ Иліону я впервые усмотрѣлъ,
Представилъ во умѣ поверженную Трою!
И видя малые остатки предъ собою,
Подумалъ, какъ ее внутрь люта скорбь грызетъ,
Что нѣтъ уже отца, ни храбрыхъ братьей нѣтъ!
Печальна красота нещастьемъ умножалась,
И въ жалкомъ видѣ мнѣ прекраснѣе казалась,
Тутъ склонность жалости и склоности любовь
Послѣдовали внутрь, и вкралася мнѣ въ кровь;
Объемлетъ чувства всѣ...

Драметъ.

Изкореняй мысль злую,
И первой тщись любви поработить другую.

Демофонтъ.

Я благодарность тамъ любовью называлъ,
Какъ здѣсь саму любовь за жалость почиталъ.
Со обоихъ сторонъ понятіемъ неяснымъ
Покрытъ, иду путемъ со мною несогласнымъ.
Я чувствуя въ себѣ ихъ силу обоихъ,
Обѣимъ слѣдуя, и ни одной изъ нихъ!

Драметъ.

Какой нибудь къ тому ты приведенъ причиной,

Но сердце оставляй Филлидѣ ужъ единой,
И слово данное и вѣрность къ ней держи.

Демофонтъ.

Но какъ я то начну? любезной другъ, скажи?
Прогнѣванной уже предъ очи какъ предстану,
Глубоку отъ другой имѣя въ сердцѣ рану?

Драметъ.

Лишь только ты теперь себя преодолѣй,
Любовь ея къ тебѣ возобновится въ ней,
Сильнѣе прежняго отъ слезъ твоихъ вспылаетъ.

Демофонтъ.

Надежда чрезъ тебя ужъ духъ мой ободряетъ;
Я нынѣ овладѣлъ толь сильными страстьми.
Повѣрь мнѣ, и мое сомнѣнье отними;
Крѣпи въ намѣреньи, хвали мою побѣду,
Не дай съ похвальнаго мнѣ совратиться слѣду.
О вѣрность искренняя! ты слабость истребя,
Дай силу мнѣ склонить Филлиду и себя.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Филлида и Полимнесторъ.

Полимнесторъ.

Царевна! совершивъ я должны жертвъ обряды,
Искалъ послѣ трудовъ желанныя отрады.
Сраженья частыя, далекіе пути,
Труды, что для тебя одной я могъ снести,
Велятъ отдаться мнѣ любезному покою.
Но усмотрѣвъ тебя печальну предъ собою,
Къ спокойствію себя принудить не возмогъ,
И утѣшать тебя послѣдовалъ въ чертогъ.
Каки противности тебя поколебали?
Я смѣю ли подать совѣтъ тебѣ въ печали?
Я смѣюль угадать, кто могъ твой духъ смутить,
И угадавъ, тебя отъ скорьби свободить?

Филлида.

Не наводи, ахъ князь! на мысль мнѣ большей ночи?
И такъ уже стыдомъ мои покрылись очи;
Оставь на единѣ безщастную вздыхать.

Полимнесторъ.

Тебя ли я могу терзаніямъ отдать?
И долгъ меня къ тому и ревность понуждаетъ,
И младость и краса твоя повелѣваетъ,
Чтобы отъ тщетныхъ мукъ теперь тебя спасти,
Отъ страсти свободить и въ чувство привести.
Ахъ, что прельщаешься чужею ты страною?

Или отечество ужъ гнусно предъ тобою?
Или такаго въ немъ уже Героя нѣтъ,
Съ кѣмъ въ бракъ тебѣ вступишь не предосудишь свѣтъ,
Ктобъ равенъ Греку былъ достоинствъ всѣхъ хвалою?
Я сердце знаю здѣсь лишенное покою,
Въ которомъ вѣрная сугубо кровь кипитъ,
И въ очи и въ уста жаръ внутренній стремитъ;
Не зная, будетъ ли тобой оно щастливо,
Мученія въ лицѣ изображаетъ живо.

Филлида.

Не вѣрь, ахъ Князь, словамъ и взглядамъ ты не вѣрь.
По виду внѣшнему чувствъ внутреннихъ не мѣрь.
Чужаго сердца знать движеній не возможно!

Полимнесторъ.

Оно въ груди моей, я знаю то неложно.

Филлида.

Что слышу я еще! ты очи, Князь, открой,
И посмотри, что здѣсь Филлида предъ тобой.
Теперь ты вмѣсто мнѣ желанныя отрады
Не умножай еще несносныя досады.
Меня, какъ дочь, любить принадлежитъ тебѣ;
Инаго пламени не воспаляй въ себѣ.
Не чувствуешь въ своемъ ты сердцѣ Иліоны?
Гдѣ права естества, гдѣ божески законы?

Полимнесторъ.

Когда безсмертные повергли ужъ Троянъ,
Когда Пріамъ, Парисъ и Гекторъ ихъ попранъ,

И острый мечъ пресѣкъ младый вѣкъ Поликсены;
Въ крови и пецелѣ дымяпся падпи спѣны;
Когда они весь родъ изкоренипь хопяпъ:
Боюсь, что и меня съ нимъ купно поразяпъ.
Безумно грудь свою поставить прошивъ грому,
И на боговъ возспапь.

Филлида.

О какъ пы дѣлу злому
Дапь хочешь видъ добра и спрасть свою закрыпь!
Пресшань передо мной и мыслію грѣшипь.

Полимнесторъ.

Или ужъ грѣхъ любипь лице мнѣ столь прекрасно?
Или, дражайшая, прудился я напрасно,
Когда я собственны забавы презиралъ,
И день и ночь о помъ лишь полько помышлялъ,
Дабы распространипь еще пвою державу,
И царски воспипавъ, пвою умножипь славу?
Пріяпностьми, что мной покрыпы разцвѣли,
Кромѣ меня владѣпь кпо долженъ на земли?
Я нѣжилъ ихъ восходъ, и зрѣлости ждалъ жадно;
То плодъ ихъ поперяпь мученье безопрадно!
Кпо лучше моего здѣсь знаешъ силу правъ,
Обычай подданныхъ, и пвой, Царевна, нравъ?
И кпо, какъ я, въ уздѣ удержипъ ихъ свободу,
И склонноспямъ пвоимъ опдаспъ себя въ угоду?
Ахъ вспомни, что Ликургъ при смерпи говорилъ!

Филлида.

Хопя владѣніе пебѣ онъ поручилъ;

Однако сердце онъ въ моей оставилъ власти.
Не могутъ повелѣть Цари любовной страсти.

Полимнесторъ.

Такъ буду я крушась, въ чужихъ рукахъ смотрѣть
На ту́ю, что велятъ и боги мнѣ имѣть?
Я щастливъ былъ бы здѣсь, когда бы я волнами
Предъ сими изъ моря повержень былъ ногами:
Я сердцемъ бы твоимъ, Царевна, ужъ владѣлъ;
И что при томъ? другой любви искать бы смѣлъ!
Ахъ сжалься, погляди на отческіе бреги
Исполненны вездѣ пріятности и нѣги!
Или они тебя не могутъ побудить,
Чтобы ты пришлеца старалась позабыть?
И рѣки, и поля, и горы воздыхаютъ,
И видомъ жалостнымъ тебя увѣщеваютъ:
Филлида! не лиши твоей насъ красоты.
Тоголь не чувствуешь? тоголь не слышишь ты?

Филлида.

Престань такими, Князь, терзать меня словами,
И дай мнѣ умягчить тоску свою слезами.

Полимнесторъ.

Я жалостью твоей смущаясь, отхожу;
Но ты сама себя суди одна, прошу.
Невѣрности отмстить ты полну власть имѣя,
Какъ можешь предпочесть защитнику злодѣя,
Пришельца своему, и Демофонта мнѣ,
Кроваву Грецію любезной той странѣ,
Гдѣ тронъ твой, гдѣ на свѣтъ впервые ты
воззрѣла?

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Филлида одна.

Нигдѣ не слыхано шоль злобсшвеннаго дѣла!
Невѣрносшь кругъ меня, шая свой люшой ядъ,
Являешъ ласковой и полной желчи взглядъ.
Присягу пресшупивъ одинъ подлогъ скрываешъ,
Другой не шакъ меня, какъ скипешра желаешъ.
Что нынѣ я начну, куда я обращусь?
Или ошъ льсшиваго къ невѣрному склонюсь?
Филлида укрѣпись, и бурямъ сшань прошиву,
Закрой ошъ нихъ глаза, осшавь надежду лживу.
Предписаннаго жди мученіямъ конца,
Неблагодарнаго забудь, забудь льсшеца.
Но позабышь его чѣмъ больше я желаю,
Тѣмъ больше въ мысль беру, и шверже вкореняю!
Никакъ, любовь, шебѣ, никакъ не измѣню.
Но что мнѣ въ шомъ, когда его не преклоню?
Такъ сшану преклоняшь пресшупника мольбою.
Такъ буду, Демофоншъ, я плакашь предъ шобою?
Какъ слезны сшанешь шы пошоки презирашь?
Но я, лишь обрашись, гошова все начашь!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Филлида и Креуза.

Креуза.

Царевна! по швоей исполнила я волѣ.
Теперь ужъ ничего не осшаешся болѣ,
Какъ шолько, чшобы швой послѣдней былъ приказъ,

По коему сгоритъ флотъ Греческой тотъ часъ.
Закрыты на судахъ лѣсистыми горами
Стоятъ рабы твои съ готовыми стрѣлами,
Чтобъ пламень оными на корабли пустить,
И Демофонтовъ путь въ Аѳины прекратить.

Филлида.

Пускай и самъ огнемъ скончается невѣрной!

Креуза.

Ты злобой на него вооружась безмѣрной,
Царевна, мѣрности при мщеніи держись;
И безотраднаго раскаянья блюдись!

Филлида.

Ты зная отъ него меня теперь презрѣну,
Что мстить препятствуешь за мерзскую измѣну?
Мой плѣнной духъ и такъ склоняется къ нему,
Противится себѣ, противится уму;
И злобу нѣжная любовь одолѣваетъ,
То что ей твой совѣтъ, Креуза, помогаетъ?
Что гнѣвъ мой прекратить твой хочетъ разговоръ?
Нездобія во мнѣ не кажетъ ли мой взоръ?

Креуза.

Ахъ! вспомни, какъ моимъ совѣтомъ ты гнушалась!
Но нынѣ я твоей печалью оправдалась:
Тогда было тебѣ не слушать льстивыхъ словъ.

Филлида.

И здравой умъ на все не можетъ быть готовъ.
А поступать въ любви, Креуза, осторожно,
И мысль знать по рѣчамъ, повѣрь, что невозможно,

Тамъ кажется ни въ чемъ худыхъ не будетъ
слѣдствъ,
Ни въ чемъ не видно тамъ необходимыхъ бѣдствъ:
Опасность кажется сама въ ней безопасна,
И очевидная ужасность не ужасна.
За страстью я своей не видѣла умомъ,
Что Демофонтовъ домъ на берегу чужомъ.
И сладость, что текла прелестными устами,
Не жаромъ рождена, но хладными волнами!
Я думалаль тогда, что мнѣ онъ только льститъ?

Креуза.

Минута жаръ зажгла, минута погаситъ.
Любовь съ надеждою живетъ, и умираетъ,
Отъѣздъ его любовь и скорбь твою скончаетъ.

Филлида.

Такъ отпущу его, Креуза, не отмстивъ?
Такъ насмѣявся онъ, отсель уѣдетъ живъ?
Но мнѣ ли требовать отъ Демофонта мести?
Пусть жизни я лишусь! но жаль лишиться чести!
Казнить его спѣшу; но имъ еще полна:
Хотя отчаялась, еще ему вѣрна!

Креуза.

Исполненной тебѣ пріятнаго толь яда
Противны способы, противна вся отрада.
Когда болящему сама болѣзнь люба,
То сила всѣхъ лѣкарствъ безсильна и слаба.

Филлида.

Филлида умирай, но возвративши славу,
Отмсти, и презирай любовь, животъ, державу.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Демофонтъ, Филлида, Креуза и Драметъ.

Демофонтъ.

Исполни праведно отмщеніе на мнѣ,
Я оправдать себя не тщусь въ своей винѣ.

Филлида.

Креуза, что теперь? куда себя укрою?
Продерзостной предсталъ еще передо мною!

Демофонтъ.

Вздыханіямъ моимъ, ахъ! небо, помоги.

Филлида.

Преступникъ, удались, отъ глазъ моихъ бѣги.

Демофонтъ.

Позволь, позволь сказать хотя едино слово:
Я казни лишь прошу, и ничего другово.

Филлида.

Ещели чаешь ты въ коварности успѣть?
Еще ли хочешь скрыть своихъ обмановъ сѣть?
Довольно ужъ, что ты за всѣ мои пріязни,
Свидѣтелей боговъ не убоявшись казни,
Шесть мѣсяцовъ ко мнѣ горячность притворялъ,
Которой въ сердцѣ ты отнюдь не ощущалъ.
Ты клялся бурями, войною, глубиною,
Что можешь лишь воздать мнѣ за пріязнь собою.
На толь старалась я о корабляхъ твоихъ,
Чтобы похитить честь и жизнь мою чрезъ нихъ?
Богъ моря, богъ войны, богъ вѣтра, богъ любови,

Какъ спанутъ мстить, на месть твоей не
станетъ крови.

Демофонтъ.

Когда уже въ моихъ слезахъ нѣтъ столько силъ,
Дабы увѣрить въ томъ, что я тебя любилъ,
Что я невольно впалъ въ такое преступленье,
Что лютое терплю разкаявшись мученье,
Что дѣломъ я своимъ гнушаюсь и собой;
То будетъ въ томъ мнѣ смерть свидѣтель
предъ тобой.
Когда я не могу увѣрить въ томъ слезами,
Увѣрься же теперь кровавыми струями.
(хочетъ заколоться)

Филлида.

(хватая за руку, а съ нею прочіе держатъ)
Ахъ дерзской!

Драметъ.

Для боговъ!

Демофонтъ.

(къ Филлидѣ)
Ты хочешь, чтобъ я жилъ,
Когда ужъ я тебѣ и самъ себѣ постылъ?

Филлида.

Ты хочешь смертію меня увѣрить злою,
Что предъ тобой гнусна и жизнь твоя со мною?
Ты хочешь для того со свѣта убѣжать,
Чтобъ въ жизнь несносныя Филлиды не видать?

Демофонтъ.

Чтобъ жизни дать конецъ безславной толь и
слезной,
Чтобъ тягостну не быть и небу и любезной.

Драметъ.

(Вкладываетъ Демофонту шпагу.)

Не будь, ахъ! Государь, себѣ и намъ жестокъ:
Живи и вѣрностью загладить тщись порокъ.

Креуза.

Вы вспомните залогъ любовнаго союза.

Филлида.

Ахъ! то ли, то ли въ немъ любовь ко мнѣ, Креуза,
Чтобы въ глазахъ моихъ другу къ себѣ склонять?

Демофонтъ.

За тѣмъ ли не даешь животъ свой мнѣ скончать,
Чтобъ слышалъ я свой срамъ, которой горше смерти?
Дай мнѣ безславіе невѣрной кровью стерти.

(опять хватается за шпагу, но они недопускаютъ вынять.)

Филлида.

Свирѣпой, чаешь ты, я мало слезъ лила?
И мало для тебя я претерпѣла зла?

Демофонтъ.

Причину золъ твоихъ искоренить желаю:
Чтожъ воли отъ тебя на то не получаю?
Позволь мнѣ умереть; или прости вину;
Съ которой жизнь свою разкаявшись кляну!
Когдабъ я могъ сказать, твой гнѣвъ не умножая,
Какъ въ мрачной ровъ ввела меня судьбина злая,
Какая внутрь меня была тогда борьба,
Тобъ ты увѣрилась, ахъ! коль ты мнѣ люба!

Филлида.

Ты любишь, и бѣжашь готовъ отсель всечасно!
Любишь и прочь бѣжашь, какъ можетъ быть
согласно?
Что толь несносное примѣтилъ ты во мнѣ?
Въ какой я, покажи, обличена винѣ?
Я тѣмъ ли предъ тобой, я тѣмъ ли погрѣшила,
Что не крушивъ тебя, любовь свою открыла?

Демофонтъ.

Чѣмъ ты безвиннѣе, драгая, предо мной,
Тѣмъ больше множится порокъ мой предъ тобой;
Но ты мнѣ отпусти толь тяжко погрѣшенье,
И щедрой прослыви на свѣтѣ чрезъ прощенье.
(на колѣна становится.)

Филлида.

Ахъ! что? желаешь ты еще меня крушить,
Съ надеждою во мнѣ и муку обновить?
Непостоянствомъ какъ, о какъ твоимъ терзаюсь!
Прошедшимъ мучусь я и будущимъ смущаюсь!
Иль волею въ другой обманъ себя отдамъ?
(въ сторону.)
Но смерть мнѣ не проститъ, проститъ мнѣ
вѣчной срамъ.

Демофонтъ.

Прости!

Драметъ.

Дражайшія сердца соединитесь,
И нѣжныя любви законамъ покоритесь.

Креуза.
(къ Филлидѣ)

На жалость преклонись.

Филлида.

О какъ мой духъ смущенъ!

Демофонтъ.

Увѣрь, дражайшая, увѣрь, что я прощенъ.

Филлида.

Къ чему меня твои вопросы принуждаютъ?
Не ясноль слабости мои тебѣ являютъ,
Отчаянье и скорбь и слабая гроза,
Смущенныя слова и полны слезъ глаза?

(поднимаетъ)

Свирѣпой, торжествуй: уже я признаваюсь,
Что тщетно въ страсти я передъ тобой скрываюсь.
Еще тебя люблю, хотя ты измѣнилъ.
Ахъ чтобъ я сдѣлала, когдабъ ты вѣренъ былъ!
Хоть вѣрности твоей едва я ожидаю;
Но радость всю въ тебѣ и щастье полагаю.
Въ державѣ я своей пріемлю твой законъ,
Вручаю сердце, жизнь, отечество и тронъ!

Демофонтъ.

Хотя о таковомъ прощеньѣ сумнѣваюсь,
Что въ несказанномъ я порокѣ признаваюсь;
Но страхъ отъемлетъ мнѣ возлюбленный твой видъ,
Залога склонности твоей просить велитъ.
Позволь, дражайшая, принять свою мнѣ руку,
И во все истреби мою сердечну муку.

(принявъ руку цѣлуетъ.)

Коль долго я сея держуся на земли,
Толь долго, небо, мнѣ быть щастливу вели!

Я принялъ чрезъ нее спасенье отъ пучины,
Ее я лобызалъ, избавясь отъ кончины.
Я ею первой знакъ любови получилъ.
Кому нещастной, ахъ! кому я измѣнилъ?
Ты всѣ противности мои позабывая,
Преступнику даешь прощеніе, драгая!
Безсмертные, когда оставлю я ее,
Мое исторгните отъ свѣта бытіе.
Пусть Понтъ пожретъ меня свирѣпыми волнами,
Когда желанный брегъ ужъ будетъ предъ глазами;
Пусть буду на пустомъ песку не погребенъ,
Отъ птицъ и отъ звѣрей на части расхищенъ!

Дрдметъ.

Любови обновивъ союзъ неоцѣненный,
Ужъ время поспѣшать вамъ въ путь опредѣленный.

Филлида.

Отъ Полимнестора какъ можемъ утаить?

Демофонтъ.

Любовь моя, любовь все можетъ побѣдить!

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Полимнесторъ и Иліона.

Иліона.

Какое щастіе тебя ко мнѣ ведетъ,
Отъ коего мой духъ еще отрады ждетъ?

Полимнесторъ.

Я здѣсь искалъ тебя.

Иліона.

Ужель стенаній сила
Тебя къ нещастливой на жалость преклонила?

Полимнесторъ.

Я видя, что тебя сомнѣнія мятутъ,
Что мысли разныя себѣ предѣла ждутъ;
Пресѣчь и рушить ихъ, Царевна, поспѣшаю!
Тебѣ то будетъ все пріятно, уповаю.

Иліона.

О небо, возсіяй въ мою затменну грудь,
И сердцу томному дай нынѣ отдохнуть!

Полимнесторъ.

Я не пришолъ къ тебѣ, чтобъ льстивые обманы
И сладкой ядъ влагать для большей скорби въ раны;
Но искренность моя не можетъ утаить
Того, что боги мнѣ велѣли совершить;
Я вѣрность обѣщалъ хранить тебѣ неложно,
И сохранялъ всегда, коль долго было можно.

Когда бы я къ тебѣ любови не имѣлъ,
Когдабъ сердечной жаръ и нынѣ не кипѣлъ,
То могъ бы я сказать, что клялся я заочно,
И клятву преступить мнѣ можно безпорочно;
Сказалъ бы, что не знавъ я твоего лица,
Не красоту твою, но представлялъ отца,
Богатство представлялъ и въ славной силѣ Трою,
И все, что было въ ней, я называлъ тобою.
Но я довольствуясь достоинствомъ твоимъ,
Гнушаюсь, помня честь, подлогомъ таковымъ.
И жалость и любовь къ тебѣ меня терзаетъ,
И гнѣвной мнѣ отвѣтъ отъ олтаря смущаетъ!
Ахъ, естьлибы и то подобной былъ подлогъ!
Ахъ, естьлибъ я и то почесть въ неправду могъ!
О естьлибъ преступить возмогъ я безъ боязни,
Ни мнѣ, ниже тебѣ не ожидая казни,
Что далъ отъ олтаря мнѣ строгой Марсъ въ
отвѣтъ!

Иліона.

Къ надеждѣ ли меня иль къ пагубѣ влечетъ?

Полимнесторъ.

Съ одной страны тебѣ надежду обѣщаетъ,
Съ другой страны мое желанье пресѣкаетъ.
Чрезъ Грековъ небеса повергнули Троянъ,
Чрезъ Грековъ же хотятъ и изцѣлить отъ ранъ;
Ихъ стѣны обновить Героя посылаютъ,
И красоты твоей меня они лишаютъ;
Велятъ, которую я воспиталъ, любить;
Тебя, дражайшая, ихъ волѣ поручить,

Ихъ волѣ и шому, кшо воспаленъ шобою,
Лежащу обѣщалъ шебѣ возсшавишь Трою.

Илiона.

Возможноль, чшобы шѣжъ насъ боги сочешашь
Хошѣли, и шопъ часъ невинно разлучашь?
И можешь волѣ ихъ не медля согласишься,
Какъ ежели она прошивъ швоей, сшремишся?
Не смѣешь прошивъ ней шы слова испусшишь?
Ахъ, шѣмъ ли хочешь шы невѣрносшь ушаишь?
Вошще ко храму ложь прибѣжище имѣешь;
Сквозь свяшосши покровъ коварсшва ядъ чернѣешь.
Ты видомъ лишь однимъ послѣдуешь богамъ,
Но дѣломъ возсшаешь прошиву оныхъ самъ.
Ты хочешь скипшръ чужой ошнящь, не усшрашаясь,
Но съ шрономъ упадешь, не право возвышаясь.
Пускай, чшо можешь шы въ продерзосши успѣшь,
И младосшь нѣжную ширансшвомъ одолѣшь;
Какую чаешь въ шомъ себѣ имѣшь забаву?
Какую можешь шѣмъ снискашь на свѣшѣ славу?
Ты ненависшiю ошвсюду окруженъ,
И люшыми смершьми по всякъ часъ усшращенъ,
Ошъ шой самой сшрашась, душею возмушишся,
Для коей пресшупишь присягу не боишся.
Но правда чисшая всегда предъ шѣмъ скверна,
Въ комъ злосшь проклятая живешъ вкоренена.
Когда бы шы еще имѣлъ любви хошь мало,
И сердце бы ко мнѣ хошя легко пылало;

То могъ либъ ты снести, чтобы кровавой Грекъ
Отъ взору твоего въ полонъ мѣня повлекъ;
Дебы тамъ въ торжествѣ онъ могъ меня представить,
И сопостатъ себя въ отечествѣ прославить;
Дабы съ презрѣніемъ народъ увидѣлъ тамъ,
Котору поручилъ тебѣ въ чертогъ Пріамъ.
Не лучшели сказать, что нынѣ Иліона
Не блещетъ славою отеческаго трона,
Что нынь не льститъ вѣнецъ и не смущаетъ страхъ,
Что въ Греческихъ гремѣлъ отъ Гектора полкахъ?
Ты чаешь, что онъ мертвъ? онъ живъ, уже вставаетъ:
Земля предъ нимъ врата, тряхнувшись, отверзаетъ!
О Гекторъ! поспѣшай, и за сестру отмсти,
И брата своего въ младенствѣ защити!
Оружіемъ звучитъ, огнемъ вооруженъ!
А ты, предатель мой, еще не устрашенъ?
Мечемъ ужъ надъ твоей онъ головой сверкаетъ.
Коль темна ночь глаза и духъ мой помрачаетъ!

Полимнесторъ.

Ахъ истиненъ твой гнѣвъ! я лютой твой тиранъ!
Но волей ли моей союзъ любви попранъ?
Столь много рѣчь твоя меня не укоряетъ,
Какъ совѣсть внутрь грызетъ меня и обличаетъ!

Я строгой бы готовъ противиться судьбѣ,
И въ жертву принести себя одной тебѣ;
Но вижу, что тебя спасать лишь начинаю,
Я больше тѣмъ тебя безщастну погубляю.

Иліона.

О жалость звѣрская! жалѣть и убивать.
Незлобіе мое ты можешь презирать?
Я въ самой часъ, когда ты лютыми устами
Священный рвешь союзъ положенный межъ нами,
На ненависть себя принудить не могу,
И нудясь, на свое тебѣ я сердце лгу.
Но больше не хочу стараться быть любезна.
Уже моя къ тебѣ надежда безполезна!
Блистаетъ съ красотой Филлидиной вѣнецъ,
Мнѣ слезы лишь однѣ оставилъ мой отецъ.
Безчеловѣчной, что ты очи отвращаешь?
Ты тщетными со мной минуты всѣ считаешь.
Уже ты не меня, но и себя забылъ:
Твои всѣ мысли съ той, которой ты постылъ.
Съ ней сердцемъ говоришь, ей слѣдуешь глазами:
Я больше скучными не удержу словами.
Поди, и ей кленись, какъ прежде клялся мнѣ,
Свидѣтели всему на небесахъ однѣ.
Я знаю, что они того не позабыли,
Каковъ они союзъ межъ нами утвердили.
Ты чистой жаръ ко мнѣ безстуднымъ погаси,
И сердце предъ олтарь преступно понеси.

Полимнесторъ.

Я съ онымъ приступить къ богамъ не обинуюсь,
Когда отвѣшу ихъ и волѣ повинуюсь.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Илюна одна.

Чего не можешъ злость проклята предпріять?
Велишь, забывъ вражду, за Грека посягать!
Велишь мнѣ позабыть отечества паденье,
И братей и сестры несносное мученье.
Какъ Гекторъ былъ попранъ, лишенъ по смерти гроба,
Какъ матери моей растерзанна утроба,
Пронзённый какъ Пріамъ предъ олтаремъ лежалъ
Въ сыновней и въ своей крови животъ скончалъ!
Какъ мнѣ не представлять ту ночь безчеловѣчну,
Что день Троянскій въ ночь перемѣнила вѣчну?
И лютыхъ хищниковъ торжествовавшихъ крикъ,
Которой мнѣ и здѣсь наноситъ страхъ великъ.
Какъ Греки нашихъ стѣнъ освѣщены пожаромъ
На пагубу Троянъ спѣшили въ буйствѣ яромъ,
Чрезъ сродниковъ моихъ стремилися тѣла,
Изъ коихъ по земли густая кровь текла.
Въ такой ли отпустилъ чертогъ меня родитель?
Такой готовишь бракъ, о лютый, мнѣ, мучитель!
Однако тѣмъ своихъ очей не насладишь;
Ты въ ровъ влечешь меня, но самъ надъ нимъ стоишь.

Пронжу мечемъ, когда любовь не уязвила.
Но мести слабыя мнѣ недовольна сила.
Онъ долженъ, пагубу увидѣвъ, возстенать,
Вотще разкаяться, безъ пользы духъ отдать.
И месть моя ничто, когда онъ не узнаетъ,
Что муку отъ моей руки претерпѣваетъ.
Ужъ время: что стою? но что хочу начать?
Я быть гнушаюсь здѣсь, и прочь не тщусь бѣжать.
Еще смущеннымъ я умомъ того не вижу,
Люблю ли я его или я ненавижу?
Съ какимъ презрѣніемъ оставилъ онъ меня!
Пустилъ ли каплю слезъ, вздохнулъ ли отходя?
Но въ слабомъ сердцѣ семъ еще онъ пребываетъ,
Въ отчаяньѣ еще надежда мнѣ сіяетъ.
Но въ чемъ надежду я еще имѣть могу:
Онъ въ сердце вскоренилъ во вѣкъ уже другу!
Одна надежда мнѣ надежды всей лишится,
И съ братомъ въ тѣжъ мѣста нещастливымъ укрыться:
Укроюсь? и своихъ не насла жду очей.
Какъ будетъ жизнію гнушаться онъ своей,
Когда безвиннаго онъ вмѣсто Полидора
Сыновняго прельщенъ во вѣкъ лишится взора;
Какъ въ Греческихъ рукахъ заплачетъ Деифилъ,
Котораго отецъ на муку имъ вручилъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Иліона и Мемнонъ.

Мемнонъ.

Ты жалобы оставь, Царевна, безполезны:
Помогутъ ли тебѣ теперь потоки слезны?
Троянскіе спасать остатки поспѣшай,
И брата отъ руки противничей скрывай.

Иліона.

Когда уже и здѣсь мы не нашли защиты,
То кѣмъ нещастные мы можемъ быть покрыты?

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мемнонъ одинъ.

Какъ въ свѣтѣ всѣ дѣла преображаетъ рокъ!
Сего дня сверженъ внизъ, кто былъ вчера высокъ;
Сей часъ намъ радостенъ, но слѣдующей слезенъ;
Тотъ вечеромъ постылъ, кто утромъ былъ любезенъ.
Давно ли Трои верьхъ касался облаковъ,
Гдѣ нынѣ смрадными костьми наполненъ ровъ?
Давноль со славой дочь Пріамову встрѣчали,
Что нынь отверженна терзается въ печали?
О ты величества и бѣдности примѣръ!
Подобіе небесъ, подобіе пещеръ!
О Троя, ты сердца геройскія родила,
И въ пепелѣ своемъ упадши ихъ покрыла!
На что оставленъ здѣсь съ сестрою Полидоръ?
На что не погребенъ среди Идейскихъ горъ?

Ахъ лучшебъ со стѣны низринутъ разбиться,
И ей въ крови своей невинной обагриться!
Со братними костьми соединясь лежать,
И купно пепелъ свой съ отеческимъ смѣшать,
Какъ нынѣ приклонить куда главу не зная,
Не видѣть горести неслыханныя края!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Демофонтъ и Мемнонъ.

Демофонтъ.

Что медлишь здѣсь одинъ, любезный мой Мемнонъ?
И что изъ глубины ты испускаешь стонъ?
Никакъ препятствія въ намѣреньи случились,
И наши тайные совѣты ужъ открылись?

Мемнонъ.

Опасности ни въ чемъ невидно никакой,
И флотъ къ отшествію совсѣмъ исправленъ твой;
Филлида на него по всякой часъ взираетъ,
И по стопамъ твоимъ во слѣдъ итти желаетъ.
Лишь только тьмой твои суда покроетъ ночь,
Отъ нашихъ береговъ пустись щастливо прочь.
Въ отсутствіе твое, въ отсутствіе Филлиды
Правленіе земли другіе приметъ виды.
Дотолѣ Князю я отъ ревности служилъ,
Пока онъ правду самъ и искренность хранилъ.
Но нынѣ онъ свои законы преступаетъ,
И тѣмъ отъ нихъ меня и прочихъ овобождаетъ.

Ты ревность искренню къ Царевнѣ сохрани,
И утвердивъ престолъ, въ Аѳинахъ не косни,
Воспоминай всегда мое послѣдне слово:
Здѣсь сердце подданныхъ принять тебя готово.

Демофонтъ.

Ты въ пользу способы намъ всѣ употреби,
Прости, и обоихъ въ отсутствіе люби.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Демофонтъ и Филлида.

Филлида.

Ты видишь, что тебя я ради предпріемлю?
Дерзаю чрезъ валы итти въ чужую землю!
Не Полимнестора я устрашась, бѣгу,
Но взору твоего лишиться не могу.
Хотя пучины я бурливой устрашаюсь;
Но и въ опасности съ тобой не опасаюсь.
Когда ты мнѣ не льстишь, когда ты вѣренъ мнѣ,
То вѣренъ будешь намъ и путь во глубинѣ.

Демофонтъ.

Хоть тягостны труды, но наградитъ отрада,
Когда достигнемъ мы отеческаго града.
Коль радостно тебя увидитъ тамъ Тезей!
Какое множество сберется тамъ людей!
Признаки по путямъ побѣдъ моихъ поставятъ,
И пѣсни брачныя къ торжественнымъ прибавятъ.
Прекрасно солнце, ты зайди за глубину,
На горизонтъ пусти скорѣе тьму ночну:

И прежде не блистай пресвѣтлыми лучами,
Пока сей брегъ отъ насъ не скроется валами.
Сей брегъ, отъ коего мы нынѣ прочь бѣжимъ,
Но неотступно внутрь сердецъ его держимъ.
Межъ тѣмъ съ Мемнономъ скрытъ я долженъ нам дорогу,
Чтобъ, ежель Княжескъ полкъ ударитъ вдругъ тревогу,
Успѣли въ городѣ намъ вѣрные полки
Спасти насъ отъ его коварныя руки.
Пожди, дражайшая, пожди меня минуту.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Филлида и Креуза.

Филлида.

Оставшись, чувствую тоску на сердцѣ люту.
Любезная ко мнѣ, Креуза, ахъ поди,
И въ ожиданіи мнѣ время проводи.
Что смутной въ землю взоръ, унывши, потупляешь?
Ты стонешь! ахъ! о чемъ? ты слезы проливаешь!
Далекаго пути, драгая, не страшись,
Забудь все, и моимъ примѣромъ укрѣпись.

Креуза.

Не путь меня, не путь далекой устрашаетъ,
Но близкая бѣда всѣ чувства отягчаетъ.
Коль много терпитъ зла отъ нѣжной простоты!
О коль коваренъ онъ! о коль злощастна ты!
Нигдѣ надежды нѣтъ, нигдѣ намъ нѣтъ успѣху!

Намъ отнялъ въ скорби рокъ послѣднюю утѣху!

Филлида.

Престань смущать меня, безвременно таясь.
О! какъ я извинюсь, когда увѣдалъ Князь?
Но Демофонтъ ко мнѣ поспѣшно возвратится.

Креуза.

Ты больше на него не можешь положиться!

Филлида.

Ахъ! сердца не пронзай.....

Креуза.

Хоть поздо, будешь знать,
И время не велитъ нещастья умолчать.

Филлида.

Коль долго, небеса, вы будете мнѣ строги!

Креуза.

Я мимо проходя Троянскіе чертоги,
Увидѣла, спѣшитъ изъ нихъ къ судамъ Драмеmъ,
Младенца на рукахъ закрытаго несетъ,
И озирается страшливыми глазами.
Я видя тутъ рабу обмытую слезами,
Спросила, для чего она стоитъ смутна?
Отвѣтствовала мнѣ: Царевна предана!
И князь не убоясь ни бога, ни закону,
Въ супружество даетъ другому Иліону,
И придетъ, говорятъ, поспѣшно Демофонтъ,
Безщастну тайно взять и увезти чрезъ Понтъ!

Филлида.

Ахъ! лютой мой злодѣй, какъ могъ ты притво-
ришься!

И какъ посмѣла я на лживомъ утвердиться?
Но помощи ужъ нѣтъ! Креуза, ахъ! спѣши,
И въ зломъ отчаяньи нещастной послужи;
Вели пуститься въ Понтъ стоящимъ подъ горами,
И воздухъ огустить горящими стрѣлами,
Чтобъ тучей огненной покрылись корабли.
Н емедли.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Филлида одна.

Есть ли кто лукавѣй на земли?
Меня оставивъ здѣсь въ пріятной толь надеждѣ,
И больше нѣжности мнѣ показавъ, какъ прежде,
Въ полѣдни изъ моихъ пошолъ прельщенныхъ глазъ!
О лютая судьба! о коль свирѣпой часъ!
Я твоего стою прихода ожидая,
Когда въ путь за тобой послѣдуетъ другая!
Но ты продерзкой самъ почувствуешъ тоску:
Огнемъ въ срединѣ водъ я путь твой пресѣку.
Когдажъ не возмогу, то кровь моя струями
Себя изобличитъ, кипя во слѣдъ съ волнами.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Филлида, Мемнонъ и Креуза.

Мемнонъ.

Багряные лучи закрыла ужъ заря,
Изъ глазъ отъемлетъ ночь и землю и моря.
Я съ мракомъ вдругъ имѣлъ и мысли помраченны,
И представлялъ въ умѣ полки вооруженны,
Дабы тогда, какъ ты плывешь между валовъ,
Присутствовала мной у здѣшнихъ береговъ,
Чтобы Ѳракіяне тебя здѣсь ощущали,
Хотябъ отшествіе твое отсюду знали.
Но нынѣ я тебя увидѣлъ здѣсь еще.

Филлида.

Намѣренья мои погибли всѣ вотще.
Я вѣрила словамъ, Мемнонъ, ахъ! полнымъ яду.
Теперь мнѣ кто подастъ отчаянной отраду?

Мемнонъ.

Какая нынѣ скорбь мрачитъ твой снова духъ?

Филлида.

Такою наглостью не оскорбленъ твой слухъ?

Мемнонъ.

Какою?

Филлида.

Демофонтъ съ Троянкой прочь отходитъ,
И въ пагубу меня конечную приводитъ.

Мемнонъ.

Не представляй себѣ нещастія сего....
Но къ намъ Драметъ спѣшитъ; увѣрься отъ него.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Филлида, Мемнонъ и Драметъ.

Драметъ.

Царевна, корабли стоятъ готовы къ бѣгу,
И только ждутъ они тебя одной со брегу.
Способной Аквилонъ, покрытой горизонтъ
Къ отшествію съ тобой имѣетъ Демофонтъ.

Филлида.

Троянкѣ буду я послѣдовать рабою?
Я волею пойду какъ плѣнница съ нимъ въ Трою?
Оставя свой престолъ, я буду тамъ взирать,
Какъ будетъ онъ себя на царство съ ней вѣнчать?

Мемнонъ.

Я вижу, мнѣніе тебя терзаетъ ложно.

Драметъ.

Пріамова дочь здѣсь.

Филлида.

Какъ быть тому возможно?
Когда ты брата взялъ уже на корабли,
Сестра ли отъ него осталась на земли?

Драметъ.

Уже теперь таить не позволяетъ время.
Тебѣ извѣстно, что Троянско Грекамъ племя

Протпивно на сердцахъ, ужасно на поляхъ:
Остатки онаго еще наводятъ страхъ.
За тѣмъ я тщился здѣсь младаго Полидора
Отъ Иліонина во вѣкъ отторгнуть взора;
И нынѣ я могу ужъ Грекамъ показать,
Что Троя больше ихъ не можетъ устрашать.
Троянскія возстать не могутъ больше стѣны:
Не можетъ впредь Парисъ похитить въ нихъ
Елены.

Филлида.

Ахъ! коль ужасна вѣсть! какъ бѣдство отвратишь?

Мемнонъ.

Ахъ! небо, какъ могло сіе ты попустить?
Нещастная сестра какую скорбь терпѣла!

Драметъ.

И кровь во мнѣ самомъ отъ жалости кипѣла,
Какъ въ Иліонинъ я посмѣлъ вступить чертогъ,
И воли преступить отечества не могъ.
Она едва въ слезвхъ промолвила, рыдая:
Когда насъ истребитъ судьбина хочетъ злая,
Когда насъ предаетъ, кто долженъ защищать;
Осталось отъ самихъ враговъ отрады ждать.
Отъ рукъ неправедныхъ покройте бѣдныхъ,
Греки;
Хотя свирѣпы вы, однако человѣки.
Отъ васъ я избѣжавъ, вселилась межъ звѣрей,
Что носятъ на себѣ лишь видъ одинъ людей.
Промолвила, и мнѣ сама вручила брата.

Мемнонъ.

О скверная алчба могущесшва и злаша!

Филлида.

Но гдѣ мой Демофонтъ?

Драметъ.

Чтобъ шы могла пришши
Безбѣдно на суда, отъ брегу по пуши
Онъ сшавишъ спражей самъ; за шѣмъ что вѣтръ способной
Прибавилъ много силъ въ часъ къ плаванью удобной.

Филлида.

Креуза, отвратишь нещасшье поспѣши,
И руки злобныя отъ гнѣва удержи!

Креуза.

Разкаянье швое едваль уже не позно.
О небо, проводи безъ казни время грозно!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Филлида, Иліона, Мемнонъ и Драметъ.

Филлида.

(увидѣвъ Иліону)

Коль неразсудно злюсь, любезной, на шебя!

Иліона.

Царевна, отъ меня что хочешь скрыть себя?
Не скучнымъ досаждать къ шебѣ иду я споромъ,
И не завистливымъ о щасшьѣ разговоромъ;
Но слезы горькія передъ шобой пролишь,
И бѣднымъ помощи въ гоненіи просишь.

Невинной Полидоръ на пугубу опть муки,
И изъ пиранскихъ взяпть въ проппивнически руки.
Одинъ вашъ будешъ пушь, но разной тамъ конецъ.
Его свирѣпа смершь, шебя шамъ ждетъ вѣнецъ!
Ты вѣдая меня и мысльми въ шомъ невинну,
Чтобъ я къ смущеніямъ швоимъ дала причину,
Драгая, не имѣй ко мнѣ на сердцѣ зла;
Но помня, какова любовь межъ насъ была,
Ты будь поверженнымъ защита и подпора,
Предстапельствомъ спаси отъ смерти Полидора.
Достигни щастливо тебѣ желанныхъ странъ,
Чтобъ мучился, лишась надежды, нашъ тиранъ.

Филлида.

Я чувствоватъ могу болѣзнь швою сердечну,
Коль шягостно нести злость толь безчеловѣчну!
Но тотъ, кто долженъ самъ спасенія искать,
Какъ можетъ оное другому обѣщать?

Мемнонъ.

(оборотясь на сторону)
Что ночи темноту надъ моремъ прогоняешъ?

Филлида.

Ахъ! люта злость мою надежду пресѣкаешь.

Драметъ.

Чѣмъ небо намъ грозитъ!

Филлида.

Гдѣ помощи искать?
Спѣши со мной, Драметъ, спасать и умирать.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Илiона и Мемнонъ.

Мемнонъ.

Нещастье наши всѣ совѣты разрушаетъ,
И предпріятой путь Филлидѣ запираетъ.
Горитъ нещастнаго, ахъ! Демофонта флотъ,
И помощи лишенъ среди глубокихъ водъ!
О сжальтесь вы хотя, морскія, сжальтесь, волны,
Возстаньте на пожаръ, возстаньте гнѣва полны.
Дождевны облаки, о небо, раствори,
И вихри пламенны потопомъ усмири!
Но крикъ при берегахъ и большій страхъ отъ треску
И умноженіе сіянія и блеску
Погибелію намъ отчаяннымъ грозятъ.

Илiона.

Теперь противникамъ за Трою боги мстятъ.
Когда они Троянъ державу разрушили,
Свирѣпствомъ и боговъ ко гнѣву побудили.
Они ихъ отпустивъ отъ нашихъ береговъ,
Хотятъ всѣхъ погубить среди крутыхъ валовъ.
А ты объ нихъ, Мемнонъ, печалясь, воздыхаешь;
Ты Трою раззорять тираннамъ помогаешь.

Мемнонъ.

Когда бы вѣдала намѣренья мои,
Оставила бы ты роптанія свои.
Кто можетъ ближе всѣхъ къ Пріамову быть трону,

Какъ тотъ, кому онъ самъ въ чертогъ далъ
Иліону?
И кто Ликурговъ здѣсь наслѣдникъ долженъ
бы ть,
Какъ тотъ, кого могла Филлида полюбить?
Я обое къ концу привесть желалъ, Царевна!
Но вижу, рушитъ все въ конецъ судьбина гнѣвна.
Въ коварныхъ умыслахъ успѣхъ имѣетъ Князь!
Какъ можетъ дать отвѣтъ, Филлида возвратясь?
Флотъ нынѣ Греческой ему ужъ неужасенъ:
Въ желаніи своемъ онъ будетъ безопасенъ.
Неизбѣжимая тебѣ грозитъ бѣда,
И мнѣ, безсмертные, достойна та ли мзда?
Кто нынѣ насъ спасетъ?

Иліона.

Тотъ бѣдство презираетъ,
Кто больше ужъ себѣ спасенія не чаетъ.
Ни молнія меня, ниже Зевесовъ гнѣвъ
Не можетъ устрашить: ударь не укоснѣвъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Иліона, Полимнесторъ и Мемнонъ.

Полимнесторъ.

Аѳинской флотъ горитъ!
(къ Иліонѣ)
Ты здѣсь? но гдѣ Филлида?

Иліона.

Гнушаясь твоего несноснаго ей вида,
Ни пламени, ни водъ бѣжитъ не устрашась,

Я здѣсь, и чтобъ тебя тоской терзать, спаслась.

Полимнесторъ.

Нечаянная мнѣ и строга перемѣна,
Которою скорбитъ душа моя смущенна!

Мемнонъ.

Теперь услышимъ мы, къ чему насъ рокъ влечетъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Полимнесторъ, Иліона, Мемнонъ и Вѣстникъ.

Мемнонъ.

Какой судьба конецъ смятеніямъ даетъ?
Чѣмъ пламень намъ грозитъ, свирѣпствуя надъ Понтомъ?

Вѣстникъ.

Филлиды больше нѣтъ съ любезнымъ Демофонтомъ!
Лишились жизни!

Мемнонъ.

Ахъ!

Полимнесторъ.

Несносной мнѣ ударъ!

Иліона.

Ахъ! какъ плачевныя погасъ любови жаръ?

Вѣстникъ.

Толь много бѣдствъ сказать лишь только начинаю,
Откуду мнѣ начать, я въ ужасѣ не знаю?
Когда покрыла ночь со флотомъ глубину,

Мы ждали на него Филлиду лишь одну.
Поставивъ Демофонтъ суда ко брегу строемъ,
Чтобы любезную привесть на нихъ съ покоемъ,
На встрѣчу къ пристани лишь ѣхать поспѣ-
шалъ,
Куда ее привесть Драмета онъ послалъ.
Внезапно изъ за горъ тамъ весла зашумѣли,
И стрѣлы огненны до облаковъ взлетѣли,
Упали съ высоты на насъ, какъ сильной градъ.
Уже на корабляхъ снаряды всѣ горятъ!
Пылаютъ парусы, валятся райны въ море,
Въ дыму и въ шумѣ тамъ лишь только слышно,
горе!

Илiона.

О коль великой страхъ!

Мемнонъ.

О лютая гроза!

Полимнесторъ.

Объемлетъ сердце хладъ и мракъ мои глаза!

Вѣстникъ.

Тамъ вихри по водѣ свирѣпы закрутились,
Противны двѣ на насъ стихiи согласились.
И каждой тамъ ударъ огонь въ валахъ раждалъ,
И влажностiю жаръ и пламень умножалъ.
Иныхъ пожгла огня неукротима сила,
Иныхъ несытая пучина поглотила.
И какъ я съ корабля старался въ ботъ сойти,
Я Демофонта вдругъ увидѣлъ на пути.
Пронзенъ, окровавленъ едва уже дыхаетъ:
Стрѣла еще въ груди зажженная пылаетъ.

Я въ страхѣ возстенавъ, другихъ на помощь
звалъ;
Отъ двухъ смертей исторгъ, и къ брегу съ нимъ
присталъ;
Но въ сердцѣ трепія трепещущемъ осталась:
Любезная душа отъ тѣла разлучалась.
Еще онъ, ахъ! тогда изъ глубины вздохнулъ,
И слабымъ голосомъ Филлиду помянулъ.
На берегъ пламенемъ шумящимъ освѣщенный
Филлида къ намъ спѣшитъ, Драметъ съ ней у-
страшенный.
Увидѣла его безгласна предъ собой,
Старалась во слезахъ поднять рукой,
И рѣчью возбудить хотѣла безполезной:
Промолви, Демофонтъ, промолви, мой любезной.
Онъ мрачные еще глаза свои открылъ,
И на нее взглянувъ, впослѣдни затворилъ.
Промолвить силился еще между стенаньемъ,
Но рѣчь свою пресѣкъ послѣднимъ воздыханьемъ!

Иліона.

Нещастливой любви нещастливой конецъ!

Мемнонъ.

Какъ будетъ сѣтовать оставленной отецъ!

Вѣстникъ.

Филлида съ горестнымъ стенаньемъ возгласила:
На толь, чтобы убить, тебя я полюбила?
И такъ ли путь пресѣчь тебѣ хотѣла я?
Не ты невѣренъ, я измѣнница твоя.
Ахъ! пусть бы ты ушолъ, ты могъ бы возвра-
титься,

И я ещебъ могла хотя надеждой льститься.
Теперь тебя ко мнѣ никто не возвратитъ,
И только смерть одна съ тобой совокупитъ.
Промолвила, и вдругъ кинжалъ во грудь вонзила,
И путь себѣ за нимъ со свѣта отворила.
Креуза рветъ власы, отчаянной Драметъ
Вотще надъ хладными тѣлами слезы льетъ.

Илiона.

Мнѣ поздо смерть ея надежду возвращаетъ.

Мемнонъ.

Ахъ! въ ней теперь Ликургъ вторично умираетъ.

Полимнесторъ.

Теперь мнѣ отнята недежда до конца!
Презрѣла ты меня, послушала льстеца,
И съ нимъ въ отчаяньи, о дерзка, умираешь!
Однако тѣмъ моихъ желанiй не скончаешь.
Я столько на земли тебѣ противенъ былъ,
Что свѣтъ тебѣ со мной, Филлида, сталъ немилъ.
И чтобы мною ты очей не раздражила,
Прекрасны очи ты во вѣки затворила.
Ты отъ меня бѣжишь за Демофонтомъ въ слѣдъ,
И чаешь, что ужъ тамъ меня твой взоръ минетъ?
Гнушаешься еще ты послѣ смерти мною?
Или не смѣю стать я тамъ передъ тобою?
Я слѣдовать тебѣ не устрашусь во адъ.
И стану тамъ казать тебѣ противной взглядъ.
Я буду тамъ стенать, трястись въ несносной казни,
И къ жалости тебя подвигну и къ боязни.

Ты тамъ, чтобъ отъ меня могла себя укрыть,
Не можешь ужъ себя вдругой разъ умертвить.
Что долго смерти ждать?

(Хочетъ заколоться)

Илiона.

(схвативъ аа руку)

Пожди еще минуту:
Не всю ты претерпѣлъ на свѣтѣ муку люту.

(къ Вѣстнику)

Младенецъ, что Драметъ похитилъ на суда,
Спасенъ ли?

Вѣстникъ.

Погубилъ огонь или вода.

Полимнесторъ.

Безщастной Полидоръ!

Илiона.

Деифилъ неповинной!
Ты лютости моей, тираннъ, былъ самъ причиной.
Раченiемъ моимъ сокрытъ мой Полидоръ
Отъ злобы твоея Ѳракiйскихъ далѣ горъ.
За наглости твои, за зло непостоянство,
За гордой мнѣ отказъ, за мерзкое тиранство
Мнѣ промыслъ пособилъ въ сей часъ тебѣ отмстить,
И сына твоего противникамъ вручить.
Но месть сiя легка явилась предъ богами,
Деифила сожгли они между валами.
Мнѣ должно бы его на части растерзать,
И растерзавъ, отцу на пищу сына дать:

Дабы къ тому твоя несытая утроба
Рожденному тобой служила вмѣсто гроба.

Полимнесторъ.

Ахъ! что еще въ мои глаза блистаетъ свѣтъ?
Филлиды больше здѣсь и Деифила нѣтъ!
Я нынѣ скипетръ, власть и славу презираю,
И только громнаго удара лишь желаю.
Еще я не могу боговъ къ тому склонить,
Прошеніемъ на казнь и злобой побудить?
Но смерти что ищу на казнь себѣ напрасно?
Я чувствую въ себѣ мученіе ужасно!
Филлида, Демофонтъ и ты, ахъ! Деифилъ,
Въ срединѣ сердца мнѣ геенну воспалилъ.
Какая вкругъ меня бунтуетъ непогода?
То мерзостью моей гнушается природа!
Свѣтила идутъ всѣ обратно на востокъ:
Законы естества преобращаетъ рокъ.
Всѣ боги на меня, что Трою защищали,
За дочь Пріамову противъ меня возстали.
Нептунъ стремитъ на брегъ морскую глубину,
Пожрать меня бѣжатъ чудовища по дну,
И вѣчные Плутонъ заклепы отверзаетъ,
Рыгаетъ въ воздухъ ядъ и звѣзды помрачаетъ,
Зіяетъ челюстьми несытой Флегетонъ,
Тиранновъ слышу тамъ безчеловѣчныхъ стонъ.
Но что еще? между ревущихъ вѣтровъ спо-
ромъ
Является Зевесъ съ пламеновиднымъ взоромъ.
Межъ мрачныхъ и грозой отягощенныхъ тучъ

Изъ рукъ его гремитъ быстротекущій лучь.
Суровая змія мнѣ сердце, ахъ! снѣдаетъ,
И внутрь и внѣ болѣзнь и страхъ меня тер-
заетъ,
Разверзтая земля, кровавы небеса,
Кипящія моря, горящіе лѣса
На пагубу мою себя приготовляютъ.
Но въ бездну долго что меня не погружаютъ?
Когда меня терпѣть не можетъ естество:
Скончай меня, скончай, о сильно божество!

Конецъ Трагедіи.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЕМА,

Приписанная покойному Оберъ-Каммергеру Ивану Ивановичу Шувалову.

Начало моего великаго труда
Прими, предстатель Музъ, какъ принималъ всегда
Сложенія мои, любя Россійско слово,
И тѣмъ стремленіе къ стихамъ давалъ мнѣ ново.
Тобою поощренъ въ сей путь пустился я:
Ты будешь онаго споспѣшникъ и судья.
И многи и сія дана тебѣ доброта,
Къ словеснымъ знаніямъ прехвальная охота.
Прородный видишъ твой и просвѣщенный умъ,
Гдѣ мысли важныя и гдѣ пустыхъ словъ шумъ.
Мнѣ нуженъ твоего разсудокъ тонкой слуха,
Чтобъ слабость своего возмогъ признать я духа.
Когда подъ бременемъ поникну утомленъ,
Вниманіемъ твоимъ возстану ободренъ.
Хотя во слѣдъ иду Виргилію, Гомеру;
Не нахожу и въ нихъ довольнаго примѣру.
Не вымышленныхъ пѣть намѣренъ я боговъ,
Но истинны дѣла, великій трудъ ПЕТРОВЪ.
Достойную хвалу воздать сему Герою
Труднѣе, нежели какъ въ десять лѣтъ взять Трою.
О еслибъ было то въ возможности моей!
Бѣглецъ Виргиліевъ изъ отчества Еней
Едвабъ съ Мазепою въ стихахъ моихъ сравнился,
И басней бы своихъ Виргилій устыдился.
Уликсовыхъ Сиренъ и Ахиллесовъ гнѣвъ
Во вѣкъ бы заглушилъ попранный ревомъ левъ.

За кѣмъ же я пойду? въ слѣдъ подвигамъ ПЕ-
ТРОВЫМЪ,
И возвышеніемъ стиховъ геройскихъ новымъ
Увѣрю цѣлые вселенныя концы,
Что тѣмъ я заслужу Парнасскіе вѣнцы,
Что первый пѣлъ дѣла шакаго человѣка,
Каковъ во всѣхъ странахъ не слыханъ былъ отъ
вѣка.
Хотя за знаніе служилъ мнѣ въ томъ талантъ;
Однако скажутъ всѣ, я былъ судьбой избранъ.
Желая въ умъ втерть дѣла ПЕТРОВЫ громки,
Описанны въ моихъ стихахъ прочтутъ потомки.
Обильные луга, прекрасны бреги рѣкъ,
И только гдѣ живетъ Россійской человѣкъ,
И почитающи Россію всѣ языки,
У коихъ по трудамъ прославленъ ПЕТРЪ Ве-
ликій,
Достойну для него дадутъ симъ честь стихамъ,
И станутъ ихъ гласить по рощамъ и лѣсамъ.
О какъ я возношусь своимъ успѣхомъ мнимымъ,
Трудомъ желаемымъ, но непреодолимымъ!
Однакожъ я отнюдь надежды не лишенъ:
Начатой будетъ трудъ прилѣжно совершенъ.
Твоими, Меценатъ, бодрясь въ трудѣ словами,
Стремлюся на Парнассъ, какъ легкими крилами.
Въ разборѣ убѣжденъ о правотѣ твоей
Пренебрегаю злыхъ роптаніе людей.
И естьли въ полѣ семъ прекрасномъ и широ-
комъ
Престоржется мой вѣкъ недоброхотнымъ рокомъ;

Цвѣшущимъ младосшью осшанешся умамъ,
Что мной проложеннымъ послѣдуюшъ сшопамъ.
Довольно шаковыхъ родишъ сыновъ Россія,
Лишь былибъ завсегда защишники шакія,
Каковъ шы промысломъ въ сей день произведенъ,
Для щасшія наукъ въ ошечесшвѣ рожденъ.
Благополучная сіяла къ нимъ планеша,
Предвозвѣщая плодъ въ швои прекрасны лѣша.
Въ благодѣяніяхъ швои проходяшъ дни,
О коль красно цвѣшешъ Парнассъ въ швоей шѣни!
Для Музы моея швой вѣкъ всего дороже:
Для многихъ щасшія продли, продли, о Боже!

Ноября 1 дня 1760 года.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПЕТРЪ Великій увѣдавъ, что Шведскіе корабли идутъ къ городу Архангельскому, дабы тамъ учинить раззореніе и отвратить Государевъ походъ къ Шлиссельбургу, отпустилъ войско приступать къ оному. Самъ съ гвардіею предпріемлетъ путь на Сѣверъ, и слухомъ своего приходу на Двинскія устья обращаетъ въ бѣгство флотъ Шведскій. Оттуда простирая походъ къ осадѣ помянутой крѣпости по Бѣлому морю, претерпѣваетъ опасную бурю, и отъ ней для отдохновенія уклоняется въ Унскую губу. Потомъ приставъ къ Соловецкому острову для молитвы, при случаѣ разговора о расколѣ сказываетъ Государь настоятелю тамошнія обители о стрѣлецкихъ бунтахъ, изъ которыхъ второй былъ раскольничей.

Пою премудраго Россійскаго Героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну;

Смирилъ злодѣевъ внутрь, и внѣ попралъ противныхъ,
Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и льстивныхъ,
Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ,
И міръ дѣлами весь и зависть удивилъ.

Къ тебѣ я вопію, Премудрость безконечна!
Пролей свой лучъ ко мнѣ, гдѣ искренность сердечна,
И полонъ ревности спѣшитъ въ восторгѣ духъ
ПЕТРА Великаго гласить вселенной въ слухъ,
И показать, какъ онъ превыше человѣка
Понесъ труды для насъ неслыханны отъ вѣка;
Съ какимъ усердіемъ отечество любя,
Ужаснымъ подвергалъ опасностямъ себя.
Да на его примѣръ и на дѣла велики
Смотря весь смертныхъ родъ, смотря земны Владыки,
Познаютъ, что Монархъ, и что отецъ прямой,
Строитель, плаватель, въ поляхъ, въ моряхъ Герой:
Дабы Россійскій родъ во вѣки помнилъ твердо,
Коль, небо, ты ему явилось милосердо.
Ты мысль мнѣ просвѣти, дѣлами ПЕТРЪ снабдитъ,
Велика Дщерь Его щедротой оживитъ.

Богиня, коей власть владычествъ всѣхъ превыше,
Державство кроткое весны прекрасной тише,
И къ подданнымъ любовь всѣхъ вышшій есть законъ,

Ты внемлешь съ кротостью мой слабой лирной звонъ:
Склони, склони свой слухъ, когда я предъ тобою
Дерзаю возгласить военною трубою
Тебя родившее велико божество!
О море! о земля! о тварей естество!
Монархини моей вы нраву подражайте,
И гласу моему со кротостью внимайте.

Уже освобожденъ отъ варваръ былъ Азовъ;
До Меотискихъ Донъ свободно текъ валовъ,
Нося ужасной флотъ въ струяхъ къ пучинѣ Черной,
Что созданъ въ скорости ПЕТРОМЪ неимовѣрной.
Уже великая покоилась Москва,
Избывъ отъ лютаго злодѣевъ суровства:
Бунтующихъ стрѣльцовъ достойной послѣ казни
Простерла внѣ свой мечъ безъ внутренней боязни.
Отъ дерзской наглости разгнѣваннымъ ПЕТРОМЪ
Воздвигся въ западѣ войны ужасной громъ.
Отъ Нарвской обуявъ сомнительной побѣды,
Шатались мыслями и войскъ походомъ Шведы.
Монархъ нашъ отъ Москвы простеръ свой быстрый ходъ
Къ любезнымъ берегамъ полночныхъ Бѣлыхъ водъ,
Гдѣ прежде межъ валовъ душа въ нёмъ веселилась,
И больше къ плаванью въ немъ жажда возпалилась.
О коль ты щастлива, великая Двина,
Что славнымъ шествіемъ его освящена!

Ты тѣмъ всѣхъ выше рѣкъ, что устьями своими
Сливаясь въ сонмъ единъ со безднами морскими,
Открыла посредѣ играющихъ валовъ
Другихъ всѣхъ прежде струй пучинѣ зракъ ПЕТРОВЪ.

О холмы красные и острова зелены,
Какъ радовались вы симъ щастьемъ восхищенны!
Что поздно я для васъ, что поздно я рожденъ,
И тѣмъ толикаго веселія лишенъ?
Не зрѣлъ, какъ онъ сіялъ величествомъ надъ вами,
И шествовалъ средь васъ предъ новыми полками;
Какъ новы крѣпости и новы корабли,
Ужасные врагамъ въ волнахъ и на земли,
Смотрѣлъ и утверждалъ противу ихъ набѣгу,
Грозящему бѣдой Архангельскому брегу,
Дабы Россійскую тѣмъ силу раздѣлить,
Отъ Ингерскихъ градовъ осады отвратить.
Но вдругъ пришествія ПЕТРОВА съ Сѣверъ слухомъ
Смутясь, пустились вспять унылы, томны духомъ.

Уже бѣлья Понтъ передъ ПЕТРОМЪ кипитъ,
И влага уступитъ, шумя, ему спѣшитъ.
Тамъ вмѣсто чаянныхъ бореи флаговъ Шведскихъ
Россійскіе въ зыбяхъ взвѣвали Соловецкихъ.
Закрылись крайніе пучиною лѣса,
Лишь съ моремъ видны вкругъ сліянны небеса.
Тутъ вѣтры сильные имѣя флотъ во власти,
Со всѣхъ сторонъ сложась къ погибельной напасти,

На Западъ и на Югъ, на Сѣверъ, и Востокъ
Стремятся и вертятъ мглу, влагу и песокъ.
Перуны мракъ густой, сверкая, раздѣляютъ,
И громы съ шумомъ водъ свой трескъ соединяютъ.
Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ,
Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ летѣлъ.
Въ сердцахъ великой страхъ сугубятъ скрыпомъ снасти.
Герой нашъ посредѣ великія напасти
И взоромъ и рѣчьми смутившихся крѣпитъ,
Сквозь грозный стонъ стихій къ блѣднѣющимъ гласитъ:
„Мужайтесь; промыслъ насъ небесный искушаетъ;
„Къ трудамъ и къ крѣпости напредки ободряетъ;
„Всякъ дѣлу своему со тщаніемъ внимай:
„Опасности сея Богъ скоро пошлетъ край.„
Отъ гласа въ грудь пловцамъ кровь теплая вліялась,
И буря въ ярости кротчае показалась.

Я мышлю, что тогда сокрыта въ морѣ мочь
Желая отвратить набѣгъ противныхъ прочь,
Толь страшну бурю имъ на пагубу воздвигла,
Что въ плаваньй ПЕТРА нечаянно постигла.

О вы рачители и слушатели словъ,
Въ которыхъ подвигъ вамъ пріятенъ есть ПЕТРОВЪ,

Едина истинна возлюбленна и сродна,
Отъ вымысловъ краса Парнасскихъ неугодна!
Позвольте между тѣмъ, чтобъ слаба мысль моя
И голосъ опочилъ, труды его поя;
Въ Кастальски рощи я не съ тѣмъ себя склоняю,
Что онымъ тамъ сыскать красу и силу чаю:
Ключи, источники, долины и цвѣты
Не могутъ дѣлъ его умножить красоты;
Собой они красны, собой они велики.
Отважась въ долгій путь, гдѣ трудности толики,
Ищу, чтобъ иногда имѣть себѣ покой;
Въ убѣжища сіи склонитесь вы со мной,
Дабы яснѣе зрѣть съ высокихъ мѣстъ и красныхъ
ПЕТРА въ волнахъ, во льдахъ, въ огнѣ, въ бѣдахъ ужасныхъ,
И славы истинной въ блистающихъ лучахъ.
Какое зрѣніе мечтается въ очахъ?
Я на земли стою, но страхомъ колебаюсь,
И чаю, что въ водахъ свирѣпыхъ погружаюсь!
Мнѣ всякая волна быть кажется гора,
Что съ ревомъ падаетъ, обрушась на ПЕТРА.

Но промыслъ въ глубину десницу простираетъ;
Оковы тяжкія вдругъ буря ощущаетъ.
Какъ въ равныхъ разбѣжась свирѣпый конь поляхъ,
Ржетъ, пыщетъ, отъ копытъ возходитъ вихремъ прахъ;
Однако доскакавъ до высоты крутыя,

Вздохнувъ, кончаетъ бѣгъ, льетъ токи потовыя;
Такъ Сѣверъ укротясь, впослѣдни возстеналъ;
По усталымъ валамъ Понтъ пѣну разстилалъ;
Изчезли облака; сквозь воздухъ въ Югѣ чистый
Открылись два холма и береги лѣсисты.
Межъ ними кораблямъ въ заливъ отверзся входъ,
Убѣжище пловцамъ отъ безпокойныхъ водъ,
Гдѣ въ мокрыхъ берегахъ крутясь печальна Уна,
Медлительно течетъ въ объятія Нептуна,
Въ числѣ Россійскихъ рѣкъ безвѣстна и мала,
Но Предковъ рокомъ злымъ ПЕТРОВЫХЪ прослыла,
Когда коварнаго свирѣпствомъ Годунова
Кипѣла пролита невинныхъ кровь багрова,
Какъ праотцевъ его онъ въ Сѣверъ заточилъ,
Во влажномъ мѣстѣ семъ, о злоба! уморилъ.
Сошелъ на берегъ ПЕТРЪ, и ободрилъ стопами
Мѣста обмоченны Романовыхъ слезами.
Подвиглись береги, зря въ славѣ оныхъ Родъ.
Межъ тѣмъ способной вѣтръ въ свой путь сзываетъ флотъ.
Онъ легкимъ къ западу дыханьемъ поспѣшаетъ
И мелкихъ волнъ вокругъ себя не ощущаетъ.
Тогда пловущимъ ПЕТРЪ на полночь указалъ,
Въ спокойномъ плаваньѣ сіи слова вѣщалъ:
,,Какая похвала Россійскому народу
,,Судьбой дана пройти покрыту льдами воду.
,,Хотя тамъ кажется поставленъ плыть предѣлъ;
,,Но бодрость подаютъ примѣры славныхъ дѣлъ.

,,Полденный свѣта край обшелъ отважный Гама,
,,И солнцева достигъ, что мнила древность, храма.
,,Герои на моряхъ Колумбъ и Магелланъ
,,Коль много обрѣли безвѣстныхъ прежде странъ;
,,Подвигнуты хвалой, исполненны надежды,
,,Которой лишены пугливые невѣжды,
,,Презрѣли робость ихъ, роптанье и упоръ,
,,Что въ нихъ произвели болѣзни, голодъ, моръ.
,,Иное небо тамъ и новыя свѣтила,
,,Тамъ полдень въ Сѣверѣ, иная въ магнитѣ сила.
,,Бездонный Океанъ травой какъ лугъ покрытъ,
,,Погибель въ ночь и въ день со всѣхъ сторонъ грозитъ.
,,Опасенъ вихрей бѣгъ, но тишина страшнѣе,
,,Что портитъ въ жилахъ кровь свирѣпыхъ ядовъ злѣе.
,,Лишаетъ долгой зной здоровья и ума;
,,А стужа въ Рѣверѣ ничтожитъ вредъ сама.
,,Самъ ледъ, что кажется толь грозенъ и ужасенъ,
,,Отъ оныхъ лютыхъ бѣдъ дастъ ходъ намъ безопасенъ.
,,Колумбы Россіе презрѣвъ угрюмый рокъ,
,,Межъ льдами новый путь отворятъ на Востокъ,
,,И наша досягнетъ въ Америку держава;
,,Но нынѣ настоитъ въ войнахъ иная слава.,,
Надежды полный взглядъ слова его скончалъ,
И бодрый духъ къ трудамъ на всемъ лицѣ сіялъ.

Достигло дневное до полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло,
Какъ пламенна гора казалось межъ валовъ,
И простирало блескъ багровой изъ за льдовъ.
Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
Верьхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи.
Отъ Сѣвера стада морскихъ приходятъ чудъ
И воду вихрями крутятъ и къ верьху бьютъ,
Предшествуя Царю пространныя пучины,
Что двинулся къ ПЕТРУ ошибкою повинный,
Изъ глубины своей, гдѣ царствуетъ на днѣ.
Въ недосягаемой отъ смертныхъ сторонѣ
Между высокими камнистыми горами,
Что мы по зрѣнію обыкли звать мѣлями,
Покрытый золотымъ пескомъ простерся долъ;
На томъ сего царя палаты и престолъ.
Столпы округъ его огромные кристаллы,
По коимъ обвились прекрасные кораллы:
Главы ихъ сложены изъ раковинъ витыхъ,
Превосходящихъ цвѣтъ дуги межъ тучъ густыхъ,
Что кажетъ укротясь намъ громовая буря;
Помостъ изъ аспида и чистаго лазуря.
Палаты изъ одной изсѣчены горы;
Верьхи подъ чешуей великихъ рыбъ бугры;
Уборы внутренни покровъ черепокожныхъ;
Безчисленныхъ звѣрей, во глубинѣ возможныхъ.
Тамъ тронъ жемчугами усыпанный янтарь;
На немъ сидитъ волнамъ сѣдымъ подобенъ Царь.

Въ заливы, въ Океанъ десницу простираешь,
Сапфирнымъ скипетромъ водамъ повелѣваешь.
Одежда царская порфира и виссонъ,
Что сильныя моря несутъ ему предъ тронъ.
Ни мразы, ни Борей туда не досягаютъ,
Лишь солнечны лучи сквозь влагу проницаютъ.
Отъ хлябей сихъ и безднъ владѣтель водъ воз-
никъ;
Воздвигли радостной морскія птицы кликъ.
Онъ въ слѣдъ къ пловущему Герою обратился,
И новости судовъ ПЕТРОВЫХЪ удивился:

„Твои, сказалъ, моря, надъ нами царствуй
вѣкъ;
„Тебѣ теченіе пространныхъ тѣсно рѣкъ:
„Построй великой флотъ, поставь въ пучинѣ
стѣны.„
Скончали пѣніемъ сей гласѣ его, Сирены.
То было, либо такъ быть надобнобъ сему,
Что долженъ Океанъ Монарху своему.

Уже на Западѣ восточными лучами
Открылся освѣщенъ съ высокими верьхами
Пречудныхъ стѣнъ округъ, изъ дикихъ камней
градъ,
Гдѣ вольны плѣнники спасаяся сидятъ.
Отъ міра отдѣлясь и моремъ и святыней,
Примѣръ отеческихъ отъ древнихъ лѣтъ пу-
стыней,
Лишь только лишены пріятнѣйшихъ плодовъ

Отъ древъ, что подаютъ и пищу и покровъ:
Не можетъ произвесть короткое ихъ лѣто;
Снѣгами въ прочїи дни лице земли одѣто.
Сквозь мракъ и сквозь туманъ, сквозь буйныхъ
вѣтровъ шумъ
Возходитъ къ небесамъ поющихъ гласъ и умъ.
Къ симъ строгимъ берегамъ великїй ПЕТРЪ приходитъ,
Внимательный свой взоръ на зданія возводитъ.
Изъ каменныхъ бугровъ воздвигнута стѣна,
Водами оно всѣхъ сторонъ окружена,
Его и воиновъ съ веселїемъ приемлетъ;
Стрѣльбѣ и пѣнію пустыня купно внемлетъ.
На встрѣчу съ ликомъ Фирсъ, усердствуя, спѣшитъ,
И гостя осѣнивъ, въ восторгѣ говоритъ:
,,Благословенъ твой путь Всевышняго рукою:
,,Могущество его предходитъ предъ тобою.
,,Онъ къ сей съ высотъ своихъ обители смотря,
,,О имени своемъ возвеселитъ Царя.
,,Живящія его въ семъ мѣстѣ благодати
,,Причастны новыя твои да будутъ рати!,,
Монархъ отъ промысла избранный человѣкъ
Вмѣнилъ, что передъ нимъ стоитъ Мельхиседекъ,
Побѣды прежнія его благословляетъ,
И къ новымъ торжествамъ духовно ободряетъ.

Монархъ почтивъ труды и знаки чудныхъ
дѣлъ,

Строеніе вокругъ и мѣсто осмотрѣлъ,
Спросилъ Наставника: „кто сими васъ горами
„Толь крѣпко оградилъ, поставя ихъ руками?
„Великій Іоаннъ, твой сродникъ и примѣръ,
„Что Россовъ превознесъ и злыхъ Агарянъ стеръ.
„Онъ жертву принося за помощь въ браняхъ Богу,
„Межъ прочими и здѣсь далъ милостыню многу:
„Пять сотъ измѣнниковъ пойманныхъ Татаръ,
„Имъ въ казнь, обители прислалъ до смерти въ даръ.
„Работою ихъ рукъ сіи воздвиглись стѣны,
„И праотцевъ твоихъ усердіемъ снабдѣнны,
„Въ холодной сей странѣ отъ бурь покровъ даютъ,
„Безмолвно бдѣніе и безнавѣтенъ трудъ.„
Сіе въ отвѣтъ далъ Фирсъ, и указавъ на слѣды,
Гдѣ церковь надъ врагомъ седмь лѣтъ ждала побѣды,
Сказалъ:„ здѣсь каменны передъ стѣной валы
„Насыпаны противъ раскола и хулы.
„Желая ереси изторгнуть твой Родитель,
„Исправить церькви чинъ послалъ въ сію обитель:
„Но грубыхъ тѣхъ невѣждъ въ надѣжныхъ толь стѣнахъ
„Не преклонилъ ни гладъ, ни должной казни страхъ.
„Крѣпились мнимыми прельщенны чудесами,
„Не двигнулись своихъ кровавыми струями,
„Пока упрямство ихъ унизилъ Божій судъ:
„Уже въ церьковной всѣ послушности живутъ.„

Монархъ воспомянулъ, коль много отъ раскола
Простерлось наглостей и къ высотѣ престола.
Вздохнувъ, повѣствовалъ ужасную напасть,
И властолюбную Софіи хитрой страсть.

Ахъ, Музы, какъ мнѣ пѣть? я тѣхъ лишу покою,
Которыхъ сродники развращены мечтою
Не тщились за ПЕТРОМЪ въ благословенной путь,
Но тщетно мыслили противъ его дерзнуть.
Представивъ злобу ихъ, гнушаюсь и жалѣю,
Что родъ ихъ огорчу невинностью своею!

Какой бодритъ меня и лучъ и жаръ и шумъ,
И гонитъ въ скорости смущенныхъ тучу думъ?
Съ прекрасной высоты великаго Парнасса
Наполнился мой слухъ пронзающаго гласа.
Минерва, Аполлонъ и девять сестръ зовутъ,
И нудятъ совершить священный спѣшно трудъ.
„Ты хочешь въ землю скрыть врученно смысла злато:
„Мы пѣть тебѣ велимъ, и что велимъ то свято.„
Уже съ горы глашу богинь великихъ власть.
Въ спокойствѣ чтите вы предписанную часть.
Когда похвальныхъ дѣлъ вы ходите по слѣду,
Не подражая въ злѣ ни сроднику, ни дѣду,
Когда противна вамъ неправда, злоба, лесть,
И въ сердцѣ царствуетъ правдивость, совѣсть, честь;

Премѣна зла въ добро явится дѣло чудно,
И за попрекъ хвалу вамъ заслужишь нетрудно.
А вы, что хвалитесь заслугами отцевъ,
Отнюдь отеческихъ достоинствъ не имѣвъ,
Не мните о себѣ, когда ихъ похваляю:
Не васъ, заслуги ихъ по правдѣ прославляю,
Ни злости не страшусь, ни требую добра:
Не ради васъ пою, для правды, для ПЕТРА.

Пять крать противъ меня, онъ сказывалъ, возстала,
И царствовать сестра чрезъ кровь мою искала.
Измѣна съ злобою на жизнь мою сложась,
Въ завѣсу святости притворной обвилась,
Противниковъ добру крѣпила злы совѣты,
На сродниковъ моихъ и на меня навѣты.
Передъ кончиною мой старшій братъ признавъ,
Что средній въ силахъ слабъ и внутренне нездравъ,
Способность предпочелъ естественному праву,
И мнѣ препоручилъ Россійскую державу.
Сестра подъ образомъ, чтобъ братъ былъ защищенъ,
И купно на престолъ со мною посажденъ,
Въ немъ слабость, а во мнѣ дни дѣтски презирала,
И руку хищную къ державѣ простирала.
Но прежде притворясь, составила совѣтъ,
Къ которому бояръ и всѣ чины зоветъ,
И церкви твердаго столпа Іоакима;

Душа его была отъ ней непобѣдима.
Коварную начавъ съ притворной скорбью рѣчь,
Свои принудила и прочихъ слезы течь.
„Когда любезнаго Ѳеодора лишились,
„Въ какой печали мы, о небо, погрузились!
„Но сверхъ той вопіетъ естественный законъ,
„Что братъ у старшаго меншой отъемлетъ
тронъ.
„Стрѣльцы и весь народъ себя вооружаютъ,
„И общей пагубой Россіи угрожаютъ.
„Всѣ ропщутъ: для чего обойденъ Іоаннъ:
„Возложатъ на него убійствомъ Царской санъ!„
Познавъ такую злость, отвѣтствовалъ святи-
тель:
„Отъ жизни отходя и братъ твой и родитель,
„Избраніе Петра препоручили намъ:
„Мы слѣдовали ихъ Монаршескимъ словамъ.„
Несклоннаго сего отвѣта ради гнѣвна,
„Съ народомъ выбирать, сказала имъ Царевна,
„Съ народомъ выбирать, не запершись въ чер-
тогъ,
„Повелѣваетъ вамъ и общество и Богъ.„
Толстой къ Софіину и Милославской слову,
По особливому сошедшіеся зову,
Согласно, дерзостно поборствовали ей,
Что нѣтъ правдивѣе премудрыхъ сихъ рѣчей.
Іоакимъ со всемъ представилъ купно ликомъ:
„Мы избрали ПЕТРА и сердцемъ и языкомъ.
„Ему здѣсь вручена державы вышней часть:
„Съ престола низвести уже не наша власть.„

Софія видя ихъ противъ себя упорство,
Склонила замысловъ къ иной стезѣ проворство.
Въ надеждѣ досягнуть своихъ желаній злыхъ,
Совѣтъ дала вѣнчать на царство обоихъ.
Однако Патріархъ отнюдь не колебался,
И сими отъ того словами отказался:
„Опасно въ обществѣ многоначальству быть,
„И Богъ мнѣ не велѣлъ того благословить.„
И такъ возставъ отъ ней съ святительми отходитъ.
Софію страсть владѣть въ безчувственность приводитъ.
Дѣлятъ на скопищахъ Москву бунтовщики,
Готовясь токъ пролить кровавыя рѣки.
Предходитъ бѣшенство и наглость и буянство,
И ѣдка ненависть, и вождь раздоровъ пьянство,
Обсѣли улицы, торги и врата,
На разхищеніе расписаны мѣста.
Безъ сна былъ злобной скопъ, не затворяя ока,
Лишь спитъ незлобіе, не зная близко рока.

Открылся тайный ковъ, когда изчезла тѣнь;
Багровая заря кровавый вводитъ день.
Наружъ выходитъ, что умыслила Софія,
И что совѣтники ея велѣли злыя.
Уже измѣнники стрѣльцы сбѣжались въ строй,
И Милославскаго орудіе Толстой,
Толстой въ бунтующихъ шеренгахъ разъѣзжаетъ,
И дерзскихъ ложными словами поощряетъ.
Кричитъ, что Іоаннъ младый Царь удушенъ,

Нарышкиными, ахъ! толь горько умерщвленъ.
Тогда свирѣпствуя жестокіе тиранны,
Ударили вездѣ въ набатъ и въ барабаны.
Свѣтило вешнихъ дней оставя высоту,
Девятаго часа скрывало красоту.
Внезапно въ ужасѣ Москва зритъ изумленна
Оружіе на Кремль спѣшаще и знамена.
Колѣса тяжкія подъ пушками скрипятъ,
Глаза отчаянныхъ кровавые горятъ.
Лишь дому царскаго, что должны чтить, достигли,
Какъ звѣри дикіе рыканіе воздвигли:
,,На месть спѣшите намъ Нарышкиныхъ отдать,
,,Или мы станемъ всѣхъ бить, грабить и терзать,,
Бояре старшіе Матвѣевъ, Долгорукой,
Представъ, давали въ томъ стрѣльцамъ себя порукой,
Что все волнуется напрасно обуявъ;
Что Іоаннъ съ Петромъ безъ поврежденья здравъ,
И только лишь о семъ смущеніи печаленъ.
Симъ словомъ дерзскій бунтъ былъ нѣсколько умаленъ;
Всѣ ждали, чтобы имъ младыхъ Царей узрѣть,
И въ домы возвратясь, спокойствіе имѣть.
Увидѣвъ изъ своихъ чертоговъ то Софія,
Что пресѣкаются ея коварства злыя,
Подгнету буйности велѣла дать вина;
Чтобъ снова вознылавъ, горѣла внутрь война.

Тутъ вскорѣ разъярясь стрѣльцы, какъ звѣри дики,
Возобновили шумъ убійственной музыки,
Подобно какъ бы всю Москву снѣдалъ пожаръ.
Царица мать моя прошеніемъ бояръ
Для утоленія всеобщія напасти
Презрѣвъ толь близкой рокъ, презрѣвъ горящи страсти,
Выводитъ насъ съ собой на красное крыльцо.
Опасность, слезы, гнѣвъ покрылъ ея лицо;
И брата и меня злодѣямъ показала,
И чтобъ спокоились, со властью увѣщала.
Толпами наглые на верьхъ взбѣгали къ намъ,
И мыль то? кликали обѣхъ по именамъ.
Обличены въ конецъ и правдой и присутствомъ,
Хотятъ оставить злость неправедну съ безстудствомъ,
И часть бунтующихъ въ обратной бьютъ походъ.
Царевна усмотрѣвъ, что тихнетъ злобный родъ,
Коварство новое въ погибель составляетъ,
И искры яркія въ сердца стрѣльцамъ всыпаетъ,
Сказавъ имъ собственну опасность и боязнь,
Что завтре лютая самихъ постигнетъ казнь,
И тѣ имъ отомстятъ, что нынѣ въ оныхъ волѣ:
Пропущенны часы не возвратятся болѣ.
Какъ на поляхъ пожаръ въ началѣ утушенъ,
Но вдругъ дыханіемъ изъ пепла оживленъ,
Сухой тростникъ, траву въ дни лѣтни пояdaетъ,

И пламень слабыя препятства превышаетъ;
Подобно такъ стрѣльцы страхъ съ лютостью смѣшавъ,
И поощреніемъ злодѣйскимъ возпылавъ,
Въ чертоги Царскіе насильно устремились,
Убійствомъ, наглостью неистово вломились.
Царица мать моя среди такаго зла,
Среди отчаянья едва спастись могла,
Гдѣ праотцевъ престолъ въ палату грановиту,
Ко святости его и къ Вышнему въ защиту.
Въ чертогахъ жалкой стонъ, терзанье и грабежъ
И раздается крикъ: коли, руби и рѣжъ.
Одни Софіины покои лишь свободны
И двери варварамъ бунтующимъ невходны.
Для убіенія не нуженъ былъ въ нихъ искъ:
На сродниковъ моихъ направленъ былъ ихъ рыскъ.
Внезапно большій шумъ сердца въ насъ утѣсняетъ:
Въ злодѣйственныхъ рукахъ Нарышкинъ возрыдаетъ.
Не могъ его закрыть и жертвенникъ святый.
Летитъ на копія поверженъ съ высоты.
Текущу видя кровь, рыкаютъ: любо, любо!
Пронзеннаго поднявъ, сіе гласятъ сугубо.
Сего невинный духъ предтеча къ небесамъ
Оставилъ тлѣнну часть неистовымъ врагамъ.
Немедленно мечи сверкаютъ обнажены,
И раздробляются трепещущіе члены!
Царицей посланныхъ къ стрѣльцамъ увѣщевать,
Чтобъ кровь сію проливъ, перестали бунтовать,

Подобной лютостью злодѣи похищаютъ,
На копія съ крыльца низвергнувъ, прободаютъ.
Старѣйшихъ стольниковъ и знатнѣйшихъ бояръ
Подобный умертвилъ судьбины злой ударъ.
Тамъ Ромодановской, о горькая кончина!
Въ послѣдней разъ взглянулъ на страждущаго сына.
Тамъ Долгорукаго почтенный санъ и видъ
Межъ членами другихъ окровавленъ лежитъ,
И краснорѣчіемъ несчастливой Матвѣевъ,
Котораго рѣчьми пронзалась грудь злодѣевъ,
Убитъ; но въ смерти живъ, что блѣдная глава
Движеньемъ кажетъ устъ несконччанны слова.
Коль много послѣ нихъ невинно пострадали!
Съ Царицыныхъ очей злодѣи дерзско брали,
На беззаконную влекли безчестно казнь.
Скончался лютый день, осталася боязнь.

О скорбный лютый день и варварствомъ ужасный,
День мнѣ и сродникамъ для пагубы опасный!
Не помрачился онъ, какъ дерзостный Борисъ,
Сей смертоносной змѣй Димитрія угрызъ,
Когда убица злой вертѣлъ въ гортани жало,
И сердце матерне отчаясь обмирало.
Мнѣ чувства изострилъ мой собственной примѣръ,
Лишь вспомню, вижу я, какъ злится изувѣръ.
Въ младенческомъ умѣ взоръ лютый вкоренился,
И нынѣ вспомянувъ, я духомъ возмутился:

Волнуется во мнѣ о томъ со гнѣвомъ страхъ,
Какъ рождшая меня держа въ своихъ рукахъ,
Мой верьхъ и грудь свою слезами обмывала,
Послѣдняго часа, блѣднѣя, ожидала;
Когда безчувственной въ продерзости злодѣй
Гортани копіемъ касаяся моей,
Ревѣлъ: скажи, гдѣ братъ, или тебя и сына
Постигнетъ въ мигъ одинъ послѣдняя година.
О промыслъ! въ оной часъ ты чудо сотворилъ;
Злодѣйску руку прочь злодѣйской отвратилъ,
Изъ жаждущихъ моей погибели сыскался,
Чтобъ о моемъ тогдажъ спасеніи старался.

Въ то время съ Ѳедоромъ и Мартемьяномъ
Левъ
По селамъ странствуя, скрывались межъ деревъ.
Вообразивъ своихъ невинну страсть, рыдали,
И собственную смерть всечасно представляли.
Тогда почтенный мужъ при старости Кирилъ
Послѣдній дѣдъ мой дни въ затворахъ тѣсныхъ
крылъ,
Другихъ, не своего терзанія боялся,
Чтобъ крови токъ сыновъ предъ нимъ не про-
ливался.

Въ отчаяньи, въ тоскѣ, въ стенаніи, безъ
сна,
Подобна смерти ночь тогда провождена.
Стрегущихъ звѣрской взоръ и осажденныхъ блѣд-
ность

Изображали вдругъ насиліе и бѣдность.
Злодѣйской вольностью плѣненная Москва
Казалась въ пропасти погребена жива.
Какъ неусыпной червь тоска всѣмъ грызла груди,
Но съ свѣтомъ больше скорбь почувствовали люди.
Вездѣ тревогу бьютъ. Мятежнической крикъ
Наполнивъ слезный градъ, до облаковъ достигъ.
Рыканья звѣрскія неистово возносятъ,
Нарышкина на смерть, ярясь, Ивана просятъ.
Грозятъ, что скоро всѣхъ постигнетъ строгій рокъ,
Прольется по Москвѣ и слезъ и крови токъ.
Но не дошла еще нещастнаго година,
Еще на день его тоску оставила судьбина.
По граду изъ Кремля разсыпался мятежъ:
Въ рядахъ, въ домахъ, въ церьквахъ насильство и грабежъ.
Тамъ жадность съ наглостью на зло соединилась,
И къ расхищенію богатства устремилась.
Презрѣніе святынь, позоръ почтенныхъ лицъ,
Укоры знатныхъ женъ, ругательства дѣвицъ
Лишеніе всего богатства превышали:
Въ сердцахъ правдивыхъ стыдъ превсходитъ всѣ печали.

Коль вечера сего благословенъ былъ мракъ,
Что буйство прекратилъ и скрылъ злодѣевъ зракъ!
Уже отяготясь весь день питьемъ излишнимъ,

И изъ нещасшливыхъ домовъ богашсшвомъ хищнымъ,
Шашаюшся, спѣшашъ своихъ досшигнушь норъ.
Градски враша блюдешъ ихъ сшража и запоръ.

Царевна усмошрѣвъ, что время прошекаешъ,
А умыселъ ея конца не досшигаешъ,
Сшрѣльцамъ назавшрѣе велѣла присшупашь,
И наглосшь съ ковомъ злымъ начавъ соединяшь,
Къ Царицѣ шлешъ большихъ бояръ для уговору,
Чшобъ браша и оща сшрѣльцамъ дала безъ спору.

Уже чинятъ присшупъ ко красному крыльцу:
,,Безъ выдачи не бышь смяшенія концу.
Для уваженія въ совѣшѣ словъ боярскихъ
Предсшавила особъ опасносшь Государскихъ.
Нарочно яко бы для ушоленья зла
Сама родившія меня въ чершогъ пришла.
,,Для собсшвенной шоей и для дѣшей избавы
,,Свирѣпы укроши сшрѣльцовъ, сказала, нравы,
,,Спаси себя и ихъ, опасносшь ошложи,
,,И браща и оща для миру покажи.
,,Здѣсь домъ Спасишелевъ, защиша есшь велика:
,,Кшо смѣешъ ихъ ошняшь ошъ Божескаго лика?
Послѣдуя судьбѣ и льсшивымъ шоль словамъ,
Изъ пошаенныхъ мѣсшъ Нарышкинъ входишъ въ храмъ.
Въ слезахъ свяшый алшарь цѣлуешъ и объемлешъ,
И службѣ Божіей усерднымъ духомъ внемлешъ,
Гошовишся приняшь сшрадальческій конецъ.

,,Невинность, говоритъ, разсудитъ самъ Творецъ.
Тутъ руки матъ моя Царевнины лобзая,
Для братней пагубы всечасно обмирая,
Рыданіемъ свою перерывала рѣчь:
Изсякнувъ не могли ужъ слезы больше течь.
,,Для отческой къ тебѣ, супружней мнѣ любови
,,Не проливай еще моей невинной крови.
,,Представь, что сей по мнѣ и Алексѣю братъ,
,,И дядя и отецъ его оставшихъ чадъ.,,
Софія слѣдовать велѣла за собою
Нарышкину къ стрѣльцамъ, поднявъ его рукою
Съ притворной жалостью. Царица отъ тоски
Держалася другой Ивановой руки.
Какъ волки хищные на агнца наскочили,
Стрѣльцы невиннаго внезапно ухватили,
Презрѣвъ Царицыныхъ и власть и святость рукъ,
Безчестно за власы влекутъ на горесть мукъ.
Межъ тѣмъ сестра себя предъ чернью извиняла;
Что братьевъ кровью сей отъ смерти избавляла.
Царица внѣ себя не зная, что отецъ
Въ отсутствіе ея неволей сталъ чернецъ,
Полуумершимъ въ слѣдъ на брата смотритъ взоромъ,
Терпящаго толь зло мученіе съ позоромъ.
Нещастнаго на торгъ злодѣи привлекли,
И ложны клеветы, оставя стыдъ, взвели,
Что будто по своей онъ безразсудной страсти
Монаршеской искалъ продерзостію власти.
Безъ доказателей по томъ его терзавъ,

На копья подняли, и кинули стремглавъ,
Отсѣкли варварски и руки и главу.
По злости слышать всѣ въ народѣ ужъ молву.
Тамъ вѣрные рабы преступникамъ грозили:
„Вы горьку казнь себѣ измѣной заслужили.
„Васъ мстительный пожретъ неукосненно мечъ,
„И крови какъ водѣ достойно вашей течь.
„Начала только ждемъ: велика вся Россія,
„Исторгнетъ корень вашъ за возмущенья злыя.„
Стрѣльцы хотя рабамъ сулили дать свободу,
И крѣпости подравъ, сказали то народу:
Однако никакой не слѣдовалъ успѣхъ.
Уже уразумѣвъ, что трудно встать на всѣхъ,
Свирѣпость праздникомъ всеобщимъ окончали:
На царство брата вдругъ со мною увѣнчали.
Софія воздала преступнымъ мзду и честь,
И грамоты Москвой на злыхъ главахъ пронесть
Велѣла въ торжествѣ, чтобъ скрыть свои затѣи;
Безвинные звались по смерти ихъ злодѣи.
Побитыхъ имена читались на столпахъ
И вѣрнымъ отечеству въ сердца вливали страхъ.

Едва сей бурный вихрь несчастьемъ укротился
И я въ спокойствіи къ наукамъ обратился,
Искалъ, гдѣ знанія сіяетъ ясной лучъ,
Другая мнѣ гроза и мракъ сгущенныхъ тучъ
Отъ суевѣрія и грубости возходитъ,
И видомъ святости сугубой страхъ наводитъ.

Ты вѣдаешь расколъ, что началъ Аввакумъ
И пустосвятъ злодѣй его сообщникъ думъ.
Невѣжество почетъ за святость старой вѣры,
Пристали ко стрѣльцамъ ханжи и лицемѣры:
Хованской съ сыновми и мой и церькви врагъ
Не устыдился быть въ совѣтѣ побродягъ.
Здѣсь камни сношены къ стѣнамъ на Капитоновъ,
Тамъ камни бросаны противъ святыхъ законовъ.
О церьковь! о святынь исполненный олтарь!
О какъ дерзнула къ вамъ коснуться злобна тварь!
Не можно ихъ почесть въ сообществѣ словесныхъ,
Что смыслъ и совѣсть ихъ и честь въ предѣлахъ тѣсныхъ.

Приноситъ службы долгъ мужъ святъ Іоакимъ,
Мятежники вошли въ храмъ сонмищемъ своимъ
Къ лицу святителя для вреднаго раздора,
Скрывая крамолу подъ именемъ собора.
Когда отъ дерзости ихъ кротко отвращалъ,
И мирной разговоръ о вѣрѣ обѣщалъ,
Ты волкъ, ты хищникъ злой, безстыдно съ шумомъ лаютъ,
И каменьемъ въ него и въ клиръ его бросаютъ.
Отъ наглыхъ Патріархъ тогда еретиковъ
Къ монархамъ принужденъ склониться былъ въ покровъ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

СОКРАЩЕНІЕ.

Отъ Бѣлаго моря путешествуя ПЕТРЪ Великій къ Шлиссельбургу чрезъ Олонецъ, осматриваетъ горы, и примѣтивъ признаки рудъ и цѣлительныхъ водъ, намѣревается основать заводы, чтобы въ близости производить металлы для новыхъ войскъ и для флота. Нестройность Ладожскаго озера, пожирающаго волнами снаряды и припасы, нужные къ предпріемлемому строенію новаго и великаго города и корабельной пристани на Балтійскомъ морѣ, подаетъ ему мысль соединить Волховъ съ Невою впредь великимъ каналомъ. Между тѣмъ Шлиссельбургская крѣпость уже въ осадѣ окружена новыми его войсками, и огнестрѣльными орудіями приведена въ крайнее утѣсненіе. Присылаютъ изъ города просить о выпускѣ женскаго пола; на что отказано: Россійское де войско не за тѣмъ городъ обступило, чтобы женъ разлучить съ мужьями. Между тѣмъ по учиненному приготовленію данъ знакъ къ приступу. Мужественному и силь-

ному нападенію непріятель противится весьма упорно. Государь увидѣвъ, что у приступающихъ къ городу лѣствицы коротки, и Шведы обороняясь храбро, причиняютъ немалой вредъ Россіянамъ, послалъ съ указомъ отступить назадъ, чтобы послѣ съ новыми лѣствицами наступленіе учинить благополучнѣе. Посланному главной предводитель на приступѣ Князь Голицынъ отвѣтствовалъ, что уже большая трудность преодолѣна, и естьли снова приступъ начинать; то больше людей потерять должно. Послѣ того вскорѣ чиненымъ разорваннымъ бревномъ сброшенъ съ приступной лѣствицы, упалъ замертво на землю. Между тѣмъ почти безъ предводительства Россіяне на городъ стали всходить, и Шведы спасенія отчаясь, подаютъ знакъ къ сдачѣ. По вступленіи оныхъ выпущены изъ города по договору тремя учиненными во время приступа проломами.

О войско славное, потомки тѣхъ Героевъ,
Что слѣдуя ПЕТРУ по жатвѣ многихъ боевъ,
Торжественные въ вѣкъ приобрѣли вѣнцы,
Отечество въ земны прославили концы!
Я вашимъ мужествомъ въ трудѣ семъ ободряюсь,

И сердцемъ и умомъ межъ вами обращаюсь.
Воюйте щастливо, сравните честь свою
Со предковъ похвалой, которую пою.
Военны подвиги ПЕТРОВЫ начинаю,
Въ отцахъ и въ дѣдахъ вамъ примѣры представляю.
Неустрашимость ихъ изобразитъ мой гласъ,
Что чувствуете вы наслѣдственную въ васъ.
Ступая мужески въ похвальные ихъ слѣды,
Монархинѣ своей приносите побѣды,
Гдѣ вашъ оружный звукъ возходитъ до небесъ,
И по путямъ вездѣ растетъ лавровой лѣсъ.
Тамъ Нѣмень съ Преглою, тамъ Висла, Одра,
Шпрея,
Живое вашихъ дѣлъ мечтаніе имѣя,
Текутъ съ почтеніемъ, какъ при ПЕТРѢ текли,
Гдѣ съ трепетомъ его встрѣчали Короли.
И рѣки и поля вамъ къ вѣчной славѣ двери
Отверзли, чувствуя его въ великой Дщери.
Противныя страны геройствомъ и трудомъ
Вы въ собственной себѣ преобратили домъ.
И солнце къ намъ спѣша въ обратной колѣсницѣ,
Готовитъ новой блескъ Россійской багряницѣ:
Чтобъ нашей радостью украситъ новый годъ,
Вторично угобзитъ успѣхами походъ.
Дыханья нѣжныя рожденныя весною
Повѣютъ, бодрому споспѣшествуя строю;
Прохладная роса отъ благовонныхъ травъ
Къ отрадѣ вамъ прольетъ обиліе забавъ.
Богатые плоды въ дни лѣтніе пожните,

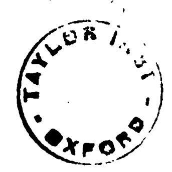
Монархинѣ своей сторичны принесите.
Завистникамъ своимъ не оставляйте зернъ;
Оставьте плевы имъ, сухой тростникъ и тернъ:
Чтобъ чувствуя въ груди явленіе ихъ злоба
Несноснѣе почла затворовъ мрачныхъ гроба;
Чтобъ гордостью своей наказанный Берлинъ
Для безпокойства царствъ не умышлялъ причинъ,
И помнилъ бы, что ПЕТРЪ ему былъ оборона,
Его десницею удержана корона,
Чѣмъ нынѣ красится среди земныхъ Владыкъ:
Великимъ онъ ПЕТРОМЪ на свѣтѣ сталъ великъ.
Всѣхъ нынѣ дѣлъ его имѣетъ Дщерь наслѣдство.
Пусть Карловыхъ онъ дней себѣ представитъ бѣдство.

О коль бы въ жизни я благополученъ былъ,
Когда бы дѣйствіе усердныхъ вашихъ силъ
Изобразивъ въ водахъ прохладной Ипокрены,
Воспѣлъ съ подвижники Петровыми сравненны,
Елисаветинымъ пѣвцемъ бы сталъ побѣдъ:
Но нынѣ трудъ Петровъ къ себѣ мой духъ влечетъ.

Гдѣ Ладога въ Неву вливаетъ быстры воды,
Стѣною огражденъ тутъ островъ въ древни годы.
Россійска сей оплотъ поставила рука,
Съ негодованіемъ шумѣла вкругъ рѣка,
Что проливалася въ чужую власть насильно;
Спасенна нынѣ къ намъ несетъ дары обильно.
Во влагѣ начерталъ Петрова града видъ,
Что краситъ Дщерь его, покоитъ и живитъ.

Блаженныя струи брегъ шукомъ напаяютъ,
Прохладной влагой всю окрестность ободряютъ,
Защитникамъ своимъ похвальной внемлютъ стихъ,
Всю тягость позабывъ отверженныхъ веригъ.

Въ нещастьѣ нѣкогда Россія утомленна
Вечернихъ сихъ бреговъ крушилася лишенна,
Какъ Готѳскіе полки для помощи пришедъ,
Въ противность нанесли странамъ Россійскимъ вредъ,
Какъ тягость силъ своихъ Москву повергла къ низу,
Дряхлѣя, сѣтуя, одѣлась въ мрачну ризу,
Лишенна красоты Монаршаго вѣнца,
Злощастью своему не видѣла конца.
Измѣна, зависть, злость, раздоръ, братоубивство,
Преобратили все въ погибель, въ кровопивство,
Изчезло истинныхъ раченіе похвалъ,
Вездѣ свирѣпый рокъ отечество терзалъ;
Пока Пожарскаго и Трубецкаго ревность,
Смотря на праотцевъ, на славну Россовъ древность,
Пресѣкла наконецъ побѣдою напасть,
И обществомъ дана Петрову дѣду власть.
Младый Монархъ во градъ поверженный приходитъ,
И на развалины плачевный взоръ возводитъ.
Отрада Россовъ всѣхъ по скорби Михаилъ,

О какъ крушился ты, рыдалъ и слезы лилъ!
Что мыслилъ ты, ступивъ на высоту престола
Стоящаго среди плачевнаго всѣмъ дола?
Тамъ храмовъ Божіихъ старинный трудъ верхи
По стогнамъ и по рвамъ повергнули враги.
Еще восходитъ дымъ отъ хищнаго пожара,
И воздухъ огустѣлъ отъ побіенныхъ пара.
На торжищахъ пустыхъ поросъ колючей тернъ,
Печальной Кремль стоитъ окровавленъ и чернъ.
Чертоги Царскіе, церковныя святыни
Подобно сѣтуютъ, какъ скучныя пустыни.
О горесть! но твоя великая душа
Въ геройской младости утѣшить насъ спѣша,
Присутствомъ и трудомъ печальныхъ ободряетъ,
Отечество изъ безднъ глубокихъ воздвигаетъ.
Къ пріумноженію благословенныхъ дней
Наслѣдовалъ тебѣ подобный Алексѣй.
Онъ Россамъ возвратилъ старинное наслѣдство,
Злодѣевъ истребилъ и усмирилъ сосѣдство.
Обратно пріобрѣсть вечернія страны,
Петру Великому судьбой поручены.

Уже Орѣховецъ стѣсняется въ осадѣ,
И въ каменной крѣпясь противится громадѣ,
Россійскимъ воинствомъ отвсюду окруженъ:
Но Готской гордостью въ надеждѣ вознесенъ,
На бреги, на валы, на множество взираетъ,
И видя новые полки, пренебрегаетъ.

Къ пособству привыкать старается съ границъ,
Поставивъ знамена на высотѣ стрѣльницъ.
Тогда Кексгольмская уразумѣвъ Корѣла,
Къ осаднымъ на судахъ притти не укоснѣла.
Прибывшимъ воинствомъ противникъ подкрѣп-
лѣнъ,
И пищей и ружьемъ избыточно снабдѣнъ,
Всѣ мысли устремилъ къ жестокому отпору,
Надѣясь получить отъ Карла помощь скору.

Монархъ нашъ преходя Онѣжскихъ кру-
тость горъ,
Свой проницательной кругомъ возводитъ взоръ,
И видя, что изъ нихъ изшедшіе потоки
Несутъ изъ крутизны металлически соки,
Богатства, здравія, являются ключи,
Блестятъ изъ мрачныхъ мѣстъ сокровищей лучи,
Сказалъ,, ты можешь мнѣ произвести, Россія,
,,Цѣлебны влажности и жилы золотыя.
,,Но нынѣ для твоей безсмертной похвалы
,,Спѣшу противъ враговъ чрезъ горы и валы.
,,Желѣзо мнѣ пролей, разженной токи мѣди:
,,Пусть мочь твою и жаръ почувствуютъ сосѣди,
,,И вспомнятъ, сколько намъ произвели обидъ.,,
Надеждой, ревностью блисталъ Геройской видъ.

Принесши плодъ земля, лишилась лѣтней
нѣги,
Разносятъ блѣдной листъ бурливыхъ вѣтровъ
бѣги,

Летитъ съ крутыхъ верховъ на Ладогу Борей,
Дожди и снѣгъ и градъ трясетъ съ сѣдыхъ кудрей,
Наводитъ на воду глубокія морщины,
Сквозь мглу ужасенъ видъ нахмуренной пучины.
Смутившись тягостью его замерзлыхъ крылъ,
Крутится и кипитъ съ водой на берегъ илъ.
Волнами свержены встрѣчаютъ гору волны
И скачутъ вкругъ нея печальныхъ знаковъ полны.
Между запасами колеблется тамъ дубъ,
Между снарядами пловцевъ Россійскихъ трупъ,
Тамъ кормы, дна судовъ разсыпаны, разбиты.
Монархъ узрѣвъ въ пути, коль злобенъ рокъ несытый,
Вздохнулъ изъ глубины, и бурѣ запрещалъ,
И въ сердцѣ положилъ великій трудъ Каналъ,
Дабы Россійскою могущею рукою
Потоки Волхова соединитъ съ Невою.

О рѣки близкія, но прежде раздѣленны!
Ликуйте тщаніемъ Петровымъ сопряженны!
Струями по тому жъ играючи песку,
Забудьте древнюю другъ о другѣ тоску;
Вливайте вы себѣ взаимную отраду,
Благодаря, плоды къ его несите граду.

На свой, ты Волховъ, рокъ негодовалъ въ пути,
Что не въ Неву тебѣ, но въ Ладогу итти
Судьбой поставлено, и бурями терзаться,
И силы потерявъ, едва въ нее вливаться.
Коль часто ты вздыхалъ, чтобъ вкупѣ завивать

Струи и въ морѣ вдругъ теченіе скончать.
Ты выше береговъ, смущаясь, поднимался,
То подъ землей сыскать ходъ тайной покушался.
Вездѣ противъ любви поставленъ былъ оплотъ:
Не могъ ты одолѣть ни хлябей, ни высотъ,
Пока Великій Петръ презрѣвъ упругость рока,
Тебѣ далъ путь, и намъ довольство отъ востока.

Онъ окомъ и умомъ въ округъ мѣста обтедъ,
Избранные полки къ Орѣховцу ведетъ.
Животворящему его прихода слуху
Отъ Ладоги въ Неву флотъ слѣдуетъ по суху.
Могущихъ Росскихъ рукъ не воспящаетъ лѣсъ:
Примѣръ изображенъ тупъ Ольговыхъ чудесъ.
Предъ Цареградскими высокими стѣнами
Онъ по полю въ ладьяхъ стремился парусами.
Здѣсь вмѣсто вѣтра былъ усердный нашихъ духъ
И вмѣсто парусовъ спряженны силы вдругъ.
Уже суда ходя по собственной стихіи,
На Шведской брегъ везутъ защитниковъ Россіи:
Тамъ тысяща мужей преправясь чрезъ Неву,
Надежду подаютъ къ побѣдамъ, къ торжеству.
На ровъ, на валъ бѣгутъ врагами укрѣпленны.
Даются Шведы въ бѣгъ отъ Россовъ устрашенны,
И Шереметевъ ставъ на ономъ берегу,
Отвсюду заперъ путь къ спасенію врагу.
Уже къ начальнику подъ крѣпость посылаетъ,
Свободной выходъ всѣмъ безъ бою обѣщаетъ;

Что имъ противъ Петра не можно будетъ
стать,
Напрасно кровь хотятъ отвсюду проливать,
И сдача города не будетъ имъ зазорна.
Но Готөы, помощи надѣяся отъ Горна,
Сказали, отъ него приказа къ сдачѣ ждутъ.
На лживой ихъ отвѣтъ громады вдругъ ревутъ,
Пылаютъ всѣхъ сердца присутствіемъ разженны
Отъ силъ ихъ потряслись упорства полны стѣны,
Обширность воздуха куренію тѣсна,
И влажная огнемъ покрыта быстрина.
Гортани мѣдныя рыгаютъ жаръ свирѣпый,
Пылая зеліе, желѣзны рветъ заклепы.
Представь себѣ въ примѣръ стихій ужасный споръ,
Какъ внутренность кипитъ возпламененныхъ
горъ,
Дымъ, пепелъ и смола полдневну ясность кроютъ,
И выше облаковъ разженны холмы воютъ,
Трещатъ разсѣдшися во облачной водѣ,
Сугубятъ громъ и страхъ сражаясь въ высотѣ,
Грознѣе какъ въ земномъ ярились прежде чревѣ.
Въ такомъ трясеніи, во пламени и ревѣ
Стоитъ, отчаявшись противу Росса Шведъ,
Въ ничто вмѣняетъ кровь и презираетъ вредъ.
Однако въ пагубѣ, въ смятеніи великомъ,
Подвигнутъ женскимъ былъ рыданіемъ и крикомъ,
Растрепанны власы и мертвость блѣдныхъ лицъ,
И со младенцами повергшіяся ницъ
Мужей къ смягченію Россіянъ преклоняютъ.

Уже изъ крѣпости съ мольбою присылаютъ:
,,Избавьте отъ страстей, отъ бѣдства слабыхъ женъ,
,,И духъ вашъ на мущинъ пусть будетъ изощренъ,
,,Изъ нужной тѣсноты дозвольте имъ свободу,
,,Являйте мужество крѣпчайшему ихъ роду.,,
Отъ предводителя осады данъ отвѣтъ,
Что толь свирѣпаго у Россовъ нраву нѣтъ,
Между супругами не учинятъ разлуки;
Вы вмѣстѣ выступивъ изъ стѣнъ, избавтесь муки.
Съ отказомъ зашумѣлъ изъ жаркихъ тучей градъ,
Перуны Россіе и блещутъ и разятъ.
Напрасно изъ дали противны подъѣзжаютъ
Осадныхъ выручать: ни въ чемъ не успѣваютъ.
Готовится вездѣ кровопролитной бой,
И островъ близь враговъ подъ нашей сталъ пятой.
Пріемлетъ лѣствицы охотная дружина:
Передъ очами ихъ побѣда и кончина.
Инымъ летучей мостъ къ теченію готовъ,
Иные знака ждутъ межъ Ладожскихъ валовъ.
Дивятся изъ дали въ стѣнахъ градскихъ пожару,
Призывнаго на брань не слышавши удару.

Какъ туча грозная вися надъ головой,
Надута пламенемъ сокрывшимся водой,
Напрягшуюся внутрь едва содержитъ силу,
Отъемлетъ, почернѣвъ, путь дневному свѣтилу,
Внезапно разродясь, стисняетъ громомъ слухъ,

И воздухъ двигаясь въ груди стѣсняетъ духъ;
Сугубятъ долы звукъ и пропасти глубоки,
И дождь и градъ шумитъ, и съ горъ ревутъ потоки.
Земля, вода, лѣса поколебались такъ,
Когда изъ многихъ вдругъ жерлъ мѣдныхъ поданъ знакъ,
И Ладога на днѣ во глубинахъ завыла.
Стоящая на ней самоизвольна сила
Удара и часа урочнаго дождавъ,
Спѣшитъ на подвигъ свой, на положенье главъ;
Имъ къ разнымъ путь смертямъ теченіе прекрасно.
Представь себѣ, мой духъ, позорище ужасно!
Отъ веселъ шумъ и скрыпъ, свистъ ядръ и махинъ ревъ
Гласятъ Петровъ и Божій гнѣвъ.
Они упрямствомъ злымъ еще ожесточенны
Покрывъ смертельными орудіями стѣны,
Судьбину силятся на время отвратить
И смертью Росскою свою смерть облегчить.
Какъ вирхи сильные стѣсненные грозою
Полки Російскіе сперлися предъ стѣною.
Къ приступу Карповъ вождь Преображенскихъ силъ
Всѣхъ прежде началъ бой, всѣхъ прежде смерть вкусилъ.
Свинцомъ лежитъ пронзенъ сквозь чрево и сквозь руку,
Бьючись далъ знать съ душей и съ храбростью разлуку.

Сквозь дымъ, кровавыхъ сквозь сверканіе мечей
Вперяетъ бодрыхъ Петръ вниманіе очей,
И лѣствицъ краткость зритъ поставленныхъ къ возходу
Въ приступѣ своему губительну народу:
Не могутъ храбрые стѣнъ верху досягнуть,
И тщетно вѣрную противнымъ ставятъ грудь,
Стремяся отвратить раженіе ихъ встрѣчно.
О коль велико въ немъ движеніе сердечно!
Геройско рвеніе, досада, гнѣвъ и жаль
И для погибели удалыхъ главъ печаль!
Зря въ воинствѣ своемъ упадокъ безполезный,
Къ стоящимъ близь себя возвелъ зѣницы слезны:
,,Что всуе добрыхъ мнѣ, сказалъ, сыновъ губить?
,,Голицыну спѣша, велите отступить.
Примѣромъ показалъ Монархъ нашъ, что Герои
Не радостію чтутъ кровопролитны бои;
И славныхъ надъ врагомъ прибыточныхъ побѣдъ
Покрытый трупами всегда прискорбенъ слѣдъ.

Межъ тѣмъ подвижники другъ друга поощряютъ,
И лѣствицъ мужествомъ коротскость дополняютъ.
Голицынъ пламенемъ отвсюду окруженъ,
Сказалъ:,, мы скоро трудъ увидимъ совершенъ;
,,Чрезъ отступленіе отъ крѣпости обратно
,,Въ другой еще приступъ погибнетъ войскъ двукратно.

,,И есшьли Государь желаешъ городъ взяшь;
,,Позволилъ бы намъ бой начашый окончашь.,,
Съ ошвѣшомъ на сшѣну предъ всѣми поспѣшаешъ,
Солдашамъ слѣдовашь себѣ повелѣваешъ:
,,Безчесшенъ въ свѣшѣ вамъ и смершенъ здѣсь возврашъ;
,,Преславно шоржесшво, конецъ вашъ будешъ свяшъ:
,,Дерзайше мужесшвомъ ошечесшво прославишь,
,,Монарха своего побѣдою поздравишь.,,
На копья, на мечи, на яросшь сопосшашъ,
На очевидну смершь Россіяне лешяшъ.
Прошивники огнемъ разяшъ и влажнымъ варомъ,
Желѣзомъ, камнями, всѣхъ шягосшей ударомъ.
На предводишеля повержено бревно
Свирѣпымъ зеліемъ упало разжено.
Онъ сринушъ поблѣднѣлъ межъ шрупами бездушныхъ,
И шомнымъ окомъ зришъ оружниковъ послушныхъ;
Еще сшараешся дашь къ швердосши приказъ,
Еще пресѣченной болѣзнью нудишъ гласъ.
Ревнишели его и слову и примѣру,
Держа въ умѣ Царя, ошечесшво и вѣру,
Какъ волны на крушой шѣсняшся дружно брегъ,
Вспященный кpушизной возобновляюшъ бѣгъ,
До прежней вышины ошъ низу всшавъ яряшся,
И скачущихъ верьхи кудрявые круşяшся,
Сшаринныхъ корни древъ и шяжки камни рвушъ.
Съ обѣихъ сшалъ сшоронъ сомнѣнный рока судъ.

Межъ тѣмъ ревнительны сердца къ звѣз-
дамъ возходятъ,
Святаго съ горнихъ мѣстъ Героя въ мысль
приводятъ.
Поборникъ Александръ издревлѣ сихъ бреговъ
Зритъ грозно ополченъ надъ ними на враговъ.
Уже высокій всходъ съ землей быть мнится
равенъ,
И Ярославовъ сынъ среди зарей преславенъ,
Являя сродный зракъ Великаго Петра,
Оружіемъ звучитъ чистѣйшимъ серебра,
Святою силою противныхъ устрашаетъ,
Россіянъ важностью десницы укрѣпляетъ.
Защиту древнюю отъ сильнаго плеча,
Броней, копья, щита и шлема и меча
Возпомянувъ, мѣста веселый плескъ воздвигли,
Что избавленія желаннаго достигли,
Достигли наконецъ желанныхъ тѣхъ временъ,
Что паки Александръ для нихъ вооруженъ.

Въ священной дерзости то представляетъ
воинъ,
По мыслямъ, по дѣламъ безсмертія достоинъ,
Высокъ усердіемъ, надѣждою легокъ,
Чрезъ мертвыя тѣла на свой ступаетъ рокъ.
По крѣпкихъ подвигахъ къ успѣху неудобныхъ
И по волненіяхъ противныхъ и способныхъ
Взвивается на стѣнъ кровавыхъ высоту,
Наводитъ на враговъ боязнь и тѣсноту.

Наполнился весь градъ рыданія и плача.

Уже не Нарвская, о Готѳы, вамъ удача:
Не мѣстничество здѣсь и неоплотной Крой,
Не старой брани видъ, не безъ порядка строй;
Великій правитъ Петръ рожденное имъ войско,
И Шереметева раченіе Геройско
Отмщеньемъ дышущихъ бодритъ напоръ сердецъ.
Увидѣвъ крѣпости въ сраженіи конецъ,
Вы неизбѣжну смерть покорствомъ предварили,
И бѣлой къ сдачѣ знакъ по вѣтру разпустили.

Умолкнулъ грозный звукъ со обоихъ сторонъ;
Лишь слышенъ раненыхъ плачевный вой и стонъ.
Вандалы выпуску съ военной честью просятъ,
И городскихъ воротъ ключи Петру приносятъ,
На побѣдителя въ восторгѣ взводятъ взоръ,
И укрѣпляютъ свой о сдачѣ договоръ.
Коль радостная тамъ, коль красная премѣна!
Ужъ вѣютъ на стѣнахъ Россійскія знамена,
Изображаются, Нева, въ твоихъ струяхъ.
Тимпановъ мирный шумъ при радостныхъ трубахъ
Забыть велитъ сердцамъ минувшихъ тучей громы;
И Шведы тщатся въ путь, въ свои достигнуть домы.

Обычай воины изъ древнихъ лѣтъ хранятъ,
Чтобъ храбрыхъ почитать по сдачѣ сопостатъ:
Признаки мужества въ рукахъ ихъ оставляютъ,
И славу тѣмъ своей побѣды уважаютъ.
Побѣдоносецъ нашъ жаръ сердца отложилъ,
И первый кротостью успѣхъ свой посвятилъ:
Снабдилъ противниковъ къ отшествiю судами.
Оставивъ стѣну, зрятъ прискорбными очами.
Распущенны на вѣтръ знамена, трубный шумъ
Печальной радостью тѣснятъ ихъ вольной умъ.
На волю имъ пути прискорбны, стѣнъ проломы,
Что отворили имъ изъ рукъ Россiйскихъ громы.
По грознымъ толь страстямъ и по такомъ трудѣ
Начало чувствуютъ предбудущей бѣдѣ.

Въ Отечествѣ сказать сей случай поспѣшайте,
И побѣжденны быть отъ Россовъ привыкайте.
Скажите вашъ домой почтительный возвратъ,
Что выпущены вы пространствомъ новыхъ вратъ,
И Карлу вашему побѣду возвѣстите,
Что Петръ отечеству и къ славѣ и къ защитѣ
Надъ вами получивъ, наслѣдство возвратилъ,
И ближе къ Швецiи простеръ шумъ орлихъ крылъ.
Пускай въ Германiи Герой вашъ успѣваетъ,
Отверзты городы свободно протекаетъ,

Въ рожденной щастіемъ кичливости своей
Низводитъ съ высоты и взводитъ Королей,
Пусть дерзостно спѣшитъ какъ буйный вѣтръ къ востоку,
И приближается къ предписанному року.
Не найдетъ Дарія, чтобъ Александромъ стать:
Не споритъ межъ собой развратна прежде рать;
Петрову новому ученію послушны
Россіяне стоятъ въ полкахъ единодушны.
Движеніемъ своихъ величественныхъ силъ
Народу новый духъ и мужество вложилъ.
Востокъ и Океанъ его послушенъ слову:
Карлъ пышностью своей возвыситъ честь Петрову.

Разливы Невскіе на устіяхъ шумятъ
И течь Россіянамъ во срѣтенье хотятъ.
Тамъ Нимфы по брегамъ въ веселіи ликуютъ,
И въ осень Зефиры между древами дуютъ,
Вмѣняя, что лице земное разцвѣло.

Тогда возвелъ Монархъ веселое чело,
Къ начальникамъ своихъ побѣдоносныхъ ратныхъ,
Что видитъ въ цѣлости друговъ своихъ обратныхъ.
Отрада всѣхъ живитъ стократно выше бѣдствъ.
Отвсюду слышанъ гласъ желаній и привѣтствъ:

,,Уже намъ, Государь, твоими въ западъ персты
,,Врата для подвиговъ торжественныхъ отверзты,
,,И промыслъ далъ тебѣ земли и моря ключъ:
,,По ихъ обширности разпростирай свой лучъ.
,,Намъ сносны всѣ труды и неужасны смерти,
,,Лишь только бы твоихъ враговъ гордыню стерти,
,,Отечеству подашь довольство, честь, покой,
,,И просвѣтишь народъ, какъ духъ желаетъ твой,,
Усерднымъ толь рѣчамъ Петръ радостно внимаетъ;
Но къ городскимъ стѣнамъ приближась, воздыхаетъ,
Смотря на разныя поверженія тѣлъ,
Кому какъ умереть предписанъ былъ предѣлъ;
Прощается у нихъ печальными устами:
,,О други вѣрные, я вашими кровями
,,И общихъ и своихъ преодолѣлъ враговъ:
,,Небесныхъ, радуйтесь, сподобившись вѣнцовъ.
,,Примѣромъ съ высоты другимъ по васъ сіяйте
,,И мужество въ сердца полкамъ моимъ вливайте.,,
Рыданіе конецъ былъ жалкой рѣчи сей,
И маніемъ далъ знакъ къ сокрытію костей.

Чрезъ стѣны проходя отъ древности наслѣдны,
Что были долго намъ отъ межъусобства вредны,
Онъ окомъ облетѣлъ преодолѣнный градъ,

Разсматриваешь самъ все множество громадъ.
Между различными едина изваянна
Великимъ именемъ являешь Іоанна.
Сей бодрый Государь въ Россію первый ввелъ
На браняхъ новый страхъ земныхъ громовыхъ
стрѣлъ.
Неслыханны предъ тѣмъ и сильные удары
Почувствовавъ отъ насъ противъ себя Татары,
Во вѣкъ отчаялись надъ Россами побѣдъ.
Скончался съ гордостью Ордынскою Ахметъ.
Сіе старинное орудіе военно
Въ смущенны времена осталося плѣненно.
На выгоды свои, на знаки нашихъ бѣдъ
Смотря съ веселіемъ, тогда гордился Шведъ.
Теперь противъ него обратно пусть пылаютъ,
И вмѣсто радости во брани устрашаютъ.
Коль многи тягости оружій роковыхъ,
Что въ приступленіи вредили насъ и ихъ,
Лежатъ по улицамъ и бомбъ и ядеръ кучи,
Наметанные тамъ изъ грозной Россовъ тучи,
Межъ цѣлыми число разсѣдшихся громадъ,
Что выше силъ своихъ на насъ пускали градъ!
Тамъ потрясенный домъ на домъ другой скло-
нился,
Иной на улицу поверженъ разрушился.
По всходамъ, по стѣнамъ, по кровлямъ угли,
прахъ
Показываютъ видъ, каковъ былъ самой страхъ.

О смертные, на что вы смертію спѣшите?
Что прежде времени другъ друга вы губите?
Или ко гробу нѣтъ кромѣ войны путей?
Вездѣ насъ тянетъ рокъ насильствомъ злыхъ когтей!
Коль многи вышедшй изъ матерней темницы,
Отходятъ въ тотъ же часъ въ мракъ черныя гробницы!
Иной усмѣшкою отца повеселилъ,
И очи вдругъ предъ нимъ во вѣки затворилъ.
Готовому вступить во брачные чертоги
Пронзаетъ сердце смерть и подсѣкаетъ ноги.
Въ срединѣ лучшихъ лѣтъ иной устроивъ домъ,
Спокойнымъ говоритъ, льстясь здравъ пребыть умомъ,
Отнынѣ поживу, и наслаждусь трудами;
Но часъ послѣдней былъ, скончался со словами.
Коль многи обстоятъ болѣзни и бѣды,
Которымъ, человѣкъ, всегда подверженъ ты!
Кромѣ, что немощи, печали внутрь терзаютъ,
Извнѣ коль многія напасти окружаютъ:
Потопы, бури, моръ, отравы, вредный гадъ,
Трясеніе земли, свирѣпы звѣри, гладъ,
Паденіе домовъ и жрущіе пожары,
И градъ, и молніи гремящіе удары!
Болота, ледъ, пески, земля, вода и лѣсъ
Войну съ тобой ведутъ и высота небесъ.
Еще ли ты войной, ещель не утомился,
И самъ противъ себя на вѣкъ вооружился?

Но оправдалъ тебя военнымъ дѣломъ ПЕТРЪ.
Усердъ къ наукамъ былъ, миролюбивъ и щедръ,
Притомъ и мечъ простеръ и на морѣ и въ полѣ.
Сомнительно, чѣмъ онъ, войной иль миромъ болѣ.
Другіе чести въ храмъ рвались чрезъ ту вступить:
Но ею онъ желалъ Россію просвѣтить.
Когда безъ оныя не ввелъ къ намъ просвѣщеній;
Не можетъ свѣтъ стоять безъ сильныхъ вооруженій.
На устіяхъ Невы его военный звукъ
Сооружалъ сей градъ, воздвигнулъ храмъ наукъ;
И зданій красота, что нынѣ возрастаетъ,
Въ оружіи свое начало признаваетъ.

Посмотримъ мысленно на прежни времена:
Народамъ первенство даетъ вездѣ война.
Науки съ вольностью отъ звѣрства защищаетъ
И храбрыхъ мышцею раститъ и украшаетъ.
Оружіе дано природою звѣрямъ;
Готовить хитростью судьба велѣла намъ.
Народы дикіе не знаючи науки,
Воюютъ пращами и напрягаютъ луки.

Открой мнѣ бытія, о древность, времена;
Ты разностью вещей и чудныхъ дѣлъ полна.
Тебѣ ихъ бытіе извѣстно все единой.
Что приращенію оружія причиной?
Съ натурой сродна ты, а мнѣ натура мать:
Въ тебѣ я знанія и въ оной тщусь искать.

Уже далече зрю въ куреніи и мракѣ

Нагова тѣла видъ неявственный въ призракѣ,
Простерлась въ облака великая глава
И ударяютъ въ слухъ прерывныя слова:
Такъ должно древности простой быть и неясной
Народовъ съ наготой, съ нетщаніемъ согласной!
Велитъ „ты зрѣніе по свѣту обведи,
„И по различію мѣстъ вѣки разсуди,
„И мысльми обратись на новые народы.
„(Простерла руку въ даль изъ облаковъ чрезъ воды)
„Тамъ вмѣсто знанія военныхъ всѣхъ наукъ,
„Довольна мнится быть едина твердость рукъ;
„Тамъ знаютъ напрячись колѣномъ и бедрою,
„Нагая грудь и лобъ, броня и шлемъ есть къ бою;
„Иные камни взявъ съ земли, другъ друга бьютъ,
„Сломивъ уразину, нагіе члены рвутъ;
„Дреколія концы огнемъ тамъ прижигаютъ,
„И заостривши ихъ, противниковъ пронзаютъ.
„Тамъ тучи страшныя на воздуха предѣлъ
„Терновыхъ, костяныхъ, желѣзныхъ воютъ стрѣлъ.
„При накрахъ движутъ духъ свирѣли, барабаны,
„И новость стѣнъ трясутъ пороки и тараны.
„Но индѣ съ ужасомъ трудолюбивой умъ
„Услышалъ для войны огня приличной шумъ.„
Европа тѣмъ гремитъ, сама въ себѣ пылая:
Коль часто фурія свирѣпствуетъ въ ней злая!
Крововая война отъ вѣка такъ течетъ,
Такъ хитрость бранная отъ первыхъ дней растетъ.

Рокъ кровью присудилъ лице земли багровить;
Монархамъ надлежитъ оружіе готовить.
Вашъ Петръ за широту предѣловъ мечъ простеръ;
Блаженству Россскому завиствующихъ стеръ.
И нынѣ дщерь торжествъ безсмертность утверждаетъ,
Огней раженіе искусствомъ умножаетъ.
Елисаветины военныя дѣла
Какъ мирныя во вѣкъ вѣнчаетъ похвала.

Уже Россіяне мѣстъ дряхлость очищаютъ,
И рухлость стѣнъ, стрѣльницъ, прилѣжно укрѣпляютъ,
Дабы лежащій всталъ и тотчасъ былъ готовъ
Оружіе поднять и отвратить враговъ.
Преславный въ путь вступилъ Вандаловъ побѣдитель
Во градъ, гдѣ праотцы, и храбрый гдѣ Родитель
Оставили своихъ заслугъ великихъ знакъ.
Коль радостенъ тамъ былъ Москвы священный зракъ!

Но Муза помолчи, помедли до трофеевъ,
Что взяты отъ враговъ и внутреннихъ злодѣевъ:
Безмѣрно большій трудъ напредки настоитъ;
Тогда представь сея Богини свѣтлый видъ.

ПИСЬМА

К Ъ его Высокопревосходительству

Ивану Ивановичу Шувалову.

Хотя письма сіи не заключають въ себѣ много, касающагося до наукъ, и не обращають содержаніемъ своимъ любопытства каждаго читателя; но поелику все, что произошло изъ пера г. Ломоносова, не можетъ быть недрагоцѣнно: то сей причины ради онѣ въ собраніи семъ и напечатаны, тѣмъ наипаче, что онѣ открываютъ публикѣ нѣкоторыя обстоятельства жизни сего великаго писателя.

Письма

къ Ивану Ивановичу Шувалову.

I.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

Поздравляю васъ съ благополучнымъ выѣздомъ въ тѣ прекрасныя мѣста, въ которыхъ холодноватые Россійскіе зефиры не могутъ препятствовать натуры и искуства силѣ въ произведеніи красотъ, обыкновенныхъ въ благорастворенномъ теплотою климатѣ. Дай, Боже, чтобы прежестокая минувшая зимы стужа и тяжелый продолжительныя весны холодъ награжденъ вамъ былъ прекраснаго лѣта пріятною теплотою. А чтобъ въ оныхъ дняхъ ясность и тихость еще показались вамъ пріятнѣе, то должно вамъ представлять въ умѣ противное время. Но какъ лѣто и зима вдругъ быть не могутъ, чтобы вы сличивъ одно съ другимъ, при строгости и скучномъ видѣ одного, могли яснѣе видѣть и выше почесть другаго красоту, нѣжность и пріятность; для того имѣю честь прислать вамъ зиму стихотвор-

ную въ эклогѣ, сочиненной студентомъ Поповскимъ. Я въ ней не поправилъ ни единаго слова, но какову онъ прошедшей зимы далъ, такъ къ вамъ и вручить честь имѣю, съ должнымъ почтеніемъ непремѣнно пребывая,

С: Петебрургъ, Маія 8 дня 1751 года.

Вашего Высокородія всепокорный слуга Михайло Ломоносовъ.

II.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

Поздравляю васъ съ пріѣздомъ въ прекрасное Сарское село, въ которое я отсюда, какъ въ рай, мыслію взираю, и завидую Тамирѣ, что она счастливѣе своего сочинителя; за тѣмъ что предстанетъ безъ него предъ очи великія Монархини въ томъ пріятнѣйшемъ мѣстѣ, которое отъ него усерднѣйшими похвалами возвышено. Я чаю, что когда Тамира въ концѣ третьяго дѣйствія отъ отца своего бѣжать намѣрится; то Заисаномъ будетъ поимана не въ самомъ бѣгствѣ, но когда засмотрится на красоту великолѣпнаго зданія, и въ изумленіи остановится, забывъ о Селимѣ; и Мамай отъ Нарсима тогда будетъ проколотъ, когда онъ въ полѣ на позла-

щенные верьхи оглянется. О томъ я думаю такъ, а въ прочемъ, чтобъ она безъ меня такъ же поступила, какъ недавно у меня въ домѣ, того равно такъ сильно желаю, какъ съ искренним почитаніемъ пребываю,

вашего Высокородія
всепокорный слуга
Михайло Ломоносовъ.

III.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

Его Сіятельство Графъ Михайла Ларіоновичъ Воронцовъ по своей высокой ко мнѣ милости изволилъ взять отъ меня пробы мозаичныхъ составовъ для показанія Ея Величеству, при которомъ случаѣ, ежели вашему Превосходительству непротивно, всепокорно прошу постараться о моемъ нижайшемъ прошеніи, чтобы мнѣ, имѣя случай и способъ, удобнѣе было производить въ дѣйствіе мои въ наукахъ предпріятія. Ибо хотя голова моя и много зачинаетъ, да руки однѣ, и хотя во многихъ случаяхъ можнобъ употребить чужія, да приказать не имѣю власти. За бездѣлицею принужденъ я много разъ въ канцелярію бѣгать и подьячимъ кланяться, чего я

право весьма стыжуся, а особливо имѣя такихъ, какъ вы, патроновъ. Нѣтъ ни единаго дня, въ которой бы я не упоминалъ о вашей ко мнѣ милости, и ею бы не радовался. Однако нѣтъ ни единаго моего въ Академію приѣзда, въ которой бы я не удивлялся, что она имѣя въ себѣ сына отечества, котораго вы любите и жалуете, не можетъ того дожить, чтобъ онъ отвратилъ отъ нея всѣ чрезъ 25 лѣтъ бывшія всѣмъ успѣхамъ и должнымъ быть пользамъ препятствія. Заключая сіе послѣднее мое о семъ прошеніе, съ великою надеждою ожидаю желаемаго, и съ искреннимъ почтеніемъ пребываю до смерти,

Вашего Превосходительства

С: петербургъ. всепокорный слуга
Августа 15 дня Михайло Ломоносовъ.
1751 года.

IV.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

Не могу преминуть, чтобы вашему Превосходительству не сообщить сочиненныхъ мною послѣ спуска корабля за обѣдомъ краткихъ стиховъ, вѣдая вашу къ наукамъ, а особливо къ словеснымъ охоту.

Сойди къ намъ, Златоустъ, оставивъ
небеса;
Достойна твоего здѣсь зрѣнія краса.
Петрова дщерь тебѣ корабль сей
посвящаетъ,
И именемъ твоимъ и море наполняетъ.
Какъ будешь ты ходить на немъ
промежъ валовъ,
Греми противъ ея завистливыхъ
враговъ.
Златыми прежде ты гремѣлъ въ
церквахъ устами;
Но пламенными нынь звучи въ водахъ
словами.

При семъ доношу, что я нынѣ Демофонта докончить стараюся; и при томъ дѣлаю планъ Россійской исторіи, которой по возвращеніи вашемъ въ Санктпетербургъ показать честь имѣть буду, и неизмѣнно съ глубокимъ почтеніемъ пребываю,

Вашего Превосходительства
Въ С: петербургѣ. всепокорный слуга
Сентября 10 дня Михайло Ломоносовъ.
1751 года.

V.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

Неоднократное вашего Превосходительства къ сочиненію Россійской исто-

ріи ободреніе хотя я всегда принималъ за истинный знакъ вашего обо мнѣ милостиваго мнѣнія; однако вашего Превосходительства полученнымъ отъ 28 числа Декабря ко мнѣ письмомъ, преисполненнымъ природнаго вашего снисхожденія и склонности къ наукамъ, столько я объ ономъ удостовѣрился, что въ крайней моей къ вамъ благодарности погруженъ, почитая ваше справедливое желаніе, которое соединено съ пользою и славою отечества. Я бы отъ всего сердца желалъ имѣть такія силы, чтобъ оное великое дѣло совершеніемъ своимъ скоро могло охоту всѣхъ удовольствовать; однако оно само собою такаго есть свойства, что требуетъ времени. Коль великимъ счастіемъ я себѣ почесть могу, ежели моею возможною способностію древность Россійскаго народа и славныя дѣла нашихъ Гбсударей свѣту откроются, то весьма чувствую. И читая отъ вашего Превосходительства ко мнѣ писанныя похвалы, которыя мое достоинство далече превосходятъ, благодарю отъ всего сердца; и радуясь, по предприятому моему моему намѣренію совсякою ревностію въ собраніи нужныхъ извѣстій стараюсь, безъ которыхъ от-

нюдь ничего въ исторіи предпріять не можно. Могу васъ милостиваго Государя увѣрить въ томъ заподлинно, что первой томъ въ нынѣшнемъ году съ божіею помощію совершить уповаю. Что же до другихъ моихъ въ Физикѣ и въ Химіи упражненій касается, чтобы вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ ни нужды, ниже возможности. Всякъ человѣкъ требуетъ отъ трудовъ себѣ упокоенія: для того оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостями или съ домашними препровожденія времени, картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ; отъ чего я уже давно отказался, за тѣмъ что не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ скуки. И такъ уповаю, что и мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собраніе и сочиненіе Россійской исторіи и на украшеніе Россійскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, что бы ихъ вмѣсто бильярда употребить на Физическіе и Химическіе опыты, которые мнѣ не токмо отмѣною матеріи вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лѣкарства служить имѣютъ; и сверхъ сего пользу и честь отечеству конечно принести могутъ

едва ли менше первой. Когда ваше Превосходительство меня удостовѣрить изволите, что мои сочиненія въ прозѣ непротивны, то можете имѣть въ томъ новый опытъ, ежели мнѣ въ будущей 1754 годъ повелѣно будетъ говорить похвальное слово Петру Великому въ публичномъ Академическомъ собраніи, на что я готовъ положить всѣ свои силы. Чтожъ до окончанія моего всепокорнѣйшаго прошенія надлежитъ о фабрикѣ, то не думайте, милостивой Государь, чтобы она могла мнѣ препятствовать; ибо тѣмъ окончаются всѣ мои великіе химическіе труды, въ которыхъ я три года упражнялся, и которые безплодно потерять мнѣ будетъ несносное мученіе, и много большее препятствіе, нежели отъ самихъ оныхъ опасаться должно. И такъ уповая чрезъ милостивое ваше предстательство прошенію моему скораго рѣшенія достигнуть, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю,

Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій и усерднѣйшій слуга
Михайло Ломоносовъ.

въ С: петербургѣ
Генваря 4 дня
1753 года.

VI.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Милостивое вашего Превосходительства меня письмомъ напоминовеніе увѣряетъ къ великой моей радости о непремѣнномъ вашемъ ко мнѣ снисходительствѣ, которое я чрезъ много лѣтъ за великое между моими благополучіями почитаю. Высочайшая щедрота несравненныя Монархини нашея, которую я вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла. Не примите, ваше Превосходительство, мнѣ въ самохвальство, что я въ свое защищеніе представить смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ никогда дѣтей, кромѣ меня, не имѣя, говорилъ, что я будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ смерти чужіе

разхипятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, не льзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что зная отца моего достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришолъ латыни учиться! Послѣ того вскорѣ взятъ я въ С: петербургъ, и посланъ за море, и жалованья получалъ противъ прежняго въ сорокъ разъ. Оно меня отъ наукъ не отвратило; но по пропорціи своей умножило охоту, хотя силы мои предѣлъ имѣютъ. Я всепокорнѣйше прошу ваше Превосходительство въ томъ быть обнадѣжену, что я всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожну, были обо мнѣ безпечальны; а тѣ, которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ

неправомъ мнѣніи были, и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрять не должны; и помнилибъ, что Музы не такія дѣвки, которыхъ всегда изнасильничать можно. Онѣ кого хотятъ, того и полюбятъ. Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи, что ученой человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, которой жилъ съ собаками въ бочкѣ, и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ для умноженія ихъ гордости; а съ другой стороны Невтона, богатаго Лорда Боила, которой всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Вольфа, которой лекціями и подарками нажилъ больше пяти сотъ тысячъ, и сверхъ того Баронство; Слоана въ Англіи, которой послѣ себя такую библіотеку оставилъ, что никто приватной не былъ въ состояніи купить, и для того Парламентъ далъ за нее двадцать тысячъ фунтовъ штерлинговъ. По приказанію вашему все исполнить не премину, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребывая,

вашего Превосходительства

Маія 10 дня 1753 года. всепокорнѣйшій слуга Михайло Ломоносовъ.

VII.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Полученное вчерашняго числа отъ 24 Маія письмо вашего Превосходительства, въ которомъ я чувствую непремѣнной знакъ особливой вашей ко мнѣ милости, премного меня обрадовало, особливо тѣмъ, что вы изволили объявить свое удостовѣреніе о томъ, что я наукъ никогда не оставлю. Въ разсужденіи другихъ не имѣю я никакаго особливаго удивленія, за тѣмъ что они имѣютъ примѣры въ нѣкоторыхъ людяхъ, которые только лишь себѣ путь къ счастію ученіемъ отворили, въ тотъ часъ къ дальнѣйшему происхожденію другія дороги приняли, и способы изыскали, а науки почти со всѣмъ оставили, имѣя у себя патроновъ, которые у нихъ мало или ничего не спрашиваютъ, и не какъ ваше Превосходительство въ разсужденіи меня дѣлъ требуете, довольствуются только однимъ ихъ именемъ. Въ помянутыхъ оставившихъ въ своемъ счастіи ученіе людяхъ весьма ясно видѣть можно, что они токмо одно почти знаютъ, чему въ малолѣтствѣ изъ подлозы выучились, а будучи въ своей вла-

сти почти никакова знанія больше не присовокупили. Я напротивъ того (позвольте, милостивый государь, не ради тщеславія, но ради моего оправданія объявить истинну), имѣючи отца хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую и завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и голодъ, пока я не ушолъ въ Спаскія школы. Нынѣ имѣя къ тому по Высочайшей ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА милости совершенное довольство вашимъ отеческимъ представительствомъ, и трудовъ моихъ одобреніе ваше и другихъ знателей и любителей наукъ, и почти общее въ нихъ удовольствіе, и на конецъ уже недѣтское несовершеннаго возраста разсужденіе, могу ли я нынѣ въ моемъ мужествѣ дать себя посрамить предъ моимъ дѣтствомъ. Однако перестаю сими представленіями утруждать вашу терпѣливость, вѣдая ваши справедливыя мнѣнія. И ради того

доношу вашему Превосходительству о томъ, что похвальная ваша къ наукамъ охота требуетъ. Во первыхъ, что до электрической силы надлежитъ, то изысканы здѣсь два особливые опыта весьма недавно, одинъ г. Рихманомъ чрезъ машину, а другой мною въ тучѣ; первой, что Мушенброковъ опытъ съ сильнымъ ударомъ можно переносить съ мѣста на мѣсто, отдѣляя отъ машины въ знатное разстояніе около цѣлой версты; чему описаніе и рисунокъ при семъ сообщаю. Второе примѣтилъ я у своей громовой машины 25 числа сего Апрѣля, что безъ грому и молніи, чтобы слышать или видѣть можно было, нитка отъ желѣзнаго прута отходила и за рукою гонялась; а въ 28 число тогоже мѣсяца при прохожденіи дождеваго оаблка безъ всякаго чувствительнаго грому и молніи происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ трескомъ издалека слышнымъ, что еще нигдѣ не примѣчено, и съ моею давнею теоріею о теплотѣ и съ нынѣшнею объ электрической силѣ весьма согласно, и мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оной актъ буду я отправлять съ г. Профессоромъ Рихма-

номъ; онъ будетъ предлагать опыты свои, а я теорію и пользу отъ оной произходящую, къ чему уже я приуготовляюся. Что же надлежитъ до второй части руководства къ краснорѣчію, то оная уже нарочито далече, и въ концѣ Октября мѣсяца, уповаю, изъ печати выдетъ, о ускореніи которой всячески просить и стараться буду, а письменнаго не присылаю, за тѣмъ что ваше Превосходительство требовать изволите по листу печатныхъ. О первомъ томѣ Россійской исторіи по обѣщанію моему стараніе прилагаю, чтобы онъ къ новому году письменной изготовился. Ежели кто по своей профессіи читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить; отъ того я ничего больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось. Въ прочемъ удостовѣрясь многократно, коль охотно слушаете, ваше Превосходительство,

разговоры о наукахъ, весьма жадно ожидаю радостнаго и пріятнаго съ вами свиданія, чтобы вы новыми моими стараніями удовольствіе имѣли, которыхъ всѣхъ въ отдаленіи сообщить не можно. Въ домѣ вашего Превосходительства обѣщанныхъ оптическихъ вещей еще долго устроить не уповаю, за тѣмъ что еще нѣтъ ни половъ, ни потолоковъ, ни лѣстницъ, и недавно я ходилъ въ нихъ съ немалою опасностію. Электрическіе шарики по вашему желанію пришлю не умедливъ, какъ возможно. Я могу увѣрить ваше Превосходительство, что въ мастеровыхъ людяхъ здѣсь великая скудость, такъ что для дѣланія себѣ электрической машины не токмо гдѣ индѣ, но и съ вашего двора столяра за деньги не могъ достать. И для того по сіе время вмѣсто земной машины служатъ мнѣ иногда облака, къ которымъ я съ кровли шестъ выставилъ. Какіе вашему Превосходительству инструменты потребны, о томъ прошу дать мнѣ позволеніе представить въ Канцелярію Академическую именемъ вашимъ для приказанія мастерамъ, за тѣмъ что они по шабашамъ долго протянутъ дѣло. Заклю-

чая сіе, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю,

всепокорнѣйшій и вѣрный слуга
изъ С: петербурга
Маія 31 дня Михайло Ломоносовъ.
1753 года.

VIII.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

Что я нынѣ къ вашему Превосходительству пишу, за чудо почитайте; для того что мертвые не пишутъ. Я не знаю еще, или по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь, живъ ли я, или мертвъ. Я вижу, что г. Профессора Рихмана громомъ убило въ тѣхъ же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ въ то же самое время. Сего Іюля въ 26 число въ первомъ часу по полудни поднялась громовая туча отъ норда. Громъ былъ нарочито силенъ, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрѣвъ, не видалъ я нималаго признака электрической силы. Однако, пока кушанье на столъ ставили, дождался я нарочитыхъ электрическихъ изъ проволоки искръ, и къ тому пришла моя жена и другіе, и какъ я, такъ и онѣ безпрестанно до проволоки и до привѣшен-

наго прута дотыкались; за тѣмъ что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, противъ которыхъ покойной Профессоръ со мною спорилъ. Внезапно громъ чрезвычайно грянулъ въ самое то время, какъ я руку держалъ у желѣза, и искры трещали. Всѣ отъ меня прочь побѣжали, и жена просила, чтобы я прочь шолъ. Любопытство удержало меня еще двѣ или три минуты, пока мнѣ сказали, что щи простынутъ, а притомъ и электрическая сила почти перестала. Только я за столомъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно дверь отворилъ человѣкъ покойнаго Рихмана, весь въ слезахъ, въ страхѣ и запыхавшись. Я думалъ, что его кто нибудь на дорогѣ побилъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чуть выговорилъ: Профессора громомъ зашибло. Въ самой возможной скорости, какъ силъ было много, пріѣхавъ я, увидѣлъ, что онъ лежитъ бездыханенъ. Бѣдная вдова и ея мать таковы же, какъ онъ, блѣдны. Мнѣ и минувшая въ близости моя смерть, и его блѣдное тѣло, и бывшее съ нимъ наше согласіе и дружба, и плачъ его жены, дѣтей и дому столь были чувствительны, что я великому множеству сошедшагося

народа не могъ ни на что дать слова или отвѣта, смотря на лице того, съ которымъ я за часъ сидѣлъ въ конференціи, и разсуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ актѣ. Первой ударъ отъ привѣшенной линеи съ ниткою пришолъ ему въ голову, гдѣ красновишневое пятно видно на лбу; а вышла изъ него громовая электрическая сила изъ ногъ въ доски. Нога и пальцы сини, и башмакъ разодранъ, а не прожженъ. Мы старались движеніе крови въ немъ возобновить; за тѣмъ что онъ еще былъ тепль; однако голова его повреждена; и больше нѣтъ надѣжды. И такъ онъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что электрическую громовую силу отвратить можно; однако на шестъ съ желѣзомъ, которой долженъ стоять на пустомъ мѣстѣ, въ которое бы громъ билъ, сколько хочетъ. Между тѣмъ умеръ г. Рихманъ прекрасною смертію, исполняя по своей профессіи должность. Память его никогда не умолкнетъ: но бѣдная его вдова, теща, сынъ пяти лѣтъ, который добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери, одна двухъ лѣтъ, а другая около полугоду, какъ объ немъ, такъ и о своемъ крайнемъ несчастіи плачутъ.

Того ради, ваше Превосходительство, какъ истинный наукъ любитель и покровитель, будьте имъ милостивый помощникъ, чтобы бѣдная вдова лучшаго Профессора до смерти своей пропитаніе имѣла, и сына своего маленькаго Рихмана могла воспитать, чтобы онъ такой же былъ наукъ любитель, какъ его отецъ. Ему жалованья было 860 рублей. Милостивый государь! исходатайствуй бѣдной вдовѣ его или дѣтямъ до смерти. За такое благодѣяніе Господь Богъ васъ наградитъ, и я буду больше почитать, нежели за свое. Между тѣмъ, чтобы сей случай не былъ протолкованъ противу приращенія наукъ, всепокорнѣйше прошу миловать науки и

вашего Превосходительства

всепокорнѣйшаго слугу въ слезахъ
С: петербургѣ Михайла Ломоносова.
26 Іюля 1753 года.

IX.

Милостивой государь Иванъ Ивановичъ!

Получивъ отъ студента Поповскаго переводъ перваго письма Попіева опыта о человѣкѣ, не могу преминуть, чтобы не сообщить вашему Превосходи-

тельству. Въ немъ нѣтъ ни единаго стиха, которой бы мною былъ поправленъ. Я весьма опасаюсь, чтобы его въ закоснѣніи не оставили. Онъ давно уже достоинъ произведенія. Нынѣ есть мѣсто Ректорское въ Гимназіи послѣ Ректора Ратгаккера, которое онъ весьма способно управлять можетъ, зная Латинской языкъ совершенно, и при томъ изрядно разумѣетъ Греческой, Францускую и Нѣмецкой; а объ искуствѣ въ Россійскомъ сей примѣръ о немъ свидѣтельствуетъ. Для того и Профессоръ Фишеръ, которой самъ былъ долго Ректоромъ, весьма его къ сей должности ободряетъ. Ш.... хотя кажетъ видъ, что тоже хочетъ дѣлать, однако отнюдь вѣрить не льзя, и больше, чаю, противное сдѣлать намѣренъ. Публичное дѣйствіе послѣ Рихмановой смерти обѣщалъ неоднократно произвести въ дѣло, и часто ко мнѣ присылалъ о поспѣшеніи; а какъ я нынѣ читалъ, то онъ сказалъ, что изъ Москвы не имѣетъ извѣстія, будетъ ли актусъ. Между тѣмъ слышалъ я отъ Профессора Г.... которому онъ сказалъ, что актусъ будетъ отложенъ. Академическое собраніе послѣ смерти Рихмановой и послѣ отъѣзда

Краценштейнова весьма мало осталось, состоя въ четырехъ Профессорахъ, изъ которыхъ я съ неизмѣннымъ глубокопочитаніемъ пребываю до смерти,

Вашего Превосходительства

изъ С: петербурга всепокорнѣйшій слуга
Августа 23 дня Михайло Ломоносовъ.
1753 года.

X.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

Переписанную рѣчь мою къ вашему Превосходительству переслать принимая смѣлость, еще васъ милостиваго государя прошу, чтобы о произведеніи оной къ 25 Ноября постараться: ибо мнѣ даютъ навѣтки, чтобъ ее въ комментаріяхъ напечатать; однако я тѣмъ отнюдь не могу быть доволенъ, и за прямой отказъ почесть долженъ. Она такимъ образомъ сочинена, чтобы говорить въ собраніи и послѣ особливаго случая. Въ другихъ обстоятельствахъ долженъ я буду много перемѣнить и выкинуть, что мнѣ много труда стоитъ. Сверхъ того съ комментаріями выдетъ она весьма поздно. При семъ ваше Превосходительство всепокорнѣйше прошу не

забыть вашего милостиваго обѣщанія, чтобы меня удостоить вторымъ томъ Татищева исторіи, за тѣмъ что онъ въ первомъ много на второй ссылается. Ожидая милостиваго въ семъ неоставленія, съ усерднымъ высокопочитаніемъ всегда пребываю,

вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Михайло Ломоносовъ.

изъ С: петербурга
Октября 7 дня
1753 года.

XI.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

По приказу вашего Превосходительства старался я достать примѣчанія на вѣдомости, но получить ихъ не могъ. Уже многіе и за нѣсколько лѣтъ ихъ спрашиваютъ; однако сыскать не могли; за тѣмъ что помалу было печатано и не по мѣрѣ Россійскаго Государства; а особливо нынѣ узнавъ нашъ народъ пользу наукъ, больше такія книги хранитъ для ихъ рѣдкости. Г. Совѣтникъ Нартовъ сказалъ, что у него есть; только не переплетенныя, и обѣщалъ собрать для вашего Превосходительства; однако не могу знать, сдѣлаетъ ли. Я уповаю, не

лучше ли поискать у приватныхъ охотниковъ въ Москвѣ на время, пока для вашего Превосходительства собственно здѣсь приищутся. Весьма бы полезно и славно было нашему отечеству, когдабъ въ Академіи начались подобныя періодическія сочиненія, только не на такихъ бумажкахъ по одному листу; но повсямѣсячно или по всякую четверть или треть года, дабы одна или двѣ и три матеріи содержались въ книжкѣ, и въ меншемъ форматѣ, чему много имѣемъ примѣровъ въ Европѣ, изъ которыхъ лучшимъ бы послѣдовать, или бы свои примѣняясь выбрать можно. Исполни Господь Богъ намѣренія и желаніе любителей наукъ, чего я всегда, а особливо въ начатіи новаго года, прошу, поздравляя съ тѣмъ ваше Превосходительство отъ истиннаго усердія, и желая благополучнаго теченія и радостнаго окончанія, съ глубокимъ высокопочитаніемъ завсегда пребываю,

вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Михайло Ломоносовъ.

изъ Усть рудицъ
съ бисерныхъ
заводовъ
Генваря 3 дня
1754 года.

XII.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

Получивъ отъ вашего Превосходительства милостивой свыше моихъ заслугъ въ прочемъ на мое письмо отвѣтъ, только о томъ сожалѣю, что оно почтено ласкательнымъ, въ чемъ мнѣ природа сама совсѣмъ почти отказала, и ежели гдѣ нѣкоторое подобіе покажется, то конечно не мои вымыслы; но только какихъ нибудь обстоятельствъ внезапная буря принуждаетъ. Всепокорнѣйшее мое прошеніе къ вашему Превосходительству только ту силу имѣетъ и намѣреніе, чтобъ я вашимъ милостивымъ благодѣяніемъ предостереженъ былъ въ разсужденіи тѣхъ должностей, которыя наблюдать должно въ разсужденіи толь великой особы, къ которой мое сочиненіе простирается; штиля моего и другихъ хотя никто больше и лучше судья васъ быть не можетъ, что я собственнымъ искуствомъ всегда могу засвидѣтельствовать; однако все мое къ вашему Превосходительству прошеніе состоитъ въ разсужденіи перваго. Господинъ Поповской свой переводъ всѣхъ стиховъ Попіевыхъ, нѣсколько еще исправлен-

ныхъ, сего дня чрезъ меня въ Канцелярію для посылки къ его Сіятельству отдалъ. При семъ вашему Превосходительству принимаю смѣлость донести, что ,

(Здѣсь въ подлинникѣ нѣсколько строкъ отодрано)

Однако мы господа въ Коммисіи, иной боится отрѣшить.... чтобы не раздражить какова нибудь знатнаго господина; иной говоритъ, что онъ бѣденъ; однако прошу меня извинить; не могу всѣхъ пристрастій и всѣхъ обстоятельствъ изобразить. Словомъ съ одного конца Академію хотятъ починивать, а съ другаго портятъ. Все сносно, только того нѣтъ тяжелѣе . . . .
. . . .

Окончаніе сего дѣла ясно покажетъ; и я никогда по чистой моей совѣсти не останусь лживымъ человѣкомъ. Мое истинное желаніе въ томъ состоитъ, чтобы мнѣ Богъ судилъ съ вашимъ Превосходительствомъ во всякомъ благополучіи видѣться, и засвидѣтельствовать, что

я съ глубокимъ почтеніемъ безпрестанно пребываю,

вашего Превосходительства

С: петербургъ 28 Марта 1754 года.

всепокорнѣйшій слуга Михайло Ломоносовъ.

XIII.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

Изъ вчерашняго вашего Превосходительства милостиваго разговора примѣтилъ я, что злоба преодолѣваетъ благости, подкрадываясь подъ святость Высочайшихъ повелѣній; и такъ ежели не возможно, чтобы я по моему всепокорнѣйшему прошенію былъ произведенъ въ Академіи для пресѣченія коварныхъ предпріятій; то всеуниженно ваше Превосходительство прошу, чтобы вашимъ отеческимъ предстательствомъ переведенъ я былъ въ другой корпусъ, а лучше всего въ Иностранную Коллегію, гдѣ не менѣе могу принести пользы и чести отечеству, а особливо имѣя случай употреблять вспоможеніе архивы къ продолженію Россійской исторіи. Я прошу всевышняго Господа Бога, дабы онъ воздвигъ и ободрилъ выше великодушное сердце въ мою помощь, и чрезъ васъ бы

сотворилъ со мною знаменіе во благо, да видятъ ненавидящіи мя и постыдятся: яко Господь помоглъ ми и утѣшилъ мя есть изъ двухъ единымъ, дабы или всѣ сказали: камень, его же не брегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла, отъ Господа сей бысть; или бы въ мое отбытіе изъ Академіи ясно оказалось, что она лишилась, потерявъ такаго человѣка, который чрезъ толь много лѣтъ украшалъ оную, и всегда съ гонителями наукъ боролся, не смотря на свои опасности. Ожидая того или другаго, въ твердомъ на милостивѣйшее ваше ходатайство упованіи съ усерднымъ глубокопочитаніемъ пребываю,

вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій и нижайшій слуга
Декабря 30 дня Михайло Ломоносовъ.
1754 года.

XIV.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

Сокращенное описаніе сомозванцевъ и стрѣлецкихъ бунтовъ еще переписавъ, имѣю честь подать чрезъ сіе письмо вашему Превосходительству. Сами можете отмѣтить, что вамъ не разсудится за благо перевести на Французской

языкъ. Сокращеніе о житіи Государей Царей Михаила, Алексія и Θеодора стараюсь привести къ окончанію подобнымъ образомъ. Всепокорнѣйше прошу не причесть мнѣ въ предосужденіе, что о своихъ свидѣтельствахъ и трудахъ при семъ прилагаю. Не ради своего самохвальства то сдѣлать осмѣлился; но чтобъ себя оборонить отъ моихъ презрителей и поносителей съ верху Парнасскихъ горъ долой. Домашнія мои заботы въ разсужденіи строенія фабрики и прочаго приходятъ къ окончанію, и я уповаю доказать великими доводами въ самомъ дѣлѣ, что оныя слова самая пустошь. Въ ожиданіи обѣщаннаго портрета хотя и въ нетерпѣливости, однако какъ завсегда съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю,

вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій и нижайшій слуга
Михайло Ломоносовъ.

Октября 10 дня
1757 года.

XV.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

Во исполненіе приказанія, отъ вашего Превосходительства въ нынѣшнемъ

письмѣ присланнаго, не могу никоимъ образомъ отказаться, по вашему убѣжденію, почитая вашу неоднократно объявленную мнѣ волю. И такъ, хотя учинить отпоръ моимъ ненавистникамъ, не знаю и весьма сомнѣваюсь, не больше ли я имъ благодарить и ихъ хвалить, нежели мстить и уничтожать долженъ; благодарить за то во первыхъ, что они меня своей хулой хвалятъ, и къ большему приращенію малой моей славы не пожалѣли себя опредѣлить въ Зоилы, что я не заменшую услугу себѣ почитаю; второе за то, что они подали причину вашему Превосходительству къ составленію нынѣшняго вашего ко мнѣ письма съ разными разсужденіями, до словесныхъ наукъ касающимися, которое бывшихъ, настоящихъ и будущихъ Зоиловъ злобу въ ничто обращаетъ, и въ которомъ я несполько заслуги, сколько свою должность вижу. Они стихи мои осуждаютъ и находятъ въ нихъ надутыя изображенія; для того они самыхъ великихъ древнихъ и новыхъ стихотворцевъ высокопарныя мысли, похваленныя во всѣ вѣки и отъ всѣхъ народовъ почитаемыя, унизить хотятъ. Для доказательства предлагаю вашему Превосходи-

тельству примѣры, которыми основательное оправданіе моего ихъ возможнаго подражанія показано быть можетъ.

Изъ Гомеровой Иліады п. 5.

Внезапно всталъ Нептунъ съ высокія горы,
Пошелъ, и тѣмъ потрясъ и лѣсы и бугры;
Трикраты онъ ступилъ, четвертый шагъ достигнулъ
До мѣста, въ кое гнѣвъ и духъ его подвигнулъ.

Изъ Виргил: Энеиды кн: 3.

Едва онъ рѣчь скончалъ, великая громада
Съ горы къ водамъ идетъ среди овечья стада.
Ужасной Полифемъ, прескверный изувѣръ,
Исполненъ ярости и злобы выше мѣръ:
Лишася зрѣнія, онъ дубъ несетъ рукою
какъ трость, и ищетъ тѣмъ дороги предъ собою.
Зубами заскрипѣлъ и моремъ побѣжалъ,
Едва во глубинѣ до бедръ касался валъ.

Какъ сему Камоенсъ подражаетъ, можно видѣть въ моей Риторикѣ параграф: 158. Кромѣ сихъ Героическаго духа стихотворцевъ и нѣжный Овидій исполненъ высокопарными мыслями.

Изъ превращен: кн: 1.

Три краты страшные власы встряхнулъ Зевесъ,
Подвигнулъ горы тѣмъ, моря, поля и лѣсъ.

Изъ книг: 15.

Я таинства хочу невѣдомыя пѣть,
На облакѣ хочу я выше звѣздъ взлетѣть,
Оставивъ низъ, пойду небесною горою,
Атланту наступлю на плеча я ногою.

XVI.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

По приказанію вашего Высокопревосходительства сыскалъ я такова человѣка, которой въ состояніи васъ удовольствовать историческими переводами и экстрактами съ Россійскаго языка на

Французской. Г. Модрахъ Профессоръ исторіи, надѣюсь, вамъ извѣстенъ, который по Французски искусенъ, и Россійской языкъ основательно знаетъ, весьма желаетъ услужить симъ трудомъ вашему Высокопревосходительству, и уже началъ дѣлать экстрактъ изъ Камчатской исторіи; въ чемъ могу ему спомоществовать моимъ совѣтомъ, и для переписки на бѣло употребить Студентовъ. Мои манускрипты могутъ нынѣ больше служить, нежели я самъ, не имѣя отъ моихъ недоброжелателей покоя. Сверьхъ сего не продолжая времени, долженъ я при первомъ случаѣ объявить въ ученомъ свѣтѣ всѣ новыя мои изобрѣтенія ради славы отечества, дабы не воспослѣдовало съ ними того же, что съ ночезрительною трубою случилось. Сей ущербъ чести отъ моихъ трудовъ сталъ мнѣ вдвое горестенъ; для того что тѣ, которые сіе дѣло невозможнымъ почитали, еще и понынѣ жестоко съ досадительными словами спорятъ, такъ что видя, не видятъ, и слыша не слышать. Не взирая на то, стараюсь произвести въ дѣйствіе еще новой оптической инструментъ, которымъ бы много глубже видѣть можно было дно въ рѣ-

кахъ и въ морѣ, нежели какъ видимъ просто. Коль сіе въ жизни человѣческой полезно, всякъ удобно разсудить можетъ. При семъ не могу преминуть, чтобы не показать явнаго безсовѣстія моихъ недоброхотовъ. Въ трудолюбивой такъ называемой пчелѣ напечатано о мозаикѣ весьма презрительно. Сочинитель того Тр . . . . . совокупилъ свое грубое незнаніе съ подлою злостію, чтобы моему раченію сдѣлать помѣшательство; здѣсь видѣть можно цѣлой комплотъ. Тр . . . . сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ пчелу. Т . . . . . далъ напечатать безъ моего увѣдомленія въ той командѣ, гдѣ я присутствую. По симъ обстоятельствамъ ясно видѣть можете, ваше Высокопревосходительство, сколько сіи люди даютъ мнѣ покоя, не престая повреждать мою честь и благополучіе при всякомъ случаѣ! Умилосердитесь надо мною, Милостивый Государь, свободите меня отъ такихъ нападковъ, которые меня огорчая, не даютъ мнѣ простираться далѣе въ полезныхъ и славныхъ моихъ отечеству упражненіяхъ. Никакаго не желаю мщенія, но токмо всеуниженно прошу оправданъ быть предъ свѣтомъ Высочайшею конфирмаціею до-

клада отъ Правительствующаго Сената о украшенiи Петропавловской церкви, чего цѣлой годъ ожидая, претерпѣваю сверхъ моего раззоренiя посмѣянiе и ругательство.. Ваше сильное ходатайство можетъ меня отъ всего скоро избавить и увѣрить меня о непремѣнной милости, которую за особливое счастiе и честь въ жизни моей почитаю,

вашего Высокопревосходительства

всенижайшiй и усердный слуга

Михайло Ломоносовъ.

изъ С: петербурга
8 Iюля 1759 года.

Два разговора
переведенные изъ Эразма и Лукіана.
Разговоръ I.
УТРО.

Нефалій. Сего дня хотѣлъ я тебя, Филиппъ, посѣтить; однако тебя дома не сказали. Филиппъ. Не совсѣмъ тебѣ солгали: для тебя я подлинно дома не былъ, а для себя весьма былъ дома. Неф. Какую мнѣ загадку говоришь? Фил. Ты знаешь старую пословицу: не всякому по Якову; также извѣстна тебѣ и Назикина шутка, какъ нѣкогда онъ, хотя посѣтить пріятеля своего Еннія, спрашивалъ: дома ли онъ, и какъ служанка отказала; тогда Назика хотя и догадался, что онъ дома, однако домой возвратился. Послѣ того когда Енній вшедши въ домъ Назикинъ, спрашивалъ у слуги, у себя ли онъ находился; тогда Назика изъ каморки вскричалъ: нѣтъ меня дома; и какъ Енній его по голосу узналъ, безстыдной! сказалъ, я ли тебя по голосу не слышу? На сіе Назика ему отвѣтствовалъ: ты меня еще безстыднѣе, что самому въ томъ не вѣришь, въ чѣмъ я и служанкѣ твоей повѣрилъ. Неф. Такъ можетъ быть тебѣ недосугъ было. Фил. Нѣтъ; я былъ въ сладкомъ покоѣ. Неф. Опять загадкой мучишь. Фил. Ну, такъ скажу прямо точь

вточь. Неф. Скажи. Фил. Спалъ безъ пробуду. Неф. Что ты говоришь? Тогда ужъ былъ девятой часъ, а въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ въ четвертомъ часу солнце всходитъ. Фил. Пожалуй, для меня пускай оно всходитъ хотя въ полночь, лишь бы мнѣ только выспаться довольно. Неф. Однако только ли нынѣ тебѣ толь долго спать случилось? Или ты къ тому привыкъ? Фил. Привыкъ. Неф. Весьма худо привыкать къ худому дѣлу. Фил. Нѣтъ! сонъ послѣ восхожденія солнечнаго весьма пріятенъ. Неф. Въ которомъ ты часу съ постелей разстаешся? Фил. Между четвертымъ и девятымъ. Неф. Довольно времени; и Королевы чуть ли толь долго убираются, однако какъ ты къ тому привыкъ? Фил. Для того, что обыкновенно пируемъ, играемъ и веселимся заполночь, которой уронъ утреннимъ сномъ награждаемъ. Неф. Едва видалъ я кого, кто бы жилъ тебя мотоватѣе. Фил. Мнѣ кажется сіе бережливость, а не мотовство, для того когда я сплю, то свѣчи не горятъ, и платье не носится. Неф. Никуда негодная бережливость, ежели для того стекла беречь, чтобы потерять алмазы. Инако разсуждалъ оный философъ, которой, когда у

него спросили, что всего дороже? отвѣчалъ, время. Притомъ извѣстно, что утро всего дня лучше, и такъ что въ дражайшей вещи всего дорожѣ, ты оное съ радостію теряешь. Фил. Развѣ то теряется, что отдаемъ нашей плоти? Неф. Нѣтъ, мы отнимаемъ отъ плоти, которая тогда услаждается и весьма ободряется, когда благовременнымъ и умѣреннымъ сномъ возобновлена бываетъ и укрѣпляется утреннимъ бдѣніемъ. Фил. Однако сонъ сладокъ. Неф. Что можетъ быть сладко тому, кто ничего не чувствуетъ. Фил. И то самое сладко, когда никогда безпокойства не имѣемъ. Неф. Такъ потому тѣ еще счастливѣе, которые спятъ въ могилѣ, ибо во снѣ иногда привидѣнія безпокоятъ. Фил. Говорятъ, что тѣлу такой сонъ питателенъ. Неф. Сія пища кротамъ прилична, а не людямъ. Дѣльно откармливаютъ скотину на убой; а человѣку для какой прибыли стараться о томъ, чтобы разтолстѣть; развѣ для того только, чтобы завсегда ходить съ увѣсистою ношею? Скажи мнѣ, ежелибы ты слугу имѣлъ, хотѣлъ ли бы ты, чтобы онъ былъ толстъ, или чтобы онъ былъ проворенъ и ко всѣмъ дѣламъ способенъ? Фил. Однако я не слуга.

Неф. Мнѣ и того довольно, что ты лучше имѣть хочешь способнаго къ услуженію, нежели какъ быка откормленнаго. Фил. Подлинно такъ. Неф. Платонъ сказалъ, что духъ человѣку господинъ, а тѣло ничто иное, какъ его жилище или орудіе. А ты, какъ думаю, признаешь, что духъ есть главная часть въ человѣкѣ, а тѣло его слуга. Фил. Инъ пусть по твоему будетъ. Неф. Ты не хочешь имѣть слуги съ тяжелымъ брюхомъ, но проворнаго и поворотливаго; то для чего духу своему готовишь дебѣлаго слугу и унылаго. Фил. Убѣждаешь ты меня правдою. Неф. Послушай, что ты еще сверьхъ того тратишь. Какъ духъ много превосходнѣе тѣла, такъ и богатство душевное много превосходитъ тѣлесные достатки. Фил. Вѣроятно. Неф. Между богатствомъ душевнымъ выше всего премудрость. Фил. Подлинно такъ. Неф. Къ пріобрѣтенію оныя ни едина часть дня толь не способна, какъ утро, когда солнце снова восходитъ, бодрость и укрѣпленіе всѣмъ приноситъ, и разбиваетъ туманъ, которой обыкновенно встаетъ изъ желудка, и жилище ума помрачаетъ. Фил. Не спорю. Неф. Нынѣ сочти мнѣ, сколько бы ты могъ

научиться въ тѣ четыре часа, которые на безвременной сонъ теряешь. Фил. Правда, что много. Неф. Я узналъ самымъ дѣломъ, что въ одинъ часъ по утру больше можно научиться, нежели въ три часа послѣ обѣда; и сверьхъ того тѣлу никакой убыли не дѣлается. Фил. Слышу. Неф. Притомъ подумай, ежели вмѣстѣ сложить, что ты на каждой день теряешь, какое будетъ множество. Фил. Правда, что велико. Неф. Кто дорогіе камни и серебро напрасно разточаетъ, того мотомъ называютъ, и отдаютъ подъ опеку. А кто сіе много онаго дражайшее богатство теряетъ, не тотъ ли больше мотомъ названъ быть долженъ. Фил. Видно, что такъ, ежели о томъ разсудить прямо. Неф. Также и о томъ подумай, что говоритъ Платонъ: ничего нѣтъ прекраснѣе, ничего любезнѣе премудрости, которую ежели бы тѣлесными очами видѣть можно было; то бы она непонятную любовь къ себѣ возбудила. Фил. Однако видѣть ее не можно. Неф. Правда, что тѣлесными очами не увидишь; но зрѣніе души оную постигаетъ, которая есть лучшая часть человѣка. И гдѣ любовь безмѣрно пріятна, тутъ и самое высочайшее услажденіе быть дол-

жно, когда духъ съ такою любовницею совокупляется. Фил. Самую истинну сказываешь. Неф. Для того поменяйся на сіе услажденіе сномъ, смерти образомъ, ежели угодно. Фил. Хорошо, однако долженъ буду покинуть играть по ночамъ. Неф. Та потеря прибыточна, ежели за худое хорошее, за безчестное преславное, за презрѣнное дражайшее что получить можно. Хорошо тому терять свинецъ, кто изъ него золото дѣлаетъ. Натура ночь для сна опредѣлила. Восходящее солнце, когда всѣхъ животныхъ, тогда больше всѣхъ человѣка къ трудамъ, въ жизни потребнымъ, возбуждаетъ. Которые спятъ, говоритъ Плавтъ, тѣ спятъ ночью, и пьяные ночью пьяны. Чте скареднѣе быть можетъ, когда всѣ живоппныя встаютъ съ солнцемъ, нѣкоторыя и прежде восхожденія пѣніемъ оное поздравляютъ, и слонъ восходящему солнцу покланяется, а человѣкъ долго послѣ его восхода храпитъ на постелѣ? Коль часто златый оный утренній свѣтъ освѣщаетъ твою спальню, или ты не можешь догадаться, что онъ тебя спящаго укоряетъ? Безумной человѣкъ, или тебѣ хорошо кажется, что ты наилучшую часть жизни своей напрасно

теряешь? Не для того я сію, чтобы ты спалъ закрывшись; но чтобы ты бодрствуя, въ честныхъ дѣлахъ упражнялся. Никто свѣчи не зажигаетъ, чтобъ при ней спать; а ты храпишь при семъ прекраснѣйшемъ свѣтильникѣ. Фил. Изрядно ты проповѣдуешь! Неф. Хотя не изрядно, однако справедливо. Я не сомнѣваюсь, что ты не рѣдко слыхалъ оную Исіодову пословицу: бережливость на днѣ имѣть уже поздно. Фил. Весьма часто, для того что въ срединѣ бочки самое лучшее вино бываетъ. Неф. Однако въ жизни человѣческой первая часть то есть, юношество всѣхъ лучше. Фил. Истинно такъ. Неф. И утро тоже во дни, что юношество въ жизни. И такъ не безумно ли тѣ дѣлаютъ, которые юношество на бездѣльныя поступки, а утреннее время на спанье тратятъ? Фил. Видно, что такъ. Неф. Естьли такое имѣніе, которое съ человѣческою жизнію сравнить можно? Фил. Ни всего Персидскаго сокровища. Неф. Не возненавидѣлъ ли бы ты весьма человѣка, которой бы могъ или хотѣлъ коварными ухищреніями убавить нѣсколько лѣтъ твоей жизни? Фил. Я бы лучше у самаго его жизнь отнялъ. Неф. Но тѣ еще злѣе и вреди-

тельнѣе, которые съ охотою свою жизнь дѣлают короче. Фил. Правда, ежели есть такіе. Неф. Есть такіе? Всѣ тебѣ подобные то дѣлаютъ. Фил. Хорошо ты говоришь! Неф. Весьма хорошо! Ты разсуди, не справедливо ли говоритъ Плиній, что жизнь человѣческая состоитъ въ бдѣніи, и тѣмъ долѣе человѣкъ живетъ, чѣмъ больше времени на ученіе употребляетъ. Ибо сонъ есть нѣкоторая смерть: для того и стихотворцы вымыслили, якобы онъ изъ ада выходитъ, и Гомеръ называетъ его братомъ смерти. И такъ, которые спятъ, тѣ ни между живыми ни между мертвыми считаются; однако больше между мертвыми. Фил. Видно, что подлинно такъ. Неф. Нынѣ сочти мнѣ, коликую часть жизни у себя отнимаютъ, которые три или четыре часа на сонъ тратятъ. Фил. Вижу, что безмѣрно велика. Неф. Не почелъ ли бы ты за Бога такаго Алхимиста, которой бы десять лѣтъ къ жизни твоей прибавилъ, и въ старости бы далъ юношескую бодрость? Фил. Какъ не почесть? Неф. Сіе божественное благодѣяніе можешь ты самъ себѣ сдѣлать. Фил. А какъ? Неф. Для того, что утро есть юношество дня: предъ полуднемъ еще кипитъ

младость, въ полдень слѣдуетъ мужескій возрастъ, а потомъ вмѣсто старости вечеръ, за вечеромъ захожденіе солнечное, какъ смерть всего дня. Великую прибыль бережливость приноситъ; однако нигдѣ больше, какъ здѣсь. И такъ не великую ли себѣ прибыль принесъ, кто великую и самую лучшую часть жизни тратить пересталъ? Фил. Праведно твое ученіе. Неф. Притомъ видѣть можно, что весьма безстыдна тѣхъ людей жалоба, которые натуру обвиняютъ, что человѣческой жизни толь тѣсные предѣлы положила, когда они сами отъ того, что имъ дано, великую часть теряютъ. Всякаго человѣка жизнь довольно долга, ежели оную бережно употреблять будетъ, и не малой успѣхъ въ томъ состоитъ, ежели кто всякое дѣло въ свое время дѣлаетъ: послѣ обѣда едва стоимъ мы получеловѣка, когда тѣло обремененное пищею умъ отягощаетъ, и при томъ не безопасно жизненные духи, которые въ то время для варенія пищи дѣйствуютъ, выводить въ голову. Послѣ ужины умъ еще менѣе дѣйствуетъ: а по утру человѣкъ, совсѣмъ человѣкъ, когда тѣло ко всѣмъ дѣйствіямъ способно, когда духъ

бодръ и поворотливъ, когда всѣ органы ума тихи и чисты, когда оная божественнаго дыханія часть дышетъ, уподобляется своему началу, и къ частнымъ дѣламъ стремится. Фил. Изрядную ты мнѣ проповѣдь сказываешь. Неф. У Гомера говорятъ Агамемнону, что полководцу не должно спать цѣлую ночь; то кольми паче не прилично толикую часть дня на спанье тратить. Фил. Правда, что не должно полководцу; однако я еще не Генералъ. Неф. Ежели ты что другое любишь больше, нежели себя, то не смотри на слова Гомеровы. Однако ремесленные люди для бѣдной прибыли встаютъ прежде свѣту, то насъ ли любовь къ премудрости возбудить не можетъ, чтобы мы хотя солнца послушались, когда оное къ неоцѣненному пріобрѣтенію насъ возбуждаетъ? Медики даютъ свои лѣкарства всегда почти по утру; а мы оныхъ не знаемъ, когда цѣлить и обогащать душу. Но ежели тебѣ сіи слова не важны кажутся, то послушай, чему учитъ у Соломона небесная премудрость: утреннѣющіи ко мнѣ обрящутъ мя. Въ псалмахъ таинственныхъ коликая есть похвала утренняго времени. За утра превозноситъ Про-

*

рокъ милосердіе Господне, за утра услышанъ бываетъ гласъ его, за утра приходитъ ко Господу молитва его; и у Луки святаго Евангелиста народъ исцѣленія и ученія отъ Господа требующій рано по утру къ нему приходитъ. Что ты вздыхаешь, Филиппъ? Фил. Чуть могу отъ слезъ удержаться, когда на умъ приходитъ, сколько я потерялъ своей жизни. Неф. Что уже напрасно о томъ себя сокрушать, чего не льзя возвратить? Однако оное предбудущимъ стараніемъ наградить можно. И такъ лучше къ тому приложить раченіе, нежели въ пустомъ сѣтованіи о прошедшемъ терять будущее время. Фил. Хорошъ твой совѣтъ; однако мною овладѣла привычка. Неф. Плюнуть: клинъ клиномъ выбиваютъ, а привычка привычкою побѣждена бываетъ. Фил. Весьма трудно отъ того отставать, къ чему кто привыкъ чрезъ долгое время. Неф. Правда, что съ начала трудно, однако первую скуку отмѣнное обхожденіе сперва утоляетъ, а послѣ того перемѣняетъ въ превеликое услажденіе, такъ что о первой скукѣ тебѣ досадовать не должно. Фил. Боюсь, что не удастся. Неф. Ежели бы ты былъ седмидесяти лѣтъ,

то бы я тебя отъ того отвлекать не хотѣлъ, къ чему ты привыкъ; а ты, какъ я думаю, чуть вступилъ въ семнадцатой годъ. Въ такія лѣта чего преодолѣть не можно, только лишь бы была охота? Фил. Истинно, я начну и постараюсь, чтобы мнѣ изъ Филиппа сдѣлаться филологомъ. Неф. Ежели ты такъ сдѣлаешь, то подлинно знаю, что въ краткомъ времени себя въ правду поздравлять, а мнѣ за наставленіе благодарить будешь.

Разговоръ II.

Между Александромъ и Аннибаломъ.

Александръ. Постой, ты Кареагенецъ, мнѣ напередъ итти должно. Ганнибалъ. Я тебѣ не уступлю. Алекс. Хочешь ты со мной судиться предъ Миноемъ? Ганнив. Хочу. Миной. Что вы за люди? Алекс. Александръ и Ганнивалъ. Миной. Оба великіе люди; однако о чемъ вы спорите? Алекс. Кому должно напередъ итти. Сей Африканецъ таковъ нагалъ, что первенство отнять у меня хочетъ, не смотря на то, что я былъ Монархъ всей Азіи, и превеликій воинъ на свѣтѣ. Миной. Должно выслушать его доказательсства: что ты противъ его скажешь, Ганнивалъ?

Ганн. Коль щастливъ я, что буду говорить предъ судьею, которой не будетъ судить пристрастно, но взирать на правду больше, нежели на пустой видъ! И такъ я говорю, что того, которой, равно какъ я, возвысилъ себя своею собственною силою, и щастіемъ своимъ только одному самому себѣ долженъ, надлежитъ предпочесть тому, кто имѣетъ свою славу отъ предковъ. Ибо перешедъ изъ Африки въ Испанію, такъ сказать, съ одной горстью людей, прославилъ я себя своею собственною храбростію. И послѣ смерти моего зятя принявъ все войско въ мое повелительство, усмирилъ я Целтиберовъ и Галловъ, которые лежатъ къ западу. По томъ прешедъ Алпійскія горы, одержалъ я побѣду на трехъ великихъ сраженіяхъ, и убилъ въ одинъ день столько непріятелей, что мѣрялъ я четверикомъ золотые перстни, которые носили конные Римскіе дворяне, и перешедъ чрезъ мостъ изъ убитыхъ полковъ состоявшей, завоевалъ я всю Италію до самаго Рима. Все сіе учинилъ я, не назвавшись Зевесовымъ сыномъ, и не восхотѣвъ себѣ Богу должнаго почтенія. Знатнѣе всего есть то, что я войну имѣлъ не съ Армянами, ни

съ Мидянами, которые прежде сраженія въ бѣгство обращаются, и побѣду оставляютъ тому, кто осмѣлится оной дождаться; но воевалъ съ самыми храбрыми народами и съ Генералами преизкусными во всемъ свѣтѣ. Притомъ все оныя побѣды получилъ я не такимъ войскомъ, которое бы дружно биться издавна пріучено было, ниже солдатами, набранными изъ моего отечества, но наемными и отвсюду сборными людьми. Я не былъ притомъ наслѣдникъ скиптра, но простой гражданинъ Карѳагенской. Александръ напротивъ того принявъ отца своего купно съ короною войско, которое было непобѣдимо, требовалъ еще къ тому щастія, чтобы побѣдить роскошнаго владѣтеля и ослабѣвшихъ отъ сластолюбія народовъ. По томъ ослѣпившись своею побѣдою, отмѣнилъ обычаи своихъ предковъ, убивалъ собственною своею рукою самыхъ лучшихъ своихъ друговъ, а иныхъ отдавалъ на казнь, и велѣлъ себя почитать какъ Бога. Я посредѣ своихъ побѣдъ и торжествъ будучи позванъ въ Африку обратно, чтобы стать противу Сципіона, послушалъ повелѣнія какъ самой меншій гражданинъ. И когда меня тамъ неправедно

осудили, то сносилъ я великодушно свое изгнаніе. Я позабылъ было еще нѣкоторую часть своей славы, что я всѣ оныя дѣла учинилъ, не имѣвъ никакой помощи отъ наукъ, и не учившись у Аристотеля. И ежели Александръ требуетъ преимущества для своей короны, то сіе изрядно въ разсужденіи Персовъ и Македонянъ; а до меня оное ничего не надлежитъ: для того что я не родился его подданнымъ, и былъ прославленъ храбрымъ и премудрымъ Генераломъ, котораго мужеству только щастіе не всегда споспѣшествовало. Миной. Хотя и груба рѣчь, однако не варварская! Что ты, Александръ, на то отвѣчаешъ? Алекс. Слава бы моя была довольна дать мнѣ преимущество, ежели бы я не хотѣлъ оное получить силою разума равно какъ оружіемъ, и торжествовать по моимъ словамъ, какъ по военнымъ дѣйствіямъ. Ибо получивъ наслѣдное владѣніе послѣ своего отца, колеблющееся и возмущенное его смертію, умѣлъ я оное укрѣпить казнію его убицъ, и потрясъ Грецiею, опровергнувъ Ѳивы. Потомъ будучи выбранъ главнымъ предводителемъ противъ варваровъ, простеръ я свою надежду и оружіе далѣе, нежели

другіе, которые прежде меня были. Переправившись чрезъ Еллеспонтъ, побѣдилъ я Даріевыхъ Генераловъ открытымъ боемъ, завладѣлъ всѣми провинціями до Киликіи, побѣдилъ самаго Царя Персидскаго, и въ одинъ день столько Лавровъ собралъ, что Хароновой барки не доставало на перевозъ мертвыхъ; толикое множество ихъ было! Наконецъ, не говоря ни о Тирѣ, ни о Арбеллахъ, покорилъ я всю Азію до Индіи, и самую Индію и Океанъ поставилъ предѣломъ моей Имперіи. И не довольствуясь толиками дѣлами, перешелъ я чрезъ Донъ, побѣдилъ Скиѳовъ, торжествовалъ надъ всѣми непріятелями Греческаго народа, и короны раздѣлялъ по моимъ Генераламъ. И хотя по учиненіи толикихъ дѣлъ человѣческую силу превосходящихъ люди богомъ меня почитали; однако сіе имъ простительно, также и мнѣ, что я на то для утвержденія новой Имперіи соизволилъ. Однимъ словомъ ты видишь предъ собою побѣдителя половины свѣта, у котораго преимущество отнять хочетъ ссыльной, которой умеръ рабомъ нѣкотораго беззнатнаго Царя въ Виѳиніи. Къ сему присовокупить должно, что я всѣ оныя завоеванія учинилъ, какъ левъ,

открытою силою. Напротивъ того Ганнибалъ дѣйствовалъ однимъ коварствомъ, и послѣ побѣжденъ собственнымъ своимъ оружіемъ. Онъ безчеловѣченъ былъ къ побѣжденнымъ; а я напротивъ того милостивъ. Однако онъ имѣетъ позволеніе попрекать мнѣ роскошнымъ моимъ житіемъ, препроводивъ самъ въ Капуѣ долгое время въ сластолюбіи, чрезъ что потерялъ онъ плоды толикихъ побѣдъ? Мои увеселенія не помрачили славы моего оружія; я ожидалъ тріумфовъ, когда и непріятелей не было. Я могъ бы еще и больше сказать въ свое защищеніе; однако мнѣ стыдно больше словъ терять на толь справедливое мое требованіе. Только остается, чтобы нашъ споръ развесть приговоромъ. Сципіонъ. Подожди, Миной. Я имѣю нѣчто представить. Мин. Кто ты таковъ? Сцип. Я Сципіонъ, которой побѣдилъ Ганнибала и покорилъ Карѳагенъ. Мин. Чегожъ ты требовать хочешь? Сцип. Я преимущество хочу отдать Александру, а Ганнивалу не уступаю. Мин. Правдиво твое требованіе: ты поди предъ Ганнивалом, а предъ обѣими Александръ. Больше ничего мнѣ не говорите.

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ

ГОСУДАРЫНѢ

ИМПЕРАТРИЦѢ

ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ,

говоренное Ноября 26 дня 1749 года.

Естьли бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели! въ которой подъ благословенною державою всемилостивѣйшія Государыни нашея покоящіеся многочисленные народы торжествуютъ, и веселятся о преславномъ Ея на Всероссійской престолъ возшествіи, возможно было намъ радостію восхищеннымъ вознестися до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго Ея Владычества, и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца безпрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ ЕЛИСАВЕТЫ; коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы от-

крылось! Коль многоразличными празднующихъ видами духъ бы нашъ возвеселился, когда бы мы себѣ чувствами представили, что во градѣхъ крѣпче миромъ, нежели стѣнами огражденныхъ, въ селахъ плодородіемъ благословенныхъ, при моряхъ отъ военной бури и шума свободныхъ, на рѣкахъ изобиліемъ протекающихъ между веселящимися брегами, въ поляхъ довольствомъ и безопасностію украшенныхъ, на горахъ верьхи свои благополучіемъ выше возносящихъ, и на холмахъ радостію препоясанныхъ, разные обитатели разными образы, разные чины разнымъ великолѣпіемъ, разныя племена разными языками едину превозносятъ, о единой веселятся, единою Всемилостивѣйшею своею Самодержицею хвалятся! Тамъ со благоговѣніемъ предстоя алтарю Господню чинъ священный, съ куреніемъ благоуханій возвышаетъ молитвенные гласы и сердце свое къ Богу о покрывающей и украшающей церковь его въ тишинѣ глубокой; индѣ при радостномъ звукѣ мирнаго оружія достигаютъ до облаковъ торжественные плески Россійскаго воинства, показующаго свое усердіе къ благополучной и щедрой своей Государынѣ.

Тамъ сошедшись на праздничное пиршество градоначальники и граждане, въ любовной бесѣдѣ воспоминаюшъ шруды Пеtровы совершаемые нынѣ бодростію Августѣйшія Его Дщери; индѣ по прошествіи плодоноснаго лѣша, при полныхъ жишницахъ ликуя, скачушъ земледѣльцы, и простымъ, но усерднымъ пѣніемъ Покровишельницу свою величаюшъ. Тамъ плаватели покоясь въ безопасномъ присшанищѣ, въ радосши волненіе воспоминаюшъ, и сугубымъ веселіемъ день сей препровождаюшъ; индѣ по просшраннымъ полямъ Асійскимъ разъѣзжая сшепные обиташели, хишрымъ искусствомъ сшрѣлы свои весело пускаюшъ и показуюшъ, коль они гошовы устремишь ихъ на враговъ своея Повелишельницы. Но хошя естественные предѣлы силъ человѣческихъ не дозволяюшъ радосшному взору нашему до шоликаго возвышенія достигнушь и шоликимъ зрѣніемъ насладишься; однако духомъ возносимся, ревностными крилами мыслей возлешаемъ, и всеобщія увеселенія повсюду видимъ умными очами, которыя наипаче къ древнему царствующему граду вожделѣннымъ присушсшвіемъ Всепресвѣшлѣйшія Государыни нашея осіянному проспираюшся.

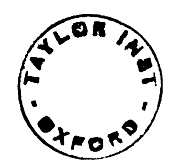
Часто мысленный взоръ нашъ, обозрѣвъ разные торжествъ образы, благословенное ея владѣніе въ день сей украшающіе, на пресвѣтлое Ея лице обращается, и разсѣянныя повсюду увеселенія на немъ единомъ находитъ. На немъ истинное благочестіе веселящее церковь, на немъ мужественную бодрость укрѣпляющую воинство, на немъ кроткое правосудіе, примѣръ судящимъ и отраду судимымъ дающее, на немъ прозорливую премудрость на отдаленныя мѣста и на грядущія времена взирающую, ясно и въ отсутствіи видимъ, и равно какъ въ присутствіи благоговѣйно почитаемъ. Но кто ревностнымъ усердія зрѣніемъ яснѣе оный видитъ, какъ сіе для распространенія Наукъ въ Россіи ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ установленное Общество, несказаннымъ Ея великодушіемъ обновленное? Ни горы, ни лѣсы закрыть не могутъ божественнаго Ея зрака начертаннаго въ душахъ нашихъ. Обращаются предъ нами живо Ея сладчайшія уста повелѣвающія насъ возставить, и очи человѣколюбно къ намъ сіяющія, и щедрая рука подписующая благополучіе наше. Ободритъ начинающіяся науки, не щадя своихъ иждивеній; утвердитъ ихъ

благосостояніе, предписавъ полезные законы; оградить своею милостію, принявъ въ собственное свое покровительство; отворить имъ къ себѣ свободной доступъ, поручивъ ихъ доброхотному предстателю изъ своихъ ближайшихъ; есть толь великое благодѣяніе, которое въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ во вѣки незагладимо пребудетъ, и за которое мы, по всей возможности и силѣ нашей стараясь о приращеніи наукъ, и превозносящ великую благодѣтельницу похвалами, дѣломъ и словомъ благодареніе приносить должны.

Но когда наипаче къ изъявленію благодарности нашей должно быть намъ возбужденнымъ, какъ въ сей торжественный день пресвѣтлымъ Ея на отеческій престолъ возшествіемъ осіянный, въ который съ нашимъ особливымъ веселіемъ общее празднество соединяется! Не можетъ неописанная радость наша въ тѣсныхъ предѣлахъ сердца нынѣ удержаться, но на лице и на языкъ изливается. Напрягаются крайнія силы разума и слова изобразить Монаршескія Ея добродѣтели, увеселеніе подданныхъ, удивленіе свѣта, славу и украшеніе временъ нашихъ.

Велико дѣло и мѣру моего разума превосходящее предпріемлю, когда при толь знатномъ собраніи, именемъ сего ученаго общества за несказанное благодѣяніе величайшей на свѣтѣ Государынѣ благодареніе и похвалу приносить начинаю. Но разсудивъ прилѣжно, обрѣтаю оное легко и способно: ибо гдѣ обильнѣйшую матерію сыскать краснорѣчія, гдѣ обширнѣе распространиться разумъ, гдѣ быстрѣе устремиться искренняя ревность можетъ, какъ въ преславныхъ добродѣтеляхъ толь великія Монархини? Когда языкъ мой щедротами Ея ободренный удобнѣе обращаться, когда голосъ мой великодушіемъ Ея укрѣпленный громче возвыситься можетъ, какъ проповѣдуя и превозносся несравненныя Ея достоинства? Не снисканіемъ многословнаго мыслей распространія увеличено, не витіеватымъ сложеніемъ замысловъ, или пестрымъ преложеніемъ реченій украшено, ниже риторскимъ пареніемъ возвышено будетъ сіе мое слово: но все свое пространство и величество отъ несравненныхъ свойствъ Монархини нашея, всю свою красоту отъ прекрасныхъ Ея добродѣтелей, и все свое возвышеніе отъ устремленія къ ней искренняя

ревности пріиметъ. Ибо приносится благодареніе Государынѣ благочестивѣйшей: свидѣтельствуютъ созидаемые и украшаемые храмы Господни, пощенія, молебства и трудныя путешествія благоговѣнія ради. Приносится благодареніе Государынѣ мужественной: свидѣтельствуютъ надъ внутренними и внѣшними врагами Ея преславныя побѣды. Приносится благодареніе Государынѣ великодушной: свидѣтельствуютъ прощенныя преступленія внутреннихъ и продерзости внѣшнихъ непріятелей и кроткое наказаніе Ея злодѣевъ. Приносится благодареніе Государынѣ премудрой: свидѣтельствуютъ прозорливо предпріемлемыя учрежденія, внутреннее и внѣшнее спокойство утверждающія. Приносится благодареніе Государынѣ человѣколюбивой: свидѣтельствуетъ матернее къ подданнымъ Ея снисходительство и возлюбленная къ нимъ кротость. Приносится благодареніе Государынѣ премилосердой: свидѣтельствуетъ безчисленное множество свобожденныхъ отъ смерти и данный Ей отъ Бога мечъ на казнь повинныхъ кровію еще необагренный. Приносится благодареніе Государынѣ прещедрой: свидѣтелствуетъ преизобильное

снабдѣніе вѣрности, избыточествующее заслугъ награжденіе, споможеніе добродѣтельной скудости и возстановленіе нещастіемъ раззоренныхъ. Въ пріятномъ и великолѣпномъ раю разумъ мой нынѣ обращается, и отъ одной цвѣтущей добродѣтели отвлекается красотою другія! Всѣ преславны, всѣ прелюбезны! Изъ всѣхъ явствуетъ, коль благодаренъ есть корень, отъ котораго сей насажденный добродѣтелями виноградъ произрастши процвѣтаетъ. Изъ всѣхъ достоинствъ Монархини нашея показуется, коль велики были Ея предки, которыми оживленная, возставленная, укрѣпленная, возвеличенная, просвѣщенная Россія нынѣ надъ всѣми земными царствами главу свою возноситъ, которыхъ славныя дѣла и заслуги къ отечеству неменше надлежатъ къ похвалѣ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, нежели кровь оныхъ къ Ея рожденію послужила. Для того описалъ бы я нынѣ вамъ младаго Михаила, для стенанія и слезъ прадѣдовъ нашихъ пріемлющаго съ вѣнцемъ Царскимъ тяжкое бремя поверженныя Россіи, обновляющаго разсыпанныя стѣны, сооружающаго раззоренные храмы, собирающаго разточенныхъ гражданъ, напол-

няющаго расхищенныя государственныя сокровища, исторгающаго корень Богоотступныхъ хищниковъ Россійскаго престола, и Москву отъ жестокаго пораженія и глубокихъ ранъ исцѣляющаго; изобразилъ бы я нынѣ премудраго и мужественнаго АЛЕКСІЯ, бодрымъ своимъ духомъ ободряющаго Россію, начавшую паки двигать свои мышцы, утверждающаго благополучіе подданыхъ спасительными законами, полки военною наукою, церьковь истребленіемъ ереси, простирающаго побѣдоносный мечъ свой на Сарматію, и Россіи издревлѣ принадлежащія великія княжества праведнымъ оружіемъ Россіи возвращающаго; представилъ бы я ПЕТРА именемъ ВЕЛИКАГО, дѣлами бо́льшаго, влiянною себѣ отъ Бога премудростію просвѣщающаго Россію и мужествомъ вселенную устрашающаго, единою рукою мечъ и Скипетръ обращающаго, къ художествамъ простирающаго другую, правленіемъ всѣхъ земныхъ Монарховъ, трудами рабовъ своихъ превосходящаго, искореняющаго невѣжество и науки насаждающаго, наполняющаго новыми полками землю и море новымъ флотомъ покрывающаго, военные свои законы собственнымъ при-

мѣромъ утверждающаго, и славу свою со славою отечества до небесъ возносящаго; начерталъ бы я въ умахъ вашихъ Героиню прекрасную Августѣйшую ЕКАТЕРИНУ, среди варварскихъ набѣговъ, среди гремящаго оружія, среди шумящихъ ядръ непоколебиму духомъ, премудрому Государю премудрые совѣты дающую, вѣнчаему потомъ Его рукою, и пресѣченныя смертію предпріятыя дѣла многотрудившагося Россійскаго Геркулеса на рамена свои пріемлющую: но слово мое къ собственнымъ добродѣтелямъ и достоинствамъ Монархини нашея поспѣшаетъ; на нихъ единыхъ истощитъ всю свою силу, не изчисляя подробну, но токмо знатнѣйшія представляя. Того ради не изображаю словомъ блистающія лѣпоты лица Ея, являющія прекрасную душу, ни сановитаго возраста Монархинѣ приличнаго, ни величественной главы къ ношенію вѣнца рожденной, ни устъ щедроту источающихъ, ни очей воззрѣніемъ оживляющихъ. Ибо ко всѣмъ человѣколюбивая Государыня взоръ свой обращаетъ. Всякъ видитъ, всякъ въ умѣ своемъ изображаетъ, что такъ ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ обращалъ свои очи, взирая на обновляющуюся Россію;

тако произносилъ свой голосъ, укрѣпляя воинство и ободряя къ трудамъ подданныхъ; тако простиралъ свою руку, учреждая художества и науки, повелѣвая устроить полки ко брани и выходить флоту въ море; тако возносилъ главу, въѣзжая въ побѣжденные грады, и попирая поверженное непріятельское оружіе; толь бодро шествовалъ, осматривая свои начинающіяся стѣны, строящіеся корабли, исправляющіеся суда, и среди моря со дна возстающія пристани и крѣпости: не представляю внѣшнихъ Монархини нашея достоинствъ, но внутренніи душевныя токмо изобразить потщусь Ея дарованія, которыхъ лику предходитъ любезное Богу, любезное человѣкамъ благочестіе, крѣпкое утвержденіе государствъ, красота вѣнцевъ Царскихъ, непостыдная надежда во брани, не разрывное соединеніе человѣческаго общества. Коль великія нестроенія, брани и человѣкоубійства въ народахъ единой крови и единаго языка отъ раздѣленія вѣры происходятъ; толь напротивъ того крѣпко взаимнымъ любви союзомъ сопрягаетъ ихъ единство вѣры, которая хотя много ученіемъ, однако больше примѣрами укрѣпляется. Благо-

получна Россія, что единымъ языкомъ едину вѣру исповѣдуетъ, и единою благочестивѣйшею Самодержицею управляема великій въ Ней примѣръ къ утвержденію въ православіи видитъ. Видитъ повсюду какъ звѣзды небесныя блистающія и Ею сіяніе свое умножающія церкви; съ удивленіемъ взираетъ, что толь многихъ Государствъ Повелительница, которой земля, море и воздухъ къ удовольствію служатъ, часто твердостію вѣры укрѣпляема строгимъ пощеніемъ и сухояденіемъ тѣло свое изнуряетъ; которой нетокмо великолѣпныя колесницы и избранные кони, но и руки и главы сыновъ Россійскихъ къ ношенію готовы, вперенна усердіемъ купно съ подданными далекій путь къ мѣстамъ священнымъ пѣшешествуетъ. Коль горячимъ усердіемъ воспаляются сердца наши къ Вышнему, и коль несомнѣнно милосердія Его себѣ ожидаемъ, когда купно съ нами предстоящую и молящуюся съ крайнимъ благоговѣніемъ свою Самодержицу предъ очами имѣемъ! Коль мужественно дерзаютъ противъ сопостатовъ Россійскіе воины, зная, что Богъ крѣпкій во брани, Богъ благочестивѣйшую ихъ Государыню любящій, купно съ ними на сраженіе вы-

ходитъ! Коль великою радостію восхищаются мѣста священныя, посѣщаемыя часто Ея Богоугоднымъ присутствіемъ! Украшенная святымъ Ея усердіемъ, аки невѣста въ день брачный, торжествующая Россійская церковь, блистая порфирою и златомъ, и паче радостію сіяя, возвышается окруженна славою къ пресвѣтлому жениха своего престолу, и показуя ему свое великолѣпіе, вѣщаетъ: такъ украшаетъ меня на земли возлюбленная Твоя ЕЛИСАВЕТА; украси державу и вѣнецъ Ея неувядающею добротою славы: возноситъ рогъ мой въ поднебесной; вознеси Ее надъ всѣми обладательми земными: посѣщаетъ меня посѣщеніемъ усерднымъ; посѣти Ее благодатію твоею неотступно: утверждаетъ столпы мои въ Россіи; утверди здравіе Ея непоколебимо: споспѣшествуетъ мнѣ въ побѣжденіи невѣрія; споспѣшествуй Ей въ побѣжденіи гордыхъ и завистливыхъ супостатовъ, и благословеніемъ твоимъ и силою твоею свыше осѣни Ея воинство. Сему священному церкви святыя гласу согласуется всѣхъ подданныхъ желаніе; по сему вѣруемъ, что непобѣдимый благочестивыхъ поборникъ славы Господь во всѣхъ предпріятіяхъ и дѣ-

лахъ Августѣйшія Единодержицы нашея есть предводитель и защитникъ, и высокою десницею своею управляетъ Ея мужествомъ, которому ни внутрь Россіи вкоренившіеся, ни отвнѣ наступающіе непріятели не могли стать противу. Сіи побѣждены въ едино лѣто, а оные въ едину ночь низвержены. Окруженный крѣпкою стражею вѣнецъ отеческій и Скипетръ сильною рукою держимый и великою властію объятую Россію взять въ свое повелительство есть дѣло и мужескому сердцу страшное и великому Герою едва преодолимое. Но Богомъ предводимая Героиня наша съ малымъ числомъ вѣрныхъ сыновъ отечества презираетъ всѣ препятства, безъ пролитія крови торжествуетъ, и къ общей нашей радости пріемлетъ свое наслѣдство. Чудное и прекрасное видѣніе въ умѣ моемъ изображается, когда себѣ представляю, что предходитъ со крестомъ Дѣвица, послѣдуютъ вооруженные воины! Она отеческимъ духомъ и вѣрою къ Богу возпаляется, они ревностію къ ней пылаютъ; Она исполнитъ желаніе всѣхъ Россіянъ, они изволеніе тоя совершитъ поспѣшаютъ; Она приближаясь къ побѣдѣ, кровопролитной побѣды не же-

лаетъ, они всему свѣту стать противу за оную усердствуютъ. Но что сему послѣдуетъ? Омертвѣли стрегущіе, видя пришествіе Петровой Дщери, и безчувственное оружіе предъ законною своею Государынею изъ трепещущихъ рукъ падши преклонилось! Просвѣтился Монаршескій домъ Ея входомъ, возсіялъ престолъ вступленіемъ, и веселящимся Россіянамъ казалось, что и стѣны Петровы двигались радостію оживленны. Ужаснулись тогда вѣроломные Балтійскіе бреги; приступающіе уже къ предѣламъ нашимъ кичливые супостаты оцѣпенѣли, и завистливый взоръ свой вспять обращая, больше о бѣгствѣ, нежели о сраженіи помышляли. Изображался въ устрашенныхъ умахъ ихъ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ въ мужественной своей Дщери живущій; представлялись имъ отцы ихъ въ мысли, лежащіе въ крови своей на поляхъ Полтавскихъ, и многія тысячи ихъ народа ведомаго въ плѣнъ на отдѣленныя половиною свѣта степи; мечтались имъ горящіе ихъ грады и веси, приготовленныя Россійскія галеры ходить по суху, какъ по морю: россійскія галеры и выѣзжающіе противъ ихъ изъ волнъ морскихъ всадники.

Правда, что побѣждены уже были непріятели при стѣнахъ Вильманстрандскихъ, однако сраженіе было жестоко; чувствовали храбрыя Россійскія руки сопротивленіе, и побѣда куплена немалымъ пролитіемъ крови. Но когда Отеческій скипетръ и мечъ приняла мужественная ЕЛИСАВЕТА, тогда какъ нѣкоторымъ бурнымъ дыханіемъ возметаемы непріятели съ трепетомъ въ бѣгство обратились; и при защищеніяхъ своихъ, при крѣпкихъ стѣнахъ, при непроходныхъ засѣкахъ и при рѣкахъ быстрыми водами стремящихся не токмо противиться не дерзнули, но и оглянуться на нихъ едва смѣли, видя, что ни топкія болота, ни мшистыя озера, ни стремнины крутыя не могутъ препятствовать праведному Елисаветину гнѣву и ревности молніеносныхъ Ея воиновъ. Наконецъ такъ утѣснены отвсюду, такъ окружены были моремъ и землею отъ Россійской силы, что естьли бы не толь великодушную побѣдительницу имѣли, то никто бы изъ нихъ спасенъ не былъ, и о конечной бы ихъ погибели въ отечествѣ ихъ возвѣстить было нѣкому, кромѣ звучныя славы ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА. Сія побѣда тѣмъ паче прочихъ была

предивна, что казалось, якобы и Марсъ, подражая кроткому Государыни нашея нраву, ненавидѣлъ пролитія человѣческія крови; и вся Европа разсуждала, что Россія не войну съ непріятельми имѣла, но токмо продерзкихъ вѣроломцевъ за неистовство наказала. За сродное Государыни нашея свойство вселенная почитаетъ поступать со врагами великодушно. Сего не токмо при совершенномъ внѣшнихъ непріятелей посрамленіи, но еще во время преславнаго Ея на Отеческій престолъ вступленія великій примѣръ надъ внутренними супостатами Ею показанъ. Прибѣгла къ Ней смущенная Россія, и гласомъ избранныхъ сыновъ своихъ вѣщала: пріими меня въ матернія Твои объятія, пріими наслѣдную Твою державу, и врожденнымъ тебѣ бодрымъ отеческимъ духомъ презирай всѣ препятства. Надѣйся на Бога: онъ праведному Твоему предпріятію предводитель будетъ. Надѣйся на себя: ты едина истинная Наслѣдница; ты Дщерь моего Просвѣтителя. Надѣйся на меня: я всѣ свои силы подвигну къ твоему защищенію, и чрезъ главы и трупы твоихъ непріятелей отворю путь къ престолу. Но великодушная Государыня

паче изволила наслѣдной своей короны до времени лишаться, нежели оной доступать пролитіемъ крови, и наконецъ больше опасаясь бѣдствія Отечеству, нежели себѣ величества желая, склонилась къ правленію, или вящше къ сохраненію государства. Возшедъ на высоту толикія власти, отлучившимъ Ея отъ законнаго наслѣдства, согрубившимъ неистовою гордостію и безсовѣстнымъ утѣсненіемъ огорчившимъ кое мщеніе наноситъ? По закону Божію, по государственнымъ правамъ и по желанію Россійскаго народа на лютую смерть и на растерзаніе осужденныхъ токмо отдаленіемъ отъ пресвѣтлаго лица своего наказуетъ; недостойныхъ жизни токмо самовольныя жизни лишаетъ, и великое возшествія своего геройское дѣло украшаетъ крайнимъ своимъ великодушіемъ, которымъ такъ обильно одарена Монархиня наша, что оное въ пространной Россіи не вмѣщается, но истекаетъ и ко внѣшнимъ народамъ. Побѣждена Швеція Ея великодушіемъ; страшится Ея непобѣдимыя силы, но больше чудится великому и благородному духу. Ибо пріобрѣтши толь великія преимущества непобѣдимая Государыня, съ побѣжденными

въ конецъ миръ заключаетъ; но справедливѣе сказать, преступившимъ вину прощаетъ. Кто всю врага своего силу въ рукахъ имѣетъ, и всю свою волю надъ нимъ исполнить можетъ, однако отдаетъ все обратно, и уже поверженнаго и противиться немогущаго возставляетъ, тотъ не больше ли прощаетъ, нежели примиряется? Но далѣе простирается прехвальная сія Монархини нашея добродѣтель; большій примѣръ великодушія показуетъ Россійская Героиня. Ибо не токмо отпустивъ врагамъ своимъ продерзость, миръ и тишину и земли покоренныя возвращаетъ, но и оружіе свое простираетъ къ ихъ защитѣ; отвращаетъ съ другой страны грозящую имъ войну, и наслѣдство ихъ престола купно съ вольностію утверждаетъ. Сіе разсуждая и взирая на цвѣтущее состояніе Россійскаго государства, на изобиліе пространнаго нашего Отечества и на умѣренность, съ которою Государыня наша толикое множество покланяющихся Ей народовъ управляетъ, возможно ли помыслить вамъ, сосѣды наши, чтобы Ея благородное сердце къ присвоенію чужихъ земель склонилося? Имѣющая толикое пространство полей плодо-

носныхъ, болотъ ли непроходимыхъ пожелаетъ? Простирающая Скипетръ свой на протекающія въ Ея послушаніи изобильныя и великій Нилъ превосходящія рѣки, на зыбучіе ли мхи польстится? Господствующая въ земли медъ и млеко точащей, на камни ли неплодные съ желаніемъ взирать будетъ? Что храброе Россійское воинство ко брани устроено, что флотъ готовъ къ покрытію водъ Балтійскихъ, что всѣ военныя пріуготовленія успѣваютъ, сіе все не войну отъ Россіи наносимую предвозвѣщаетъ, но показуетъ мремудрость прозорливыя нашея Героини. Искусный мореплаватель, не токмо въ страшное волненіе и бурю, но и во время кротчайшія тишины бодрствуетъ, укрѣпляетъ орудія, готовитъ парусы, наблюдаетъ звѣзды, примѣчаетъ перемѣны воздуха, смотритъ на возстающія тучи, изчисляетъ разстояніе отъ береговъ, мѣритъ глубину моря, и отъ потаенныхъ водою камней блюдется. Подобнымъ образомъ премудрая ЕЛИСАВЕТА хотя радуяся, взираетъ на своихъ подданныхъ наслаждающихся дарованнымъ отъ ней возлюбленнымъ покоемъ; однако и о будущей ихъ безопасности печется; ограждаетъ

распростертымъ по земли и по морю оружіемъ, и тѣхъ, которые мечемъ не могутъ, но мыслями воюютъ, проницательнымъ окомъ назираетъ; открываетъ потаенныя тихими струями лести непріятельскія коварства; разсуждаетъ о прошедшемъ, разсматриваетъ настоящее, будущее предвидитъ. Того ради естьли кто изъ завистниковъ благополучія нашего дерзнетъ неистовымъ, или коварнымъ озлобленіемъ миролюбивое Монархини нашея сердце на гнѣвъ подвигнуть, то познаетъ о всемъ премудрый Ея промыслъ, и хотя онъ пространными морями, великими рѣками, или превысокими горами отъ насъ покрытъ и огражденъ будетъ; однако почувствовавъ свое наказаніе, помыслитъ, что изсякло море, прекратили теченіе рѣки, и горы опустившись, въ равныя поля претворились: помыслитъ, что не флотъ Россійскій, но цѣлая Россія къ брегамъ его пристала. Покойся въ радости, возлюбленное отечество, и безмятежнымъ вѣкомъ подъ кровомъ премудрыя твоея повелительницы наслаждайся! Коль безопасно твое благополучіе! Коль несравненно съ прочими твое блаженство! Другіе на дымящіяся развалины раззоренныхъ отъ

непріятеля градовъ своихъ со слезами взираютъ; но ты на возходящія къ облакамъ новыя великолѣпныя зданія радостный взоръ возводишь. Другіе день и ночь страхомъ объяты трепещутъ, видя съ обнаженными мечами бѣгающихъ другъ за другомъ гражданъ и единородную кровь по стогнамъ проливающихъ; но ты единодушныхъ сыновъ единыя общія всѣхъ Матери согласнымъ подданствомъ украшаешся. Иные отъ пресѣченія купечества, отъ разрушенія художествъ, отъ попранія земледѣльства наготу и алчбу претерпѣваютъ; но въ тебѣ купечеству пути открыты, отворены пристани, наполнены богатствомъ торжища, возрастаютъ науки и художества, и житницы твои преизобилуютъ. Иные хотя отъ военнаго шума и страха свободились, однако видятъ плачевные слѣды своихъ супостатовъ, и суровой оныхъ видъ ясно еще изображается въ ихъ мысляхъ; но тебя въ безпрерывной тишинѣ покоящуюся ниже въ сонныхъ привидѣніяхъ военные страхи возмущаютъ. Сіе твое дражайшее и святое спокойство отъ единаго премудраго попеченія прозорливыя твоея Государыни происходитъ. Ея провидѣніе и про-

мыслъ довольствуетъ тебя изобиліемъ, увеселяетъ общимъ согласіемъ, обогащаетъ купечествомъ и безмятежнымъ земледѣльствомъ, украшаетъ возлюбленнымъ миромъ, и громкою твоею славою вселенную наполняетъ. Сіе совершенное наше удовольствіе, общее увеселеніе, обильное обогащеніе, пріятное украшеніе, сію всемірную нашу славу умножаетъ несравненная Монархиня божественнымъ своимъ человѣколюбіемъ, когда возвышенная до толикой высоты власти и величества, которой уже человѣческое могущество превзойти не можетъ, крайнимъ къ подданнымъ своимъ снисходительствомъ превыше смертныхъ жребія возходитъ. Что пріятнѣе человѣческому сердцу, и что чрезвычайнѣе на свѣтѣ быть можетъ, какъ Государыню, Повелительницу величайшей части свѣта, отъ всѣхъ племенъ и Владыхъ земныхъ почитаемую, ласковымъ взоромъ, кроткою бесѣдою и милосердымъ пріятіемъ рабовъ своихъ удостоевающую видѣть? Но мы таковымъ пріятнымъ зрѣніемъ услаждаемся по вся дни. Отличается человѣколюбивая Государыня наша отъ великаго множества окружающихъ Ея подданныхъ не кичливымъ возрѣніемъ, не

уничтожительнымъ гласомъ, не страшнымъ повелѣніемъ, но прекраснымъ величествомъ, тихою властію, благороднымъ снисходительствомъ и нѣкоторою божественною силою вливающею несказанную радость въ сердца наши. Обращается при вратахъ пресвѣтлаго Ея дому не ужасъ и трепетъ, но кроткое человѣколюбіе, привлекающая сердца всѣхъ милость и надѣжный стражъ Величества вѣрная любовь подданныхъ. Входящіе въ него не озираются безпрестанно, стѣнъ самихъ ужасаясь, ниже трепещущія стопы сомнительно простираютъ; но предваряющему ихъ веселію едва въ слѣдъ успѣвая, въ священные Ея чертоги свѣтлымъ лицемъ шествуютъ. Нѣтъ нужды испытать сокровенныя ихъ мысли: является у каждаго на очахъ красота общаго удовольствія, и на распростертыхъ челахъ радостныхъ сердецъ знаки написаны. Коль пріятнымъ чувствіемъ обливаются сердца взирающихъ на толь снисходительное Величество! И кое прохлажденіе втекаетъ въ кровь оцѣпенѣвающихъ повинныхъ, когда о милосердіи своея Государыни помышляютъ, къ изображенію котораго человѣческое слово едва довольно быть можетъ! Ничто есть толь по-

хвально, какъ кротость, ни единой добродѣтели благоутробія нѣтъ любезнѣе, ничѣмъ естество человѣческое къ божественнымъ свойствамъ не подходитъ ближе, какъ прощеніемъ повинныхъ и свобожденіемъ отъ надлежащей казни. Но гдѣ велегласнѣе милость на судѣ хвалится, гдѣ крѣпче объемлется правосудіе и милосердіе, гдѣ обвиненіе и прощеніе тѣснѣе сопрягаются, гдѣ осужденіе и свобожденіе союзнѣе другъ друга лобзаютъ, какъ предъ Высочайшимъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА престоломъ? Пускай другіе, лишая жизни, обагряя мечъ свой кровію, умаляя число подданныхъ, повергая предъ народомъ растерзанные человѣческіе члены, устрашить злыхъ и пороки истребить тщатся; но премилосердая Монархиня наша больше благоутробіемъ и щедротою успѣваетъ. Пускай другіе ужасными, но Мати Россійская радостными примѣрами исправляетъ человѣческіе нравы. Иные строгою и нерѣдко безчеловѣчною казнію хотятъ искоренить злобу; но Она щедрымъ награжденіемъ вкореняетъ добродѣтель. Естьли кто, имѣя великій садъ, только объ одномъ истребленіи тернія печется, забывъ плодоносныя древа и прекрасные цвѣты напаять по-

*

требною влагою, тотъ не въ долгомъ времени увидитъ древа свои сухи и безплодны и цвѣты увянувшіе отъ зноя; напротивъ того кто древа плодоносныя и процвѣтающія травы въ пристойное время орошаетъ, презирая плевы и токмо прохожденіемъ попирая, тотъ насладится изобиліемъ древъ плодоносныхъ и красотою цвѣтовъ возвеселится, которые усилившись, изсушатъ тучность и соки негодныхъ и вредныхъ прозябеній, прекратится тѣхъ ращеніе и корень изтлѣетъ. Подобнымъ образомъ хотя и полезно есть строгое надъ повинными исполненіе законовъ, но безъ награжденія добродѣтели тщетно, и больше приводитъ въ уныніе добрыхъ, нежели злыхъ исправляетъ: напротивъ того награжденіе добродѣтели и снабдѣніе заслугъ при кроткомъ наказаніи пороковъ едино сильно, едино къ исправленію народовъ человѣческихъ довольно: ибо чувствуя себя презрѣнныхъ и попранныхъ злые, и видя возвышенную добродѣтель, наслаждающуюся праведною своею мздою, завистію угрызаемы изтаютъ, или обратившись, ревностнымъ подражаніемъ того же достойными себя учинить стараться будутъ. Таковымъ благоразумнымъ

милосердіемъ щедрая Государыня въ распростирающейся широко Россіи расплодить добродѣтель и пороки искоренить тщится! Наказуетъ матерски, Монаршески снабдѣваетъ, исправляетъ безъ строгости, съ избыткомъ награждаетъ, воскрешаетъ избавленіемъ преступившихъ, заслужившихъ благодѣяніемъ ободряетъ. Таковую ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА особливую добродѣтель хотя всякъ вѣрный подданный, хотя все Россійское Государство чувствуетъ, хотя повсюду щедрая Ея рука обильные дары изливаетъ, такъ что скорѣе голосъ мой ослабѣетъ, языкъ притупится и слово оскудѣетъ, нежели подробну Ея благодѣянія изчислить; однако учрежденное отъ дражайшихъ Ея Родителей сіе собраніе великодушнымъ щедролюбивыя Государыни призрѣніемъ такъ удовольствовано и такъ снабдѣно, что крайнѣйшею благодарностію усердствуя, ни вящшаго себѣ благополучія представить, ниже къ засвидѣтельствованію своего удовольствія и рабской искренности удобныхъ способовъ изобрѣсти можетъ. Сіе благодѣяніе тѣмъ больше, тѣмъ преславнѣе и Петровой Дщери достойнѣе, что не токмо до насъ единыхъ, не токмо до учащагося

здѣсь юношества, но до всякаго чина и званія, до всего Россійскаго Государства, до всего рода человѣческаго касается. Ибо нетокмо мы довольствуясь ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА щедротами, иные въ откровеніи естественныхъ таинъ и въ изслѣдованіи пречудныхъ дѣлъ премудраго Создателя въ спокойствѣ услаждаемся; иные преподая наставленіе учащимся, съ радостію чувствуемъ являющіеся плоды трудовъ нашихъ; не токмо учащіеся питаемы обильною Ея рукою безъ попеченія о своихъ потребностяхъ, только о наученіи стараться могутъ, но общее благополучіе предлагается. Нѣтъ ни единаго мѣста въ просвѣщенной ПЕТРОМЪ Россіи, гдѣ бы плодовъ своихъ не могли принести науки; нѣтъ ни единаго человѣка, которой бы не могъ себѣ ожидать отъ нихъ пользы. Что святѣе и что спасительнѣе быть можетъ, какъ поучаясь въ дѣлахъ Господнихъ, на высокій славы его престолъ взирать мысленно, и проповѣдывать его величество, премудрость и силу? Къ сему отворяетъ Астрономія пространное рукъ его зданіе: весь видимый міръ сей и чудныхъ дѣлъ его многообразную хитрость Физика показуетъ, подая обильную и богатую

матерію къ познанію и прославленію Творца отъ твари. Что полезнѣе есть человѣческому роду ко взаимному сообщенію своихъ избытковъ, что безопаснѣе плавающимъ въ морѣ, что путешествующимъ по разнымъ Государствамъ нужнѣе, какъ знать положеніе мѣстъ, теченіе рѣкъ, разстояніе градовъ, величину, изобиліе и сосѣдство разныхъ земель, нравы, обыкновенія и правительства разныхъ народовъ? Сіе ясно показуетъ Географія, которая всея вселенныя обширность единому взгляду подвергаетъ. Чѣмъ военныя сердца вящше къ мужественному противъ враговъ дѣйствію и къ храброму защищенію отечества побуждаются, какъ славными примѣрами великихъ Героевъ? Сіи приводитъ на память Исторія и Стихотворство, которое прошедшія дѣянія живо описуя, какъ настоящія представляетъ: обоими прехвальныя дѣла Великихъ Государей изъ мрачныхъ челюстей ѣдкія древности исторгаются. Что превосходнѣе себѣ представить можно, какъ такое средство, которое управляетъ разумъ, показуетъ непрелестный путь произволенію, укрощаетъ человѣческія страсти, и естественные и гражданскіе законы утверждаетъ? Сіе исполняетъ

философія. Что есть человѣку жизни своей дороже и что любезнѣе здравія? Обои сіи Медициною сохраняются и продолжаются. Что въ человѣческомъ обществѣ нужнѣе есть употребленія разныхъ махинъ и знанія внутренняго вещей сложенія? Сіе открываетъ Химія; Механика оныя составляетъ. Всѣ сіи точною и осторожною Математикою управляются. Всѣ къ приращенію блаженства человѣческаго хотя разными образы, однако согласною пользою служатъ. Но всѣ сіи чрезъ особливое щедролюбивыя Государыни нашея благодѣяніе въ Россіи умножатся, процвѣтутъ, и принесутъ обильные плоды въ свое время. Произраститъ здѣсь насажденное ПЕТРОМЪ, огражденное милостію и напоенное щедротою достойныя толикаго Родителя ДЩЕРИ прекрасное премудрости древо; возраститъ и вѣтьви свои распрострeтъ по всей вселенной. Отверзта богатою ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА рукою широкая дверь наукамъ въ пространную Россію, въ которой онѣ во всякомъ довольствіи и въ полной безопасности распростираясь, новое приращеніе, новое украшеніе, новое просвѣщеніе и новую славу пріобрящутъ, и въ новомъ великолѣпіи на нечаянной

высотѣ, на самомъ верьху своего совершенства поставленныхъ себя всему свѣту покажутъ, и полнымъ своимъ сіяніемъ оставшуюся ночь варварства изъ самыхъ отдаленныхъ и нынѣ еще едва извѣстныхъ мѣстъ разсыплютъ. Ибо гдѣ удобнѣе совершиться можетъ звѣздочетная и землемѣрная наука, какъ въ обширной ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА державѣ, надъ которою солнце цѣлую половину своего теченія совершаетъ, и въ которой каждое свѣтило восходящее и заходящее въ едино мгновеніе видѣть можно? Многообразные виды естественныхъ вещей и явленій гдѣ способнѣе изслѣдовать, какъ въ поляхъ великое свое пространство различнымъ множествомъ цвѣтовъ украшающихъ, на верьхахъ и въ нѣдрахъ горъ выше облаковъ восходящихъ и разными сокровищами насыпанныхъ, въ рѣкахъ отъ знойныя Индіи до вѣчныхъ льдовъ протекающихъ, и на многихъ пространныхъ моряхъ полныхъ дивными Божіими чудесами, подъ ЕЛИСАВЕТИНОЮ державою волны свои преклоняющихъ? Гдѣ безопаснѣйшее жилище Музы обрѣсти могутъ, какъ въ пространной и безмятежной Россіи, прозорливостію Монархини нашея успокоенной и непобѣдимою

Ея силою огражденной? О коль великое благодѣяніе отъ сего Монархини нашея щедролюбія во весь свѣтъ распространится! О коль вожделѣнно благополучіе ваше, Россійскіе юноши, которые толикою милостію щедрыя Государыни питаемы, въ радостныхъ трудахъ упражняетесь! Представьте себѣ будущее ваше состояніе, къ которому вы избраны, со благоговѣніемъ внимайте, что Августѣйшая ИМПЕРАТРИЦА, довольствуя васъ своею казною, матерски повелѣваетъ: Обучайтесь прилѣжно: я видѣть Россійскую Академію изъ сыновъ Россійскихъ состоящую желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ; сего польза и слава отечества, сего намѣреніе Моихъ Родителей, сего Мое произволеніе требуетъ. Не описаны еще дѣла Моихъ предковъ, и не воспѣта по достоинству ПЕТРОВА великая слава. Простирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи Россійскаго слова. Въ пространной Моей державѣ неоцѣненныя сокровища, которыя натура обильно произноситъ, лежатъ потаенны, и только искусныхъ рукъ ожидаютъ: прилагайте крайнее стараніе къ познанію вещей естественныхъ, и ревностно старайтесь

заслужить Мою милость. Сіе щедрое ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА повелѣніе слыша, дерзайте, бодрствуйте, успѣвайте въ теченіи вашемъ. И вы, которымъ входъ къ наукамъ свободно отворенъ, употребляйте сію щедроту въ пользу сыновъ вашихъ, и намѣренія Петрова, попеченія Екатеринина и Елисаветина великодушія тщетно не оставляйте. Не всуе среди сего царствующаго града жилище наукамъ воздвигнуто, но чтобы управляющіе гражданскими дѣлами изъ мѣстъ судебныхъ, упражняющіеся въ военномъ дѣлѣ со стѣнъ Петровыхъ, предстоящіе Монаршескому лицу изъ пресвѣтлаго Ея дома, строящіе и управляющіе флотомъ Россійскимъ съ верьховъ корабельныхъ, и обращающіеся въ купечествѣ съ судовъ и съ пристанища на сіе зданіе взирали, среди своихъ упражненій о наукахъ помышляли, и къ нимъ бы любовію склонялись. Правда, что прекрасное сіе Музъ жилище къ несказанной нашей и крайней горести, печали и сокрушенію нечаяннымъ злоключеніемъ отъ грознаго пожара пріятный видъ свой на плачевное позорище перемѣнило, на которое мы едва безъ стенанія и слезъ взирать можемъ; но въ сей нашей скорби едино имѣемъ

утѣшеніе, на едино щедролюбіе Всемилостивѣйшія Государыни нашея уповаемъ, вѣдая, что нѣтъ такой напасти, нѣтъ таковаго нещастія, которое бы великодушіемъ Ея превышено и щедрою рукою отвращено не было. Толь велико есть щедролюбіе несравненныя МОНАРХИНИ нашея! Толикою добродѣтелію украшенъ престолъ Всероссійскій! Таковыхъ Монарховъ посылаетъ Богъ на землю, когда онъ смертныхъ милуетъ; толь благочестивыхъ, когда моленія ихъ слышать и приношенія пріимать соизволяетъ; толь мужественныхъ и великодушныхъ, когда враговъ ихъ повергнуть и посрамить хочетъ; толь премудрыхъ, когда блаженство ихъ умножить предпріемлетъ; толь человѣколюбивыхъ, толь милосердыхъ и толь щедрыхъ, когда ихъ утѣшить, умножить и ущедрить преклоняется! Красуйся великими сими Вышняго дарами, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ, и божественными Твоими благодѣяніями увеселяйся! Куда твое пресвѣтлое око ни обратится, вездѣ радостныя лица Твоихъ подданныхъ, вездѣ избавленныхъ Твоимъ великодушіемъ, и только милосердіемъ Твоимъ живущихъ, вездѣ обильно Тобою награжденныхъ и

Тобою возвышенныхъ видитъ. Вся Сѣверная страна хотя во всякое время, однако особливо въ сей пресвѣтлый праздникъ по прошествіи плодоноснаго лѣта и при окончаніи благословенной осени, отъ земли плодами, отъ моря богатствомъ, отвсюду твоимъ щастіемъ изобилующая, многочисленными торжествующихъ гласы превозноситъ Твое преславное на отеческій престолъ возшествіе и оныя восклицанія, которыя тогда отъ внезапной радости и отъ истинной любви происходили, нынѣ многократно повторяетъ. Наше неописанное удовольствіе и крайняя благодарность хотя никоимъ краснорѣчіемъ изображены быть не могутъ; однако искреннюю ревность и рабскую вѣрность нашу ВЕЛИЧЕСТВУ ТВОЕМУ симъ засвидѣтельствовать тщимся по мѣрѣ силъ нашихъ, вѣдая, что Богъ и Божію власть на земли имѣющіе не столько на хитросплетенныя риторическія сложенія, сколько на чистое усердіе взираютъ.

PANEGYRICVS
ELISABETAE
AVGVSTAE RVSSIARVM
IMPERATPICI,
PATRIO SERMONE
dictus orante

MICHAËLE LOMONOSOW.

Latine redditus eodem Auctore.

Quodsi hoc illustri solemnique die, Auditores, quo sub faustissimis auspiciis clementissimae Principis nostrae innumerabiles populi, placidissima tranquillitate fruentes, triumphant gaudio, et gloriosissime suscepti haereditarii Imperii suauissima memoria oblectantur, fieri posset, vt nos laetitia elati, relicta terrarum sede, eo altitudinis pertingeremus, vnde amplissimum Illius Imperium oculis subiicere, et hilarissimas gestientium voces ab oriente sole ad occidentem personantes, ac FLISABETAM ad sidera efferentes exaudire liceret; quam

pulchrum, quam magnificum, quam iucundum nobis spectaculum praeberetur! Quam multiplici solentium forma perfrueretur animus, si per vrbes firmius pace, quam muris munitas, perque rura plenis hordeis beatissima, ad maria a bellorum procellis et metu libera, inter amnes amoenissimas ripas ditissimis vndis interfluentes, per campos vbertate et securitate pulcherrimos, per montes sublimius prosperitate surgentes, perque colles laetitia exsultantes, diuersos incolas diuerso ritu, diuersos ordines diuersa pompa, diuersos populos diuersis linguis, vnam efferre laudibus, vnam laetis acclamationibus extollere, per vnam eandemque clementissimam suam Dominam se beatos praedicare, sensu perciperemus! Hinc religiossisimum sacerdotum ordinem cum surgentibus ad coelum thuris odoribus miscere supplices voces et vota pro incolumitate Autocratoris suae protegentis et ornantis alta in pace ecclesiam Dei; inde insonare per aëra sociatos laetissimo pacificorum armorum fragori triumphales plausus Russiaci militis ardentissimum amorem erga felicissimam ac liberalissimam Dominam suam testantis; hic proceres atque ciues festiuum celebrare conuiuium, crebrisque vsurpare sermonibus PETRI Magni

labores, quibus vigilantissima eius Filia summam imponit manum; ibi post fertilissimae aestatis sudores, circumcollectas sine strepitu fruges, choros agere ac tripudiare agricolas, et rustico quidem carmine, sincero tameu ex animo Propugnatricem suam decantare; tum nautam fidissima fretum statione superatos procellarum furores laeta memoria repetere, et geminato gaudio diem hunc celebrare; rursus per vastissimos Asiae tractus campestres incolas equitare alacres, missisque mira arte sagittis indicare, quam promti paratique sint, eas super hostes Dominae suae fundere. Quamuis autem humanae conditionis ratio haud patitur, nos tam sublime euehi, tantique spectaculi variatate recreari, tamen mente exsurgimus, et publica gaudia vsquequaque animi oculis contuemur, qui praesertim ad antiquam Imperantium sedem, expectatissima praesentia Serenissimae Imperatricis illutsratam respiciunt. Saepius animus noster, perlustrata solennium varietate, qua felicissimum Russiae Imperium hodie exornatur, ad AVGVSTAM conuertitur, et disseminata passim gaudia in serenissimo Illius ore Iocata reperit. Ex hoc enim veram pietatem delicias Ecclesiae, ex hoc masculum vigorem militaris incitamentum

virtutis, ex hoc clementem iustitiam exemplum iudicum, et miserorum solamen, ex hoc sapientiam futuri providam et consciam remoti, etiam e longinquo lucem suam nobis offundere sentimus; hoc absentes ut praesentes colimus. Sed quis attentiore mentis oculo sanctissimos Illius vultus contemplatur, quam haec, quae ad propagandas in Russia optimas artes atque scientias a PETRO Magno fundata est, Academia, incredibili munificentissimae Eius Eiliae liberalitate restaurata? Non sylvae, non montes interpositi abscondere valent divinam Eius faciem, quae animis nostris infixa est. Obversatur nobis vividissima imago suavissimi oris, erectos nos esse imperantis, et oculorum mitissime nos inspectantium, et munificentissimae manus, prosperitati nostrae subscribentis. Exsuscitare, nascentes Musas erogando largissimos sumtus, stabilire earum securitatem scriptis consentaneis legibus, munire singulari gratia in propriam receptas tutelam, patefacere illis ad se liberiorem aditum, demandata earum cura intimorum suorum procerum benevolentissimo, est amplissimum beneficium, cuius memoria nulla oblivione ex animis nostris delebitur; pro quo, adhibito summo ad propagandas optimas artes atque

scientias studio, et ornando munificentissimam Dominam laudibus, re ipsa et animo gratissimos nos testari debemus. Quo autem magis tempore aequum est, ad agendas optimae Principi gratias nos excitari, quam solemnissima hac die, Imperio Russiae mascula virtute Illius suscepto illustrissima, ubi singulari gaudio nostro publica celebratio coniungitur. Non se capit pectoris angustiis tantae laetitiae magnitudo, sed ex ore atque oculis multa et candida prorumpit. Intenduntur summae rationis et orationis vires ad exprimendas vere regias AUGUSTAE virtutes, delicias subditorum, miraculum orbis, gloriam et ornamentum seculi nostri.

Rem arduam, quae modulum iugenii mei excedit, aggredior, cum in hoc nobilissimo atque celeberrimo audientium coetu, tot eruditissimorum virorum nomine, pro incredibili munificentia, maximae inter Dominos terrarum Principi agere gratias atque laudes impertire incipio. Sed quum diligentius expendo, eandem haud ita difficilem invenio. Quod enim dicendi genus uberius invenire eloquentia, qua in re latius diffundi ingenii vires, ubi denique flagrantius spirare devotissimi amoris ardor potest, quam in laudibus tantae Principis

celebrandis? Et hanc meam linguam liberalitate Illius animatam quando flecti promtius, et istam meam vocem munificentia Eiusdem firmatam quando elevari altius par est, quam praedicando divinas Illius dotes? Non verbosa cogitationum exaggeratione amplificata, non exquisito verborum lenocinio comta, non artificioso Rhetorum incessu elevata erit haec oratio mea; sed quidquid fertilitatis, quidquid suavitatis, quidquid sublimitatis aut pompae habebit, id omne ingentibus AUGUSTAE factis, pulcherrimisque Eius virtutibus, atque devotissimo feruentissimoque amori nostro acceptum feret. Quandoquidem aguntur gratiae Dominae piissimae: testes sunt tot exornatae divorum arae, exstructa templa, tamque crebra ieiunia, supplicationes et peregrinationes ad vota persolvenda institutae; aguntur gratiae Dominae fortissimae: testes sunt tot clarissimae victoriae a domesticis et externis hostibus reportatae; aguntur gratiae Dominae magnanimae: testis concessa illis delictorum et audaciae impunitas; aguntur gratiae Dominae sapientissimae: testis est prudentissime instituta rerum ordinatio ad pacem domi et foris firmandam; aguntur gratiae Dominae mansuetissimae: testis est materna Illius erga sub-

ditos comitas et acceptissima lenitas; aguntur gratiae Dominae clementissimae: testis est innumerabilis multitudo liberatorum a mortis poena, et concessus Illi a Deo gladius ad punienda crimina nondum sanguine humano tinctus; aguntur gratiae Dominae liberalissimae: testes sunt amplissimis praemiis ornata fidelitas, honorata praeclaris muneribus merita, erecta opibus egens et fracta calamitate probitas. In amoenissimo, florentissimoque campo animus exspatiatur meus, et inter varios pulcherrimarum virtutum flores ambiguus versatur! Omnes sunt memorandae, amplectendae omnes; ex omnibus elucet, quam nobili stirpe tanta laudum seges sit procreata. Ex omnibus atque singulis AUGUSTAE virtutibus patet Serenissimorum Illius magnitudo Maiorum, quibus resuscitata, elevata, firmata, amplificata, illustrata Russia super omnes terrarum gentes caput suum effert, quorum splendida facinora, magnaque erga patriam merita non minus ad laudes Principis nostrae pertinent, quam Eius procreatio ab illorum sanguine derivatur. Idcirco adumbtarem hic vobis MICHAELEM, tenera in aetate, propter gemitum et lacrimas maiorum nostrorum suscipientem cum regio diademate grave onus prostratae Russiae,

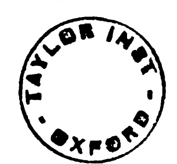
renovantem dirutas urbes, instaurantem eversas aras, congregantem fugatos et dispersos cives, resarcientem direptos Imperii thesauros, exterminantem nefarios Russiaci sceptri usurpatores, et Mosquam ab infestissima audacissimorum hominum peste liberantem, et a lugubri vastitate revocantem; proponerem vobis prudentissimum et fortissimum ALEXIUM vigore animi exuscitare Russiam, iam suos monentem lacertos, firmare fortunam subditorum salutaribus legibus, exercitum militari disciplina, Ecclesiam exstirpata haeresi, circumferre victricia arma sua per Sarmatiam, magnasque provincias, ad Russiam antiquitus pertinentes, iustissimo bello recuperare; redigerem in memoriam vestram PETRUM, nomine Magnum, rebus gestis maximum, ut divinae sapientiae lumine illustraret Russiam et fortitudine orbi terrorem iniiceret, ut altera manu sceptrum teneret atque gladium, altera optimas amplecteretur artes, et regendi arte omnes terrarum principes, laborum patientia servus suos vinceret, ut exterminaret barbariem et introduceret scientias, ut impleret novo exercitu terras, novaque classe maria occuparet, ut bellicas artes suo stabiliret exemplo, et secum patriam ad sidera extolleret; depingerem vo-

bis Heroida pulcherrimam CATHARINAM Augustam, inter barbarorum incursus, inter fragorem armorum et globorum stridorem immotam animo, sapientissimo Principi sapientissima consilia adferentem, coronatam denique Illius manu, et interruptos morte indefessi Russiaci Herculis labores foemineis, fortissimis tamen, humeris suscipientem; verum tamen ad proprias Autocratoris nostrae virtutes atque pulcherrimas animi dotes festinat oratio mea, in illis solum vires consumtura suas, non equidem singulis enumerandis, sed potioribus percensendis. Quapropter praetereo tacitus excellentem pulchritudinem formae Eius, pulcherrimi indicem animi; non commemoro honorem capitis ad portandum diadema nati, non proceritatem, non firmitatem corporis, principibus decoram, non sacratissimus os, gratiarum sedem, non serenissimos oculos, hilaritatis et solatii fontes. Nam omnibus spectandam se praebat clementissima Princeps. Spectant omnes et clarissime in animo repraesentant, sic PETRUM Magnum circumtulisse oculos, cum renovari a se Russiam contemplaretur; sic elevasse vocem, cum ad praelia milites, ad laborem subditos exhortaretur, sic extendisse manum, cum instauraret artium scientiarum-

que officinas, cum instrui aciem, vel portu excedere classem imperâret; sic elevasse caput, cum ingrederetur captas urbes, et proiecta hostium arma calcâret; sic erectum incessisse, cum surgere sua moenia, reformari iudicia, aedificari naves, et mediis ex undis arces, atque portus erigi cerneret. Non praedicandis AUGUSTAE speciei miraculis immorabor, verum omnem meam operam conferam ad excellentissimas animi dotes, pulcherrimasque Principis nostrae celebrandas virtutes, quarum ducit chorum suavissimo Deo, suavissima mortalibus pietas, firmum praesidium regnorum, decus et ornamentum diadematum, certissima fiducia in praeliis, arctissimum vinculum societatis humanae. Quam perniciosae turbae, quam cruenta luctuosaque bella inter gentes, cognatione sanguinis et sermonis sociatas, religionis dissidio concitantur, tam stricto amoris nexu coniungit illas unitas fidei, quae multum quidem doctrina, plus tamen exemplis corroboratur. Felix est Russia, quae una lingua unam fidem profitetur, et unius piissimae Principis imperio administrata maximum documentum, et verae devotionis instar, in Illa coram constitutum habet. Videt ut sidera caeli collucere ubique divorum aras, sanctissi-

misque Eius votis in dies magis magisque clarescere. Saepius miratur tot populorum Dominam, cui terra, maria et aër in suppeditando victu famulantur, fidei constantia roboratam, parcissimo cibo diuturna ieiunia solari; eam denique, ad quam portandam non solum superbi currus et lectissimi equi, verum etiam humeri cervicesque nostrae sunt paratae, divino amore excitatam, inter suos subditos, ad celebrandas religiones, longa itinera pedibus emetiri. Quanto Dei amore inflammantur nostra pectora, quantaque fiducia gratiam illius nobis exspectamus, quando Principem nostram simul nobiscum adstare altaribus, et devotissimo animo ardentissimisque precibus sacra prosequi, ante oculos habemus! Quam animosos et alacres ad conserendas cum hostibus vires praebent se Russiaci milites, cum persuasum habeant, fortissimum in praeliis Deum, Deum piissimae suae Dominae propitium, pro illis depugnaturum stare in acie! Quanto gaudio perfunduntur sanctissimae religiones acceptissimis Deo salutationibus Eius celebratae! ornata piissimis Illius votis, tanquam sponsa nuptialium celebritate sacrorum, triumphans Russiaca Ecclesia, purpura auroque fulgida, magis autem laetitiae et gloriae maiestate

eminens, ascendit ad circumfusum divina luce sponsi fui solium, et splendidissimum cultum suum ostentans, sic, inquit, exornat me in terris suavissima tua ELISABETA; exorna sceptrum et diadema Eius decore perennis gloriae: auget dignitatem meam in mundo; amplifica potentiam Eius super omnes terrarum dominos: visitat me devotissima visitatione; visita Illam semper visitatione gratiae tuae: firmat columnas meas in Russia; firmam ac inconcussam valetudinem Eius conserua: affert mihi opem et auxilium ad conterendam impietatem; affer opem et auxilium Illi ad conterendos superbos et inuidos hostes, et divino tuo numine ac virtute tua desuper tuere Illius militiam. His sacratissimis Ecclesiae vocibus consentiunt omnium subditorum vota. Hinc credimus, invictum illum piorum propugnatorem, gloriae Dominum, in omnibus Principis nostrae consiliis et conatibus ducem et auspicem esse, et altissima dextra sua dirigere Eius fortitudinem, cui non illi, qui insederant atque inveterarant in visceribus Russiae, non qui fines illius oppugnaturi erant, hostes resistere valuerunt. Ad hos enim debellandos unius aestatis curriculum, ad illos vero opprimendos una nox suffecit. Obsessum firmis praefidiis patrium

diadema, fortique manu occupatum sceptrum recuperare, et magna vi praereptum Russiae Imperium redigere in ditionem, est facinus virili etiam animo formidabile, et a magno Heroë vix perpetrandum. At divino Numine excitata Princeps nostra, paruo satellitio fidelium patriae filiorum comitata, obstantia contemnit et vincit fata, triumphum sine sanguine agit et publicum adfert gaudium, haereditatem consecuta. Pulcherrimum admirandumque spectaculum animo praebetur meo, cum mihi repraesento, praeire cum signo Crucis virginem, armatos milites sequi; Illam patria virtute et ardentissima erga Deum pietate, hos devotissimo erga Ipsam amore incendi; Illam ad explenda totius Russiae vota, hos ad exequendam Illius voluntatem festinare; Illam victoriae iam proximam cruentam victoriam abhorrere, hos orbis terrarum potentiam Illius causa oppugnare non dubitare! Quid vero tandem sequitur? Obstupuerunt praesidiorum cateruae, cum PETRI FILIAM venire sentirent, et sensu carentia arma trepidantibus excussa manibus coram legitima Domina sua procubuerunt. Perfunditur lumine Regia, Illa intrante, collustratur thronus, ascendente, et exsultantibus Russiae civibus etiam moenia PETRI se com-

mosse sunt visa. Contremuerunt tum perfida Bothnica littora, et ingruentes finibus nostris superbi hostes repentino terrore exanimati diffidere rebus suis coeperunt, et fugam potius maturare, quam praelium committere cogitabant. Repraesentabant perterritae eorum mentes PETRUM Magnum in fortissima illius FILIA redivivum. Oberrabat illis tristissima et sanguinolenta imago suorum patrum, per Poltavae campos fusorum. Concipiebant animis gentis suae myriades super divisos infinita vastitate interiacentis soli campos duci captivas, flammis corripi urbes et agros, traiici siccum pariter ac freta triremibus, erumpere ex mediis maris fluctibus equites. Equidem profligati erant praelio hostes ad Willmanstrandiae muros; ambiguo tamen diu certatum est marte; senserunt strenuae Russiaci militis manus obstantem pertinaciam, cruentamque palmam obtinuerunt. At quamprimum patrium sceptrum et gladium suscepit Augustissima Virago, tum non secus ac rapacissimo quodam turbine concussi in fugam se coniecerunt, desertisque munitionibus, firmissimis moenibus, praecisis sylvis, et rapidissimis fluminibus, non solum non cogitarunt ea defendere, sed ne respicere quidem sunt ausi, cum metu ab-

iecti cogitarent, nec uliginosas paludes, nec torpentes lacus, nec alta praecipitia remorari posse iustissimam Principis nostrae iram, et impetum fulminei Eius militis. Denique eo angustiarum erant compulsi atque coacti, et victore exercitu ita claudebantur terra marique, ut, si non magnanimae Victricis lenitas illis saluti fuisset, tum nemo eorum mortem effugisset, nec uuncius quidem tantae cladis superfuisset, qui omnium interitum domi prius referret, quam celeberrima Principis nostrae fama id divulgaret. Haec victoria eo fuit maxime memorabilis, qnod et Mars ipse mitissimum Principis nostrae ingenium imitari, et humano sanguini parcere videretur, et tota Europa iudicaret Russiam non bello cum hostibus decertasse, sed solum temeritatem poena affecisse. Res sermonibus gentium est percelebrata, magnanimitatem propriam Principis nostrae esse virtutem, qua erga infensissimos etiam hostes suos utitur, cuiusque ante devictos et confusos externos, etiam erga domesticos inimicos magnum exhibuit specimen. Confugit in sinum Illius conturbata Russia, et voce lectissimorum filiorum suorum sic fidem et amorem suum testata est: Recipe me maternos in amplexus Tuos; capesse haeredi-

tarium sceptrum Tuum, et patria virtute animata, omnibus obstaculis esto maior. Pone fiduciam in Deo, qui iustae Tuae causae et salutaribus coeptis aspirabit; pone fiduciam in Te ipsa, quae unica es legitima haeres, et Filia mei sideris; pone fiduciam in me, quae, quidquid firmamenti ac virium habeo, saluti et gloriae Tuae propugnandae impendam, perque concisa hostium Tuorum corpora viam ad solium Tuum recludam. At magnanima Princeps maluit potius haereditate Sua ad tempus privari, quam illam adire profuso sanguine. Tandem vero periculo et nutatione patriae coacta magis, quam maiestatis desiderio mota, accedit ad gubernandum, seu verius ad conseruandum Imperium. Constituta in summa rerum omnium potestate, in eos, qui patria haereditate Ipsam excludere, qui nefaria insectatione affligere, et impudentissimo fastu contemnere non dubitarunt, quamnam vindictam exercet? divina lege atque humana, optatisque Russiae civium ad acerbissimos cruciatus, ad atrocissimam mortem condemnatos, tantum a serenissimo conspectu suo vult esse remotos, et qui vita indigni iudicati sunt, licentiore solum vita privatos vivere iussisse contenta est, et hac moderatissimi

animi gloria magnum suscepti Imperii atque heroicum facinus maius reddit atque illustrius. Haec autem AUGUSTAE magnanimitas tanta est, ut etiam ultra vastissimi Russiarum Imperii fines ad exteras gentes exundet. Victa est Suecia Illius armis, sed magis victa magnanimitate Eiusdem; stupet invictissimum Illius exercitum, sed magis suspicit generosam animi excelsitatem. Quandoquidem acceptis tot commodis totque praerogativis invictissima Princeps cum victis penitus pacem componit, vel, ut verius dicam, veniam temerariis tribuit. Qui omnem hostium exercitum victum comprehensumque, et ex arbitrio suo pendentem tenet, ac ipsum belli impetu perculsum atque prostratum, attollit, nonne is culpam potius remittere, quam pacem componere dicendus est? Sed longius progreditur praeclara haec Principis nostrae virtus, magis illustre exemplum magnanimitatis exhibet Russiaca Herois. Etenim non solum data hostibus impunitate, tranquillissimam pacem et subactas ante armis suis eorum terras illis restituit, verum etiam eadem arma ad ipsos propugnandos extendit; reprimit ingruens illis novum bellum, atque firmata regni haereditate, asserit eorum libertatem. His perpensis, conside-

ratoque florentissimo statu Russiaci Imperii, et ubertate amplissimae Patriae nostrae, perspectaque lenitate, qua clementissima Princeps nostra tot adorantes Ipsam populos moderatur, num etiam existimatis, finitimae gentes, generosum Illius animum ad vindicandas sibi alienas terras esse pronum? Inviasne paludes concupiscet, quae tot longe lateque patentes fertilissimos campos possidet? torpentiumne stagnorum desiderio afficietur, quae super tot amnes, vastissimo Nilo ampliores, uberrimis undis in obedientia illius profluentes, sceptrum suum extendit? et quae in terris lacte et melle affluentibus dominatur, rupesne et saxa sterilia requiret? Quamvis enim strenuissimum Russorum exercitum ad arma capienda procinctum, classemque ad frangendos Balticos fluctus instructam esse, omnem denique militiae apparatum adornari non ignoratis, eo tamen non bellum cuiquam comparari, sed securitati nostrae a Sapientissima ELISABETA provideri intelligite. Peritus nauta non furentibus solum fluctibus et procellis, verum etiam, cum mitissimum coelum sit, vigilat, firmat armamenta, vela expedit, obseruat sidera, coeli vicissitudines animaduertit, in distantiam littorum computatione inquirit, pertentat altum maris, et scopulo-

rum fraudem evitare curat; simili ratione Sapientissima ELISABETA quamvis laetissimis oculis videt suos subditos carissima, quam illis attulit, pace frui; verum tamen etiam futurae eorum indolentiae prospicere non desistit; tuetur illos explicato terra marique exercitu, eosque, qui armati nobis sunt impares, animo bellum gerentes acutissima mente observat; scrutatur profundos cogitationum recessus, ubi placida quiete clandestinus dolus adumbratur; expendit praeterita, praesentia discernit, ac praevidet futura. Itaque si quis prosperitati nostrae invidens eo insolentiae furorisque processerit, ut amantissimam pacis Principem nostram excitet ad iram; nae ille, sive interfuso mari, sive vastissimis amnibus, aut denique montium praecipitiis defenditur, vigilantissima Illius cura omnia persapienter provisa experietur, indignationemque Eius sentiet ita, ut poena perculsus, interceptum esse mare, exaruisse amnes, et montes in apertas planities subsedisse, nec classem Russiacam, sed terras nostras sibi illatas arbitretur. Fruere suavissimo otio tua, carissima patria, et sub auspiciis sapientissimae Autocratis tuae tranquillissimi seculi utere deliciis. Quam secura est felicitas tua? Quanto multis aliis populis es bea-

tior? Quidam enim luctu perditi fumantes urbium ruinas respiciunt; tu vero surgentia ad nubes magnifica tecta laetis metiris oculis. Alii concitatam civium multitudinem dies noctesque stricto ferro concursare et germanum sanguinem per viarum compita profundere, trepidantes spectant; tibi vero unanimi obedientia coniunctissimi communis omnium Parentis et Dominae filii augent ornamenta. Plerique interrupta mercatura, disturbatis opificiis, desertaque agricultura, fame confecti algent; at tu apertam undique mercantibus viam, patentes portus, foraque ditissimis mercibus plena habes; tibi artes atque scientiae vernant, tibi horrea frugibus exuberant. Alii denique quamvis belli strepitu ac horrore iam liberati sint; luctuosa tamen vestigia hostis sui exhorrent, et ferocissimus illius adspectus adhuc illis ante oculos versatur: te autem in secundo vitae sine ulla offensione cursu nec per somnium oblati praeliorum terrores turbant. Haec carissima, sanctissimaque otia sapientissimae tuae Principis cura tibi fecit. Illius providentia atque consilium auget tuas opes, afficit te publicae concordiae voluptate, locupletat imperturbata agricolarum mercatorumque diligentia, exornat iucundissima pace, et inclyta no-

minis tui fama orbem terrarum replet. Hanc consummatissimam indolentiam nostram, atque communem voluptatem, haec amplissima opum incrementa, iucundissima ornamenta, hanc denique celeberrimam gloriam nostram auget atque cumulat incomparabilis Princeps nostra incredibili mansuetudine sua, cum in summo rerum humanarum fastigio constituta, inusitata erga subditos suos comitate supra mortalium sortem evecta videatur. Quid enim pulchrius, quidve iucundius visu, aut quid minus usitatum est, quam terrarum Dominam, ab omnibus gentibus Principibusque venerandam, blando adspectu, placido colloquio et clementissima conversatione servos suos dignari videre? at nos tanti spectaculi voluptate saepissime fruimur. Discernitur mansuetissima Princeps a frequentissima circumstantium subditorum multitudine non fastuoso obtutu, non indignabunda voce, non minaci imperio, sed acceptissimo Maiestatis decore, mitissima auctoritate, generosa popularitate, et divino quodam numine, ineffabile gaudium pectoribus nostris inspirante. Versatur prae foribus sanctissimae Illius domus non terror trepidus, sed mitissima mansuetudo, devincens sibi omnes clementia, et fidissimus Maiestatis

custos amor populi. Hanc ingredientes non timidos oculos circumferunt continuo; parietum etiam conspectu perturbati, sed praecurrentem sibi laetitiam consectando sacratissima alacres subeunt limina. Nec operta mentium rimari necesse est; extat in vultu cuiusque hilaritatis publicae decus, et in serenis frontibus animorum indicia praeleguntur. Quam iucundissimo sensu perfunduntur pectora eorum, qui tam comem Maiestatem intuentur! Quanto solatio recreantur pavidi sontes, cum clementissimae Elisabetae misericordiam animo expendunt, quam nulla vis dicendi complecti potest! Nihil est tam laudabile, quam lenitas, nulla ex virtutibus misericordia est gratior, nulla re homines propius ad divinam naturam accedunt, quam salutem hominibus et sontibus impunitatem dando. At ubi clementia in iudicio magis praedicatur, ubi iustitia et misericordia strictius coniunguntur, ubi convictio atque venia arctius sese amplectuntur, ubi denique condemnatio et liberatio coniunctus sese exosculantur, quam coram celsissimo Augustae Elisabetae solio? Occidant alii, ut velint, cives suos, eosque ad pauciores redigant, tingant ferrum sanguine, et discerpta hominum membra populo spectanda obiiciant, eoque

terrere improbos et scelera exterminare contendant; clementissima tamen Princeps nostra misericordia et liberalitate plus proficit. Statuant alii terribilia ad perducendos homines ad frugem exempla; sed illa iucundissimis felicius idem exsequitur, cum virtutem beneficiis propagare studeat. Si quis horti cultor, de frugiferis florentibusque plantis irrigandis minus sollicitus, sola zizania exscindere curat, is flore et fructu brevi se frustratum sentiet; contra qui fructiferas arbores et nascentes flores humore perspergere tempestive studet, despiciendo lolium, et transitu solum calcando, is ex floribus voluptatem, ex fructibus utilitatem capiet, cum fructuosae interim arbores auctis suis viribus succum et nutrimentum noxiis germinibus subducant, ariditate ac putredine ab stirpe interituris. Ita quoque licet utile sit legibus in scelera animaduertere, tamen, nisi etiam virtus iusto ornetur praemio, vix alicuius fructus est: cum eo bonorum animi magis percellantur, quam mali cogantur redire ad frugem. Contra, cum honoratur muneribus virtus, cum praemio afficiuntur merita, id solum, levior sit licet transgressorum punitio, sufficiet ad corrigendos hominum mores. Nam cum senserint se despectos et afflictos improbi,

cumque cohonestatam virtutem iusta sua mercede frui intellexerint, tum vel invidia confecti concident, vel converso animo a vitae pravitate, simili laudis honore dignos se praestare operam dabunt. Huiusmodi prudentissimo consilio utitur clementissima Elisabeta, quo in vastissimo Imperio suo virtutem propagare et scelera exstirpare atque exterminare curat; castigat ut mater, ut Princeps afficit praemiis, emendat absque severitate, ex abundanti confert munera; resuscitat errore lapsos, salutem illis impertiendo, accendit muneribus bene meritam virtutem. Quamvis autem tantam Augustae liberalitatem quilibet fidelis subditus, omnisque Russia experiatur; quamvis munificentissima Illius manus passim largissima distribuat munera; tamen instaurata a carissimis Parentibus Eius haec Academia, in tantum a magnanima Domina sua locupletata est, ut nec maiorem felicitatem desiderare, nec ad testandum gratissimum devotissimumque animum apta satis verba reperiri posse arbitretur. Hoc autem beneficium eo est maius, eo splendidius et Filiae Petri convenientius, quod non solum ad hanc societatem, non tantum ad consecratam studiis hanc iuventutem, sed ad cuiusvis ordinis atque conditionis cives,

totumque Russiarum Imperium, atque adeo ad universum genus humanum spectat. Quandoquidem non solum nos, sustentati Augustae liberalitate, quidam in perscrutandis naturae mysteriis, mirabilibusque operibus sapientissimi Creatoris contemplandis, operam nostram collocamus, alii instituendo studiosam iuventutem, germinantem iam segetem, laboribus nostris responsuram, laeti sentimus; non solum discentes largitate Autocratoris nostrae nutriti, omnibusque necessitatibus provisi, unice litterarum studio invigilare possunt; verum publica felicitas proponitur. Non locus est ullus in Russia, a Petro illustrata, ubi non fructum ferre possint scientiae; non homo est unicus, qui non commoda sibi ab illis praestolari queat. Quid sanctius, quidve magis salutare esse potest, quam perpendendo Dei opera, altissimam gloriae eius sedem mentis oculis contueri, ac maiestatem, sapientiam et potentiam eiusdem depraedicare? Hunc autem in finem patefacit Astronomia vastissimum eius opificium, mundum hunc adspectabilem, et stupendorum illius operum multiplex artificium ostendit Physica, atque uberrimam materiam offert ad cognoscendum et celebrandum Creatorem ex operibus eius. Quid utilius

humano generi est ad communicanda mutua commoda, quid navigantibus tutius, quid magis commodum peregrinantibus, quam novisse situm locorum, fluviorum cursum, distantias urbium, amplitudinem, ubertatem et confinia regionum, mores, consuetudines, regiminaque populorum? haec clarissime ostendit Geographia, quae universi terrarum orbis vastitatem uni conspectui subiicit. Quid ardentius militares animos ad splendida facinora et ad patriam ab hostium impetu strenue propugnandam accendit, quam magnorum exempla Heroum? horum vero memoriam repetit Historia atque Poësis, quae vivis coloribus depicta praeterita, ut praesentia ante oculos sistit; utriusque beneficio celebranda magnorum Principum facta ex voracissimis invidiosae vetustatis faucibus eripiuntur. Quid excellentius mente concipi potest, quam id, quod dirigit rationem, rectam monstrat voluntati viam, compescit affectus, et naturae atque civitatis leges firmat? at id Philosophia praestat. Quid homini vita sua est carius, quid iucundius sanitate? utraque tamen prorogatur et conservatur opera ac praesidio Medicinae. Quid fructuosius est in republica machinarum usu, et cognitione interioris cor-

porum mixtionis? Hanc recludit Chymia, Mechanica illas componit. Omnes circumspecta atque considerata Mathesi diriguntur; singulae ad promovendam humani generis felicitatem, diversis quamvis modis, communi tamen fructu atque emolumento inserviunt. Omnes autem inusitata munificentissimae Principis nostrae liberalitate propagatae florem fructumque ferent tempore suo. Adolebunt hic iacta a Petro, munita gratia et irrigata largitate dignae tanto Parente Filiae scientiarum semina in felicissimam segetem, cuius fertilitas per orbem terrarum exuberabit. Patefactus est largissima Augustae manu spatiosissimus in Russiam Musis introitus; ubi opibus potentes et securitate fretae, nova incrementa, novum decus, novamque sibi gloriam consequentur, novoque splendore nitentes, praeter opinionem, in summo perfectionis fastigio constitutae, orbi terrarum spectandas sese praebebunt, et pleno suo lumine reliquam barbariei noctem ex remotissimis et vix fama notis regionibus dissipabunt. Ubi enim expeditius absolvi potest siderum et terrarum orbis scientia, quam in amplissimo Elisabetae Imperio, in quo dimidium sol peragit cursum, et luminaria singula ortum atque occasum simul oculis

usurpandum exhibent? Multifaria rerum et phoenomenorum facies ubi tanta varietate ac frequentia naturae scrutatoribus occurret, quam in Russiae campis, quorum spaciosissima planities multiplici florum varietate superbit; aut in montibus ultra nubium tractum exporrectis, opibusque refertis; sive in amnibus, ab aestuosa India ad perpetuas nives aeternamque glaciem decurrentibus, denique in variis iisque vastissimis maribus, quae plenos mirabilium Dei operum fluctus sub Elisabetae sceptro devoluunt? Quod tandem hospitium securius reperire possunt Musae, quam longe lateque patens Russiae Imperium, providentia Augustae ab armorum strepitu remotum, et invictissimo exercitu Illius praemunitum? Quam amplum beneficium ab hac Augustae munificentia universus terrarum orbis accipiet! Quam exoptatissima prosperitas vestra, Russiaci iuvenes, qui tanta liberalitate Illius sustentati iucundissimis studiis operam tribuitis! considerate futuram prosperitatem vestram; animos venerabundi ad id advertite, quod Augustissima Imperatrix, erogando in vos sumptus amplissimos, clementissime iubet: Incumbite in litterarum studia: videre enim Russiacam Academiam ex civibus meis com-

positam cupio; festinate ad consummandum scientiarum cursum: id enim honor et emolumentum Patriae, id consilium meorum Parentum, id voluntas Nostra requirit. Non proditae sunt litteris Maiorum meorum res gestae, nec Petri gloriosa facta pro dignitate sunt decantata: conferte omne studium ad conquireddas ingenii opes, ad patrium sermonem excolendum; in vastissimo Imperio Nostro pretiosissimi thesauri, quos natura uberrime profert, in obscuro iacent, et peritioris manus scrutationem opperiuntur: impendite indefessum laborem ad cognoscenda rerum naturalium arcana, atque his studiis gratiam nostram mereri contendite. Hoc clementissimo Augustae mandato accepto, pergite alacres, properate stadium laboris vestri. Vos autem, quibus ad Musarum sacra patet aditus, utilitati liberorum vestrorum prospicite; et Petri consilium, Catharinae curam, atque liberalitatem Elisabetae infructuosam vobis esse nolite. Non enim sine industria et consilio in media civitate sua serenissimi conditores Musarum sedem positam esse voluerunt; sed ut exercentes iudicia de tribunalibus, sagati de summis PETRI moenibus, purpurati ex Augustissima Regia, ii, qui classes instruunt, de navium tabulatis,

mercantes e foro atque portu, scientiarum et artium officinam etiam inter exequenda negotia sua haberent ante oculos, amarent atque suspicerent. Equidem pulcherrimum hoc Musarum domicilium repentino fato, quod nobis fuit summae sollicitudini, et foedissima flamma in luctuosum horrendumque spectaculum commutatum, vix sine gemitu et lacrymis praeterire, aut contueri possumus; hunc tamen doloris atque aegritudinis sensum sola Principis nostrae clementia minuit, in sola liberalitate Illius omnem spem nostram ponimus, qui compertum habemus, nullam tam atrocem calamitatem, tamque adversam fortunam contingere nobis posse, quae non magnanimitate Eius victa, et liberalissima manu propulsata esse queat. Tam inusitata est atque inaudita beneficentia Principis nostrae! Tanta virtute ornatur Russiacum solium! Istiusmodi Principes impertitur Deus terris, cum est mortalibus propitius; tam pios atque devotos, si precibus illorum annuere, nec dona vult aspernari; tam fortes, tamque magnanimos, si hostes illorum conterere atque confundere apud se statuit; tam sapientes, si prosperitatem eorum amplificare instituit; tam denique mansuetos, tam clementes, tamque liberales, si illos consolari, mul-

tiplicare atque opibus cumulare destinat. Fruere itaque tot divinis muneribus, clementissima Princeps, et beneficentissimo ingenio Tuo oblectare. Quocunque serenissimos Tuos oculos circumfers, ubique explicatas subditorum Tuorum frontes, ubique animi Tui generositate salutem consecutos, et per solam clementiam Tuam spiritum suum ducentes, ubique largissimis Tuis beneficiis ornatos atque elevatos conspicis. Tota septemtrionis regio, quamvis quolibet tempore, praesertim tamen celeberrimo isto die, post elapsam fertilissimam aestatem, decurrente beatissimo autumno, a terra ubertate, a mari divitiis, undique felicitate Tua affluens, concordissimis feriantium populorum vocibus gloriosissime susceptum Patrium Sceptrum Tibi gratulatur, atque illos plausus, quos tunc inopinatum gaudium, et ardentissimus amor tulit, creberrime repetit. Devotissimus vero amor noster et gratissimus animus quamvis nulla dicendi vi nulloque eloquio exprimi possit; verum tamen, quantum in nobis situm est, id testari muneris nostri ducimus, praesertim cum persuasum habeamus, Deo atque iis, qui vim, et numen illius in terris tenent, puram devotamque mentem magis acceptam esse, quam meditatam orationem.

СЛОВО

Похвальное блаженныя памяти Государю Императору ПЕТРУ Великому, говоренное Апрѣля 26 дня 1755 года.

Священнѣйшее помазанiе и вѣнчанiе на Всероссiйское Государство Всемилостивѣйшiя Самодержицы нашея празднуя, Слушатели, подобное видимъ къ Ней и къ общему отечеству Божiе снисхожденiе, каковому въ Ея рожденiи и въ полученiи отеческаго достоянiя чудимся. Дивно Ея рожденiе предзнаменованiемъ царства; преславно на престолъ возшествiе покровеннымъ свыше мужествомъ; благоговѣйныя радости исполнено прiятiе отеческаго вѣнца съ чудными побѣдами отъ руки Господни. Хотя бы еще кому сомнительно было, отъ Бога ли на земли обладатели поставляются, или по случаю державы достигаютъ; однако единымъ рожденiемъ Великiя Государыни нашея увѣриться о томъ должно, видя, что Она уже тогда избрана была владычествовать надъ нами. Не астрологическiя сомнительныя гаданiя, отъ положенiя планетъ произведенныя, ниже другiя по теченiю натуры бывающiя пере-

народа! Въ тебѣ, дражайшее отечество, въ тебѣ видимъ сего довольные примѣры. Междоусобными предковъ нашихъ враждами, неправдами, грабленіями и братоубійствами раздраженный Богъ поработилъ тебя нѣкогда чуждому языку, и на пораженное глубокими язвами твое тѣло наложилъ тяжкія вериги! По томъ стенаніемъ твоимъ и воплемъ преклоненный послалъ тебѣ храбрыхъ Государей, свободителей отъ порабощенія и томленія, которые соединивъ твои раздробленные члены, возвратили тебѣ и умножили прежнюю силу, величество и славу. Не меньшаго паденія избавила Россійскій народъ предводимая Богомъ на отеческій престолъ Великая Елисавета; но большаго удивленія достойнымъ образомъ. Внутреннія болѣзни бываютъ бѣдственнѣе наружныхъ: такъ и въ нѣдрахъ Государства воспитанная опасность вредительнѣе внѣшнихъ нападеній. Удобнѣе наружныя язвы исцѣляются, нежели внутреннія поврежденія. Но сличивъ изцѣленіе Россіи отъ пораженія варварскимъ оружіемъ извнѣ нанесеннаго съ удивительнымъ крыющагося внутрь вреда врачеваніемъ Елисаветиною рукою произведеннымъ, противное находимъ.

Тогда для изцѣленія ранъ наружныхъ обагрены были поля и рѣки не менше Россійскою, сколько и Агарянскою кровію. Въ благословенные дни наши великодушная Елисавета вкоренившійся вредъ внутрь Россіи безъ всѣхъ нашихъ томленій истребила въ краткое время, и болѣзнующее отечество яко бы единымъ божественною силою исполненнымъ словомъ исцѣлила, сказавъ; *возстани и ходи; возстани и ходи, Россія. Оттряси свои сомнѣнія и страхи; и радости и надежды исполненна, красуйся, ликуй, возвышайся.*

Таковыя изображенія въ мысляхъ представляетъ намъ, Слушатели, воспоминаніе тогдашней радости! Но оныя усугубляются, когда помыслимъ, что мы не токмо отъ утѣсненія, но и отъ презрѣнія тогда свободились. Что прежде избавленія нашего народы о насъ разсуждали? Не отзываются ли еще ихъ рѣчи въ памяти нашей? Россіяне, Россіяне, ПЕТРА Великаго забыли! За Его труды и заслуги не воздаютъ должнаго благодаренія; не возводятъ Дщерь Его на престолъ отеческій; Она оставлена, не помогаютъ; Она отринута, не возвращаютъ; Она пренебрегаема, не от-

мщаютъ. О коль великъ стыдъ и посмѣяніе! Но несравненная Героиня возшествіемъ своимъ отняла поношеніе отъ сыновъ Россійскихъ и предъ всемъ свѣтомъ оправдала, что не нашего усердія не доставало: но сносило Ея великодушіе; не наша ревность оскудѣвала: но Она не хотѣла пролитія крови; не нашему малодушію оное приписывать должно; но Божескому промыслу, который благоволилъ показать тѣмъ свою власть, Ея мужество, и нашу радость усугубить. Таковыя благодѣянія устроилъ намъ Вышній вступленіемъ на отеческій престолъ Великія Елисаветы! Чтожъ нынѣшній праздникъ? Верьхъ и вѣнецъ преждереченныхъ! Вѣнчалъ Господь Ея чудное рожденіе, вѣнчалъ преславное возшествіе, вѣнчалъ бесприкладныя добродѣтели. Вѣнчалъ благодатію, ободрилъ благонадѣжною радостію, и благословилъ громкими побѣдами, возшествію Ея подобными. Ибо какъ внутренніе враги побѣждены безъ пролитія крови; такъ и внѣшніе съ малымъ урономъ преодолѣны были.

Облачается Монархиня наша въ Порфиру; помазуется на Царство, вѣнчается, пріемлетъ Скипетръ и Державу.

Радуются Россіяне, и плесками и восклицаніями воздухъ наполняютъ; ужасаются сопостаты и блѣднѣютъ; уклоняются, даютъ хребетъ Россійскому войску, укрываются за рѣки, за горы, за болота: но вездѣ утѣсняетъ ихъ сильная рука вѣнчанныя Елисаветы; отъ единаго Ея великодушія ослабу получаютъ. Коль ясныя предзнаменованія благословеннаго Ея владѣнія во всемъ вышереченномъ видимъ, и вожделѣнному событію ихъ съ радостію чудимся! По примѣру Великаго своего Родителя даетъ Государямъ Короны, успокоеваетъ мирнымъ оружіемъ Европу, утверждаетъ Россійское наслѣдство; изтекаетъ злато и сребро изъ нѣдръ земныхъ къ Ея и къ общему удовольствію; избавляются подданные отъ тягостей; земля не обагряется Россійскою кровію ни внутрь, ни внѣ государства, умножается народъ, и доходы прирастаютъ; возвышаются великолѣпныя зданія, исправляются суды, насаждаются науки среди государства, повсюду возлюбленная тишина и Монархинѣ нашей подобное время господствуетъ.

И такъ когда несравненная Государыня наша предзнаменованное въ рожденіи, полученное мужествомъ, утвержден-

ное побѣдоноснымъ вѣнчаніемъ, и украшенное преславными дѣлами отеческое Царство возвысила; то по справедливости всѣхъ дѣлъ и похвалъ Его истинная наслѣдница. Слѣдовательно похваляя ПЕТРА, похвалимъ ЕЛИСАВЕТУ.

Давно долженствовали науки представить славу Его ясными изображеніями, давно желали въ нарочномъ торжественномъ собраніи превознести несравненныя дѣла своего основателя: но вѣдая, коль великое искусство требуется къ сложенію слова, ихъ достойнаго, понынѣ умолчали. Ибо о семъ Героѣ должно предлагать, чего о другихъ еще не слыхано. Нѣтъ въ дѣлахъ ему равнаго: нѣтъ равныхъ примѣровъ въ краснорѣчіи, которымъ бы мысль послѣдуя, могла безопасно пуститься въ толикую глубину ихъ множества и величества. Однако наконецъ разсудилось лучше въ краснорѣчіи, нежели въ благодарности показать недостатокъ; лучше съ произносимыми отъ усердной простоты разговорами соединить искренностію украшенное слово, нежели молчать между толикими празднественными восклицаніями, наипаче, когда Всевышній Господь всѣхъ торжествъ нашихъ красоту усугубилъ, по-

славъ во младомъ Государѣ Великомъ Князѣ ПАВЛѢ ПЕТРОВИЧѢ всевожделѣнный залогъ своея къ намъ Божественныя милости, которую въ продолженіе Петрова племени почитаемъ. И такъ оставивъ боязливое сомнѣніе, и уступивъ ревностной смѣлости мѣсто, сколько есть духа и голоса, должно употребить, или паче изтощить на похвалу нашего Героя. Сіе предпринимая, откуду начну мое слово? отъ тѣлесныхъ ли Его дарованій? отъ крѣпости ли силъ? Но оныя явствуютъ въ преодолѣніи трудовъ тяжкихъ, трудовъ неизчетныхъ, и въ разрушеніи ужасныхъ препятствій. Отъ Геройскаго ли виду и возраста, съ величественною красотою соединеннаго? Но кромѣ многихъ, которые начертанное въ памяти его изображеніе живо представляютъ, удостовѣряютъ разныя государства и городы, которые славою Его движемы, во срѣтеніе стекались, и дѣламъ Его соотвѣтствующему и великимъ Монархамъ приличному взору чудились. Отъ бодрости ли духа пріиму начало? Но доказываетъ его неусыпное бдѣніе, безъ котораго не возможно было произвести дѣлъ толь многихъ и великихъ. Того ради непосредственно приступаю

къ ихъ предложенію, вѣдая, что удобнѣе принять начало, нежели конца достигнуть; и что великій сей Мужъ ни отъ кого лучше похваленъ быть не можетъ, кромѣ того, кто подробно и вѣрно труды его изчислитъ, естьли бы только исчислить возможно было.

И такъ сколько сила, сколько краткость опредѣленнаго времени позволитъ, важнѣйшія токмо дѣла Его упомянемъ; по томъ преодолѣнныя въ нихъ сильныя препятствія; наконецъ его добродѣтели, въ таковыхъ предпріятіяхъ споспѣшествовавшія.

Къ великимъ своимъ намѣреніямъ премудрый Монархъ предусмотрѣлъ за необходимо нужное дѣло, чтобы всякаго рода знаніе распространить въ отечествѣ, и людей искусныхъ въ высокихъ наукахъ, также художниковъ и ремесленниковъ размножить; о чемъ Его отеческое попеченіе хотя прежде сего мною предложено, однако ежели оное описать обстоятельно, то цѣлое мое слово еще къ тому не достанетъ. Ибо не однократно облетая на подобіе орла быстропарящаго Европейскія государства, отъ части повелѣніемъ, отъ части важнымъ своимъ примѣромъ побудилъ великое

множество своихъ подданныхъ оставить на время отечество, и искусствомъ увѣриться, коль великая происходитъ польза человѣку и цѣлому государству отъ любопытнаго путешествія по чужимъ краямъ. Тогда отворились широкія врата великія Россіи; тогда чрезъ границы и пристани на подобіе прилива и отлива въ пространномъ Океанѣ бывающаго, то выѣзжающіе для пріобрѣтенія знаній въ разныхъ наукахъ и художествахъ сыны Россійскіе, то приходящіе съ разными искусствами, съ книгами, съ инструментами иностранные, безпрестаннымъ текли движеніемъ. Тогда Математическому и Физическому ученію, прежде въ чародѣйство и волхвованіе вмѣненному, уже одѣянному порфирою, увѣнчанному лаврами и на Монаршескомъ престолѣ посажденному, благоговѣйное почитаніе, въ освященной Петровой Особѣ приносилось. Таковымъ сіяніемъ величества окруженныя науки и художества всякаго рода какую принесли намъ пользу, доказываетъ избыточествующее изобиліе многоразличныхъ нашихъ удовольствій, которыхъ прежде великаго Россіи просвѣтителя предки наши не токмо лишались, но о многихъ и понятія

не имѣли. Коль многія нужныя вещи, которыя прежде изъ дальнихъ земель съ трудомъ и за великую цѣну въ Россію приходили, нынѣ внутрь государства производятся, и не токмо насъ довольствуютъ, но избыткомъ своимъ и другія земли снабдѣваютъ! Похвалялись нѣкогда окрестные сосѣди наши, что Россія, государство великое, государство сильное, ни военнаго дѣла, ни купечества безъ ихъ спомоществованія надлежащимъ образомъ производить не можетъ, не имѣя въ нѣдрахъ своихъ не токмо драгихъ металловъ для монетнаго тисненія, но и нужнѣйшаго желѣза къ приуготовленію оружія, съ чѣмъ бы стать противъ непріятеля. Изчезло сіе нареканіе отъ просвѣщенія Петрова: отверзты внутренности горъ сильною и трудолюбивою Его рукою. Проливаются изъ нихъ металлы, и не токмо внутрь отечества обильно распростираются, но и обратнымъ образомъ, яко бы заемные внѣшнимъ народамъ отдаются. Обращаетъ мужественное Россійское воинство противъ непріятеля оружіе, пріуготовленное изъ горъ Россійскихъ Россійскими руками.

О семъ для защищенія отечества, для безопасности подданныхъ и для безпрепятственнаго произведенія внутрь государства важныхъ предпріятій, о семъ нужномъ учрежденіи порядочнаго войска, коль великое имѣлъ Великій Монархъ попеченіе, коль стремительное рвеніе, коль рачительное всѣхъ способовъ, всѣхъ путей изысканіе, тому всему когда надивиться довольно не можемъ, возможемъ ли изобразить оное словомъ? Родитель Премудраго Нашего Героя, блаженныя памяти Великій Государь Царь Алексѣй Михайловичъ между многими преславными дѣлами положилъ начало регулярнаго войска, котораго спомоществованіемъ сколько на войнѣ имѣлъ успѣху, свидѣтельствуютъ счастливые его походы въ Польшѣ и пріобрѣтенныя обратно къ Россіи провинціи. Но все Его о военномъ дѣлѣ попеченіе съ жизнію пресѣклось. Возвратились старинные безпорядки, и Россійское воинство больше въ многолюдствѣ, нежели въ искусствѣ показать могло свою силу, которая сколько по томъ ослабѣла, явствуетъ изъ бывшихъ тогда противъ Турокъ и Татаръ безполезныхъ военныхъ предпріятій, а болѣе всего изъ необузданныхъ и пагуб-

ныхъ стрѣлецкихъ возмущеній, отъ неимѣнія порядочной расправы и расположенія произшедшихъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ кто могъ помыслить, чтобы двенадцати лѣтъ Отрокъ, отлученный отъ правленія государства, и только подъ премудрымъ покровительствомъ чадолюбивыя своея Родительницы отъ злобы защищаемый, между безпрестанными страхами, между копьями, между мечами, на Его родственниковъ и доброжелателей и на Него самаго обнаженными, началъ учреждать новое регулярное войско, котораго могущество въ скоромъ послѣ времени почувствовали непріятели, почувствовали и вострепетали; и которому нынѣ вся вселенная по справедливости удивляется. Кто могъ помыслить, чтобы отъ дѣтской, какъ казалось, игры толь важное, толь великое могло возрасти дѣло? Иные видя нѣсколько молодыхъ людей со младымъ Государемъ обращающихъ разнымъ образомъ легкое оружіе, разсуждали, что сіе одна Ему только была забава, и потому сіи новонабранные люди Потѣшными назывались. Нѣкоторые имѣя большую прозорливость, и примѣтивъ на юношескомъ лицѣ цвѣтущую геройскую

бодрость, изъ очей сіяющее остроуміе, и въ движеніяхъ сановитую поворотливость, размышляли, коль храбраго Героя, коль Великаго Монарха могла уже тогда ожидать Россія! Но набрать многіе и великіе полки, пѣхотные и конные, удовольствовать всѣхъ одеждою, жалованьемъ, оружіемъ и прочимъ военнымъ снарядомъ, обучить новому артикулу, завести по правиламъ артиллерію полевую и осадную, къ чему не малое знаніе Геометріи, Механики и Химіи требуется, и паче всего имѣть во всемъ искусныхъ начальниковъ, казалось по справедливости невозможное дѣло: ибо во всѣхъ сихъ потребностяхъ знатной недостатокъ и лишеніе Государевой власти отняли послѣднюю къ тому надежду и малѣйшую вѣроятность. Однако что по томъ послѣдовало? Паче общенароднаго чаянія, противу невѣроятія оставившихъ надежду и свыше препинательныхъ происковъ и язвительнаго роптанія самой зависти загремѣли внезапно новые полки Петровы, и въ вѣрныхъ Россіянахъ радостную надежду, въ противныхъ страхъ, въ обоихъ удивленіе возбудили. Невозможное учинилось возможно чрезвычайнымъ раченіемъ, а паче

всего неслыханнымъ примѣромъ. Взирая нѣкогда Сенатъ Римскій на Траяна Цесаря, стоящаго предъ Консуломъ, для принятія отъ него Консульскаго достоинства, возгласилъ: *Тѣмъ ты болѣе, тѣмъ ты величественнѣе*! Какія восклицанія, какіе плески Петру Великому быть долженствовали для Его безприкладнаго снисхожденія? Видѣли, видѣли отцы наши вѣнчаннаго своего Государя не въ числѣ кандидатовъ Римскаго Консульства, но межъ рядовыми солдатами; не власти надъ Римомъ требующаго, но подданныхъ своихъ мановенія наблюдающаго. О вы мѣста прекрасны, мѣста благополучны, которыя толь чуднымъ зрѣніемъ насладились! О какъ вы удивлялись дружественному непріятельству полковъ единаго Государя, начальствующаго и подчиненнаго, повелѣвающаго и повинующагося! О какъ вы удивлялись осадѣ, защищенію и взятію домашнихъ новыхъ крѣпостей не для настоящія корысти, но ради будущія славы; не для усмиренія сопротивныхъ, но ради ободренія единоплеменныхъ учиненному! Мы нынѣ озираясь на оныя минувшія лѣта, представляемъ, коль великою любовію, коль горячею ревностію къ Государю

воспалялось начинающееся войско, видя Его въ своемъ сообществѣ, за однимъ столомъ тую же пріемлющаго пищу, видя лице его пылью и потомъ покрытое, видя, что отъ нихъ ничѣмъ не разнится, кромѣ того, что въ обученіи и въ трудахъ всѣхъ прилѣжнѣе, всѣхъ превосходнѣе. Таковымъ чрезвычайнымъ примѣромъ премудрый Государь, происходя по чинамъ съ подданными, доказалъ, что Монархи ничѣмъ такъ величества, славы и высоты своего достоинства приращить не могутъ, какъ подобнымъ сему снисхожденіемъ. Таковымъ поощреніемъ укрѣпилось Россійское воинство, и въ двадцатилѣтную войну съ короною Шведскою и по томъ въ другіе походы наполнило громомъ оружія и побѣдоносными звуками концы вселенныя. Правда, что первое подъ Нарвою сраженіе было неудачливо; но противныхъ преимущество и Россійскаго воинства уступленіе къ ихъ прославленію и къ нашему уничиженію больше отъ зависти и гордости увеличены, нежели каковы были самою вещію. Ибо хотя Россійское войско было по большей части двулѣтнее противъ стараго и къ сраженіямъ пріобыкшаго; хотя несогласіе учинилось между нашими

полководцами, и злохитрой переметчикъ открылъ непріятелю всѣ обстоятельства нашего стана; и хотя Карлъ вторыйнадесять скоропостижнымъ нашествіемъ не далъ времени Россіянамъ построиться: однако они и по отступленіи отняли у непріятеля смѣлость продолжать бой, и докончать побѣду, такъ что оставшаяся въ цѣлости Россійская Лейбгвардія и немало прочаго войска за тѣмъ только напасть на непріятеля не отважились, что не имѣли главныхъ предводителей, которыхъ онъ призвавъ для мирнаго договора, удержалъ, какъ своихъ плѣнниковъ. Того ради гвардія и прочее войско съ оружіемъ, съ военною казною, распустивъ знамена, и ударивъ въ барабаны, въ Россію возвратились. Что сія неудача больше для показанныхъ нещастливыхъ обстоятельствъ, нежели для неискусства войскъ Россійскихъ приключилась, и что Петрово новое войско уже въ младенчествѣ своемъ могло побѣждать привыкшіе полки противныхъ, доказали въ слѣдующее лѣто и по томъ многія одержанныя надъ ними преславныя побѣды.

Я къ вамъ обращаю мое слово, нынѣ мирные сосѣди! когда вы сіи похвалы

военныхъ дѣлъ нашего Героя, когда вы превозносимыя мною побѣды Россійскаго воинства надъ вами услышите, не въ поношеніе, но больше въ честь вашу припишите. Ибо стоять долгое время противъ Петра Великаго, противъ Мужа, посланнаго отъ Бога на удивленіе вселенныя, и наконецъ быть отъ Него побѣжденнымъ, есть славнѣе, нежели побѣдить слабые полки подъ худымъ предводительствомъ. Почитайте по справедливости истинною своею славою храбрость Героя вашего Карла, и по согласію всего свѣта утверждайте, что едва бы кто возмогъ устоять предъ лицемъ его гнѣва; когда бы чудною Божескою судьбою не былъ въ отечествѣ нашемъ противъ его воздвигнутъ Петръ Великій. Его храбрые и введеннымъ регулярствомъ устроенные полки, воспослѣдовавшими въ скоромъ времени побѣдами, доказали, коль горяча ихъ ревность, каково въ военномъ дѣлѣ искусство, пріобрѣтенное отъ премудраго наставленія и примѣра. Оставляя многочисленныя побѣды, которыя Россійское воинство сраженіями числить пріобыкло, не упоминая великаго множества взятыхъ городовъ и твердыхъ крѣпостей, имѣемъ довольное

свидѣтельство въ двухъ главныхъ побѣдахъ, подъ Лѣснымъ и подъ Полтавою. Гдѣ болѣе удивилъ Господь свою на насъ милость? Гдѣ явственнѣе открылось, коль сильные имѣло успѣхи въ заведеніи новаго войска благословенное начинаніе и ревностное раченіе Петрово? Что сего чуднѣе, что невѣроятнѣе могло воспослѣдовать? Войско къ регулярству давно пріобыкшее изъ областей непріятельскихъ, дерзостію къ бою славныхъ приведенное, подъ предводительствомъ начальниковъ въ воинскомъ упражненіи все время положившихъ; войско всякими снарядами преизобильно снабдѣнное уклоняется отъ сраженія съ новыми Россійскими полками, числомъ много меншими. Но они не дая сопротивнымъ отдохновенія, быстрымъ теченіемъ постигли, сразились, побѣдили; и главной ихъ предводитель съ малыми остатками едва плѣненія избылъ, чтобы принести своему Государю плачевныя вѣсти, которыми хотя онъ сильно возмутился; однако мужественнымъ и стремительнымъ духомъ бодрствуя, еще поощрялся противъ Россіи; еще не могъ увѣриться, чтобы малолѣтное войско Петрово могло устоять противъ его возмужавшей

силы, наступающей подъ его самаго предводительствомъ; и надѣясь на дерзостныя обнадѣживанія безсовѣстнаго Россіи измѣнника, не усомнѣлся вступить въ Украинскіе предѣлы нашего отечества. Обращалъ высокомѣрными размышленіями Россію, и весь Сѣверъ чаялъ уже быть подъ ногою своею. Но Богъ въ награжденіе трудовъ неусыпныхъ воздалъ ПЕТРУ совершенною побѣдою надъ симъ презрителемъ его раченій, которой противу своего чаянія не токмо очевиднымъ былъ свидѣтелемъ невѣроятныхъ Героя нашего въ военномъ дѣлѣ успѣховъ; но и бѣгствомъ своимъ не могъ избѣгнуть мечтающейся въ мысляхъ стройной храбрости Россійской.

Толь знатными побѣдами прославивъ съ собою Великій Монархъ во всемъ свѣтѣ свое воинство, наконецъ доказалъ, что онъ сіе больше для нашей безопасности учредить старался! Ибо нетокмо узаконилъ, чтобы оное никогда не распускать, ниже во время безмятежнаго мира, какъ то при бывшихъ прежде Государяхъ, не рѣдко къ немалому упадку могущества и славы отечества, происходило; но и содержать всегда въ исправной готовности. О истинное отеческое

попеченіе! Многократно напоминалъ Онъ своимъ ближнимъ вѣрнымъ подданнымъ, иногда со слезами прося и цѣлуя, чтобы толь великимъ трудомъ и съ толь чуднымъ успѣхомъ предпріятое обновленіе Россіи, а паче военное искусство, не было послѣ Него въ нерадѣніи оставлено. И въ самое то всерадостное время, когда благословилъ Богъ Россію славнымъ и полезнымъ миромъ со Шведскою короною, когда усердныя поздравленія и должные ему титулы *Императора, Великаго, Отца отечества* приносились; не преминулъ подтвердить публично Правительствующему Сенату, что надѣясь на миръ, не надобно ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ. Не симъ ли назнаменовалъ ясно, что ему сіи высокіе титулы не были пріятны безъ наблюденія и содержанія впредь завсегда регулярнаго войска?

Обозрѣвъ скорымъ окомъ на сухомъ пути силы Петровы, въ младенчествѣ возмужавшія, и обученіе свое съ побѣдами соединившія, простремъ чрезъ воды взоръ нашъ, слушатели; посмотримъ тамъ дѣла Господни, и чудеса его въ глубинѣ, ПЕТРОМЪ показанныя, и свѣтъ удивившія.

Пространная Россійская держава на подобіе цѣлаго свѣта едва не оповсюду великими морями окружается, и оныя себѣ въ предѣлы поставляетъ. На всѣхъ видимъ распущенные Россійскіе флаги. Тамъ великихъ рѣкъ устья и новыя пристани едва вмѣщаютъ судовъ множество; индѣ стонутъ волны подъ тягостью Россійскаго флота, и въ глубокой пучинѣ огнедышущіе звуки раздаются. Тамъ позлащенные и на подобіе весны процвѣтающіе корабли въ тихой поверхности водъ изображаясь, красоту свою усугубляютъ; индѣ достигнувъ спокойнаго пристанища плаватель, удаленныхъ странъ избытки выгружаетъ, къ удовольствію нашему. Тамъ новые Колумбы къ невѣдомымъ берегамъ поспѣшаютъ для приращенія могущества и славы Россійской; индѣ другой Тифисъ между сражающимися горами плыть дерзаетъ, со снѣгомъ, со мразомъ, съ вѣчными льдами борется, и хочетъ соединить востокъ съ западомъ. Откуду толикая слава и сила Россійскихъ флотовъ по толь многимъ морямъ въ краткое время распространилась? откуду матеріи? откуду искусство? откуду махины и орудія нужныя въ толь трудномъ

и многообразномъ дѣлѣ? Не древніе ли исполины, вырывая изъ густыхъ лѣсовъ и горъ превысокихъ великіе дубы, по берегамъ повергли къ строенію? Не Амфіонъ ли сладкимъ лирнымъ играніемъ подвигнулъ разновидныя части къ сложенію чудныхъ крѣпостей, летающихъ чрезъ волны? Таковымъ бы истинно вымысламъ чудная поспѣшность Петрова въ сооруженіи флота приписалась, естьли бы такое невѣроятное, и выше силъ человѣческихъ быть являющееся дѣло въ отдаленной древности приключилось, и не былобъ въ твердой памяти у многихъ очевидныхъ свидѣтелей, и въ письменныхъ безъ всякаго изъятія достовѣрныхъ извѣстіяхъ. Въ сихъ мы съ удивленіемъ читаемъ, отъ оныхъ не безъ сердечнаго движенія въ дружелюбныхъ разговорахъ слышимъ, что не льзя опредѣлить, сухопутное ли, или морское войско учреждая, больше труда положилъ ПЕТРЪ Великій. Однако о томъ нѣтъ сомнѣнія, что въ обоихъ былъ неутомимъ, въ обоихъ превосходенъ. Ибо какъ для знанія всего, что ни случается въ сраженіяхъ на сухомъ пути, не токмо прошелъ всѣ чины, но и всѣ мастерства и работы испыталъ собственнымъ искус-

ствомъ, дабы ни надъ кѣмъ не просмотрѣть упущенія должности, и ни отъ кого излишества свыше силъ не потребовать. Подобнымъ образомъ и во флотѣ, не учинивъ опыта, ничего не оставилъ, въ чемъ бы только Его проницательныя мысли, или трудолюбивыя руки могли упраздниться. Съ того самаго времени, когда онаго, вещію малаго ботика, но дѣйствіемъ и славою великаго, изобрѣтеніе побудило неусыпный духъ Петровъ къ полезному раченію основать флотъ, и на морской глубинѣ показать Россійское могущество, устремилъ и распросперъ великаго разума своего силы во всѣ важнаго сего предпріятія части. Которыя разсматривая, увѣрился, что въ толь трудномъ дѣлѣ успѣховъ имѣть не возможно, ежели онъ самъ довольнаго въ немъ знанія не получитъ. Но гдѣ оное постигнуть? Что Великій Государь предпріемлетъ? Чудилось прежде безчисленное народа множество, стекшееся видѣть восхищающее позорище на поляхъ Московскихъ, когда нашъ Герой, едва выступивъ изъ лѣтъ младенческихъ, въ присутствіи всего Царскаго дома, при знатныхъ чинахъ Россійскаго государства, и при знатномъ собраніи

дворянства, то радующихся, то повреждения здравию Его боящихся, трудился, размѣривая регулярную крѣпость, какъ мастеръ, копая рвы, и взвозя землю на разкаты, какъ рядовой солдатъ; всѣмъ повелѣвая, какъ Государь; всѣмъ дая примѣръ, какъ премудрый учитель и просвѣтитель. Но вящшее возбудилъ удивленіе, вящшее показалъ позорище предъ очами всего свѣта, когда сначала на малыхъ водахъ Московскихъ, потомъ на большей ширинѣ озеръ Ростовскаго и Кубинскаго, наконецъ въ пространствѣ Бѣлаго моря увѣрясь о несказанной пользѣ мореплаванія, отлучился на время изъ своего государства, и сокрывъ величество своея особы между простыми работниками въ чужой земли корабельному дѣлу обучаться не погнушался. Удивлялись сперва чудному дѣлу прилучившіеся съ нимъ купно въ обученіи, какъ Россіянинъ толь скоро не токмо простой плотнической работѣ научился, не токмо ни единой части къ строенію и сооруженію кораблей нужной не оставилъ, которой бы своими руками не умѣлъ сдѣлать; но и въ морской архитектурѣ толикое пріобрѣлъ искусство, что Голландія не могла уже удовольствовать

Его глубокаго понятія. Потомъ коль великое удивленіе во всѣхъ возбудилось, когда увѣдали, что не простой то былъ Россіянинъ, но самъ толь великаго Государства Обладатель къ тягостнымъ трудамъ простеръ рожденныя и помазанныя для ношенія скипетра и державы руки. Но только ли было, что для одного любопытства, или по крайней мѣрѣ для указанія и повелительства въ Голландіи и въ Британіи достигъ совершенной теоріи и практики къ сооруженію флота и въ мореплавательной наукѣ? Вездѣ Великій Государь не токмо повелѣніемъ и награжденіемъ; но и собственнымъ примѣромъ побуждалъ къ трудамъ подданныхъ! Я вами свидѣтельствуюсь великія Россійскія рѣки, я къ вамъ обращаюсь щастливые береги, освященные Петровыми стопами и потомъ Его орошенные! Коль часто раздавались на васъ бодрые и ревностные клики, когда тяжкіе къ составленію корабля пріуготовленные члены, нерѣдко тихо отъ работающихъ движемые, наложеніемъ руки Его къ скорому теченію устремлялись, и оживленное примѣромъ Его множество съ невѣроятною поспѣшностію совершало великія громады! Коль чуднымъ,

и ревностному сердцу чувствительнымъ зрѣніемъ наслаждались стекшіеся народы, когда оныя великія зданія къ сошествію на воду приближались! когда неусыпный ихъ основатель и строитель многократно то на верьху оныхъ, то подъ ними обращаясь, то кругомъ обходя, примѣчалъ твердость каждой части, силу махинъ, всѣхъ предосторожностей точность, и усмотрѣнные недостатки изправлялъ повелѣніемъ, ободреніемъ, догадкою и неутомимыхъ рукъ своихъ поспѣшнымъ искуствомъ! Симъ неусыпнымъ раченіемъ, симъ непобѣдимымъ въ трудѣ постоянствомъ баснословная древнихъ поспѣшность не вымыслами, но правдою во дни Петровы показалась.

Коль радостны были великому Государю толикіе въ морскомъ дѣлѣ успѣхи, къ несказанной пользѣ и славѣ государства, раченіемъ Его произведенные, легко изъ того усмотрѣть можно, что не токмо воздаяніемъ удовольствовалъ спотрудившихся съ собою, но и безчувственному дереву показалъ преславной знакъ благодарности. Покрываются Невскія струи судами и флагами; не вмѣщаютъ бреги великаго множества стекшихся зрителей; колеблется воздухъ и

стонетъ отъ народнаго восклицанія, отъ шума веселъ, отъ трубныхъ гласовъ, отъ звука огнедышущихъ махинъ. Какое щастіе, какую радость намъ небо посылаетъ? Кому на срѣтеніе Монархъ нашъ съ таковымъ великолѣпіемъ выходитъ? Ветхому ботику, но въ новомъ и сильномъ первенствующему флотѣ! Представивъ сего величество, красоту, могущество и славныя дѣйствія, и купно онаго малость и худость, видимъ, что сего никому въ свѣтѣ произвести не было возможно, кромѣ исполинской смѣлости въ предпріятіи, и неутомимой въ совершеніи бодрости Петровой.

Превосходенъ на земли, несравненъ на водахъ силою и славою военною былъ великій нашъ защитникъ!

Отъ краткаго сего и часть нѣкоторую трудовъ Его содержащаго изчисленія уже чувствую утомленіе, Слушатели; но великое и пространное похвалъ Его вижу поле предъ собою! И такъ, дабы къ совершенію теченія слова моего силы и опредѣленнаго времени достало, употреблю возможную поспѣшность.

Къ основанію и произведенію въ дѣйство толь великой морской и сухо-

путной силы, сверьхъ сего къ строенію новыхъ городовъ, крѣпостей, пристаней, къ сообщенію рѣкъ великими каналами, къ укрѣпленію пограничныхъ линей валами, къ долговременной войнѣ, къ толь частымъ и дальнимъ походамъ, къ строенію публичныхъ и приватныхъ зданій новою архитектурою, къ сысканію искусныхъ людей и всѣхъ другихъ способовъ для распространенія наукъ и художествъ, на содержаніе новыхъ чиновъ придворныхъ и штатскихъ, коль великая казна требовалась, всякому ясно представить можно и разсудить, что къ тому не могли достать доходы Петровыхъ Предковъ. Того ради премудрый Государь крайнее приложилъ стараніе, какъ бы внутренніе и внѣшніе государственные сборы умножить безъ народнаго раззоренія. И по врожденному своему просвѣщенію усмотрѣлъ, что не токмо казнѣ великая прибыль воспослѣдуетъ; но и общее подданнымъ спокойство и безопасность единымъ учрежденіемъ утвердится. Ибо когда еще не было число всего Россійскаго народа и каждаго человѣка жилище извѣстно, своевольство не пресѣчено, каждому, куда хочетъ, преселиться и странствовать

по своему произволенію не запрещалось; наполнены были улицы безстыдною и шатающеюся нищетою; дороги и великія рѣки нерѣдко запирались злодѣйствомъ воровъ и цѣлыми полками душегубныхъ разбойниковъ, отъ которыхъ не токмо села, но и городы раззорялись. Превратилъ премудрый Герой вредъ въ пользу, лѣность въ прилѣжаніе, раззорителей въ защитниковъ; когда изчислилъ подданныхъ множество, утвердилъ каждаго на своемъ жилищѣ, наложилъ легкую, но извѣстную подать; чрезъ что умножилось и учинилось извѣстное количество казенныхъ внутреннихъ доходовъ и число людей въ наборахъ; умножилось прилѣжаніе и строгое военное ученіе. Многихъ, которые бы въ прежнихъ обстоятельствахъ остались вредными грабителями, принудилъ готовыми быть къ смерти за отечество.

Сколько другія къ сему служащія премудрыя учрежденія спомоществовали, о томъ умолчеваю; упомяну о приращеніи внѣшнихъ доходовъ. Всевышняго промыслъ споспѣшествовалъ добрымъ намѣреніямъ и раченіямъ Петровымъ: отворилъ рукою Его новыя пристани на Варяжскомъ морѣ при городахъ храбростію

Его покоренныхъ и собственнымъ трудомъ воздвигнутыхъ. Совокуплены великія рѣки для удобнѣйшаго проходу Россійскаго купечества, сочинены пошлинные уставы, утверждены купеческіе договоры съ разными народами. И такъ прирастая внутрь и внѣ довольство, сколько спомоществовало, явствуетъ изъ самаго начала сихъ учрежденій. Ибо продолжая двадцать лѣтъ трудную войну Россія, отъ долговъ была свободна.

Чтожъ? уже ли всѣ великія дѣла Петровы изображены слабымъ моимъ начертаніемъ? О коль много еще размышленію, голосу и языку моему труда остается! Я вамъ, Слушатели, я вашему знанію препоручаю, коль много требовало неусыпности основаніе и установленіе правосудія, учрежденіе Правительствующаго Сената, Святѣйшаго Синода, Государственныхъ Коллегій, Канцеллярій и другихъ мѣстъ присутственныхъ съ узаконеніями, регламентами, уставами; расположеніе чиновъ, заведеніе внѣшнихъ признаковъ для оказанія заслугъ и милости; наконецъ политика, посольства и союзы съ чужими державами: бы все сіе сами въ просвѣщенныхъ ПЕТРОМЪ умахъ вашихъ представте. Мнѣ только

остается предложить едино краткое всего изображеніе. Когда бы прежде начала Петровыхъ предпріятій приключилось кому отлучиться изъ Россійскаго отечества въ отдаленныя земли, гдѣ бы Его имя не загремѣло, буде такая земля есть на свѣтѣ; потомъ бы возвратясь въ Россію, увидѣлъ новыя въ людяхъ знанія и искусства, новое платье и обходительства, новую архитектуру съ домашними украшеніями, новое строеніе крѣпостей, новой флотъ и войско, всѣхъ сихъ не токмо иной образъ, но и теченіе рѣкъ и морскихъ предѣловъ усмотрѣлъ перемѣну: что бы тогда помыслилъ? Не могъ бы разсудить иначе, какъ что онъ былъ въ странствованіи многіе вѣки; либо все то учинено въ толь краткое время общими силами человѣческаго рода; или творческою Всевышняго рукою; или наконецъ все мечтается ему въ сонномъ привидѣніи.

Изъ сего моего почти тѣнь едину Петровыхъ славныхъ дѣлъ показующаго слова видѣть можно, коль они велики! Но что сказать о страшныхъ и опасныхъ препятствіяхъ бывшихъ на пути исполинскаго Его теченія? Больше похвалу Его возвысили! Подвержено тако-

вымъ перемѣнамъ состояніе человѣческое, что изъ благополучныхъ противныя, изъ противныхъ благополучныя слѣдствія раждаются. Что приращенію нашего благополучія могло быть сего противнѣе, когда Россію обновляющему ПЕТРУ и купно отечеству извнѣ нападенія, извнутрь огорченія, отвсюду опасности грозили, и пагубныя слѣдствія пріуготовлялись? Война дѣла домашнія, домашнія дѣла войну отягощали, которая еще прежде начала своего начала быть вредительна. Подвигнулся великій Государь изъ отечества съ великимъ посольствомъ видѣть Европейскія государства, познать ихъ преимущества, дабы возвратясь, употребить ихъ въ пользу своихъ подданныхъ. Только лишь прешелъ владѣнія своего предѣлы, вездѣ ощутилъ великія и тайно поставленныя препоны. Однако оныхъ, какъ по всему свѣту извѣщенныхъ, нынѣ не упоминаю. Мнѣ кажется, и бездушныя вещи чувствовали опасность приближающуюся къ Россійской надеждѣ. Чувствовали струи Двинскія, и будущему своему Повелителю, между густымъ льдомъ, къ спасенію отъ устроенныхъ коварствъ, стезю открыли, и преодолѣнныя имъ

опасности Балтійскимъ берегамъ, разливаясь, возвѣстили. Избывъ отъ опасности, поспѣшалъ въ радостномъ пути своемъ, довольствуя очи и сердце, и обогащая разумъ. Но ахъ! неволею пресѣкаетъ свое преславное теченіе. Какую имѣлъ самъ съ собою распрю! Съ одной стороны влечетъ любопытство и знаніе отечеству нужное, съ другой стороны само бѣдствующее отечество, которое къ Нему, къ единому своему упованію, простерши руки восклицало: Возвратися, поспѣшно возвратися: меня терзаютъ внутрь измѣнники! Ты странствуешь для моего блаженства: со благодареніемъ признаваю: но прежде укроти свирѣпыхъ: Ты разстался со своимъ домомъ, со своими кровными для приращенія моей славы: съ усердіемъ почитаю: но успокой опасное нестроеніе: оставилъ данный Тебѣ отъ Бога вѣнецъ и скипетръ, и простымъ видомъ скрываешь лучи своего Величества для моего просвѣщенія: съ радостною надеждою того желаю: но отврати мрачную грозу неспокойства съ домашняго горизонта. Такими движеніями сердца проницаясь, возвратился для утоленія страшныя бури! Таковыя противности вос-

пящали Герою нашему въ славныхъ подвигахъ! Коль многими отвсюду окруженъ былъ непріятелями! Извнѣ воевала Швеція, Польша, Крымъ, Персія, многіе восточные народы, Оттоманская Порта; извнутрь стрѣльцы, раскольники, козаки, разбойники. Въ домѣ отъ самыхъ ближнихъ, отъ своей крови злодѣйства, ненависть, предательства на дражайшую жизнь Его пріуготовлялись. Что все подробно описать трудно и слушать не безболѣзненно! Къ радости въ радостное время обратимся. Помогъ Всевышній ПЕТРУ преодолѣть всѣ тяжкія препятствія, и Россію возвысить. Споспѣшествовалъ Его благочестію, премудрости, великодушію, мужеству, правдѣ, снисходительству, трудолюбію. Усердіе и вѣра къ Богу во всѣхъ Его предпріятіяхъ извѣстна; первое Его веселіе былъ домъ Господень; не слушатель токмо предстоялъ божественной службѣ, но самъ чиноначальникъ. Умножалъ вниманіе и благоговѣніе предстоящихъ своимъ Монаршескимъ гласомъ; и внѣ государскаго мѣста съ простыми пѣвцами на ряду стоялъ передъ Богомъ. Много имѣемъ примѣровъ Его благочестія; но единъ нынѣ довлѣетъ. Выѣзжая въ срѣтеніе

тѣлу святаго и храбраго Князя Александра, благоговѣнія исполненнымъ дѣйствіемъ подвигнулъ весь градъ, подвигнулъ струи Невскія. Чудное видѣніе! Гребутъ Кавалеры, самъ Монархъ на кормѣ управляетъ, и къ простыхъ людей труду предъ всѣмъ народомъ помазанныя руки простираетъ, вѣры ради ею укрѣпляясь, избылъ многократнаго стремленія кровожаждущихъ измѣнниковъ. Осѣнилъ Господь надъ главою Его силою свыше въ день Полтавскія брани, и не допустилъ къ Ней прикоснуться смертоносному металлу! Разсыпалъ предъ Нимъ, какъ нѣкогда Ерихонскую, Нарвскую стѣну, не во время ударовъ изъ огнедышущихъ махинъ, но во время божественной службы.

Освященнаго и огражденнаго благочестіемъ одарилъ Богъ несравненною премудростію. Какая важность въ разсужденіяхъ, безпритворная въ словахъ краткость, въ изображеніяхъ точность, въ произношеніи сановитость, жадность къ познанію, прилѣжное вниманіе благоразумныхъ и полезныхъ разговоровъ, въ очахъ и на всемъ лицѣ разума постоянство! Чрезъ сіи Петровы дарованія приняла новой видъ Россія, основаны науки

и художества, учреждены посольства и союзы, отвращены хитрые умыслы нѣкоторыхъ державъ противъ нашего Отечества, и Государямъ, иному сохранено королевство и самодержавство, иному возвращена отнятая непріятельми корона. Изо всего предреченнаго довольно явствующей, свыше вліянной Ему премудрости, споспѣшествовало Его Геройское мужество: оною удивилъ вселенную, симъ устрашилъ противныхъ. Въ самомъ своемъ нѣжномъ младенчествѣ, показалъ при военныхъ обученіяхъ безстрашіе. Когда всѣ смотрители новаго дѣла, метанія бомбъ на означенное мѣсто, весьма опасались поврежденія; младый Государь въ близости смотрѣть всѣми силами порывался, и слезами своея Родительницы, прошеніемъ братнимъ и знатныхъ персонъ моленіемъ едва былъ одержанъ. Странствуя въ чужихъ государствахъ для ученія, коль многія презиралъ опасности для обновленія Россіи! Плаваніе по непостоянной морской пучинѣ служило Ему вмѣсто увеселенія. Коль много кратъ морскія волны возвышая гордые верьхи свои, непревратной смѣлости были свидѣтели, быстротекущимъ флотомъ разсѣкаемы, въ корабли

ударяли, и съ ярымъ пламенемъ и ревущимъ по воздуху металломъ въ едину опасность совокуплялись, Его не устрашили! Кто безъ ужаса представить можетъ летящаго по полямъ Полтавскимъ въ устроенномъ къ бою своемъ войскѣ ПЕТРА, между градомъ пуль непріятельскихъ, около главы Его шумящихъ, возвышающаго сквозь звуки гласъ свой, и полки къ смѣлому сраженію ободряющаго. И ты знойная Персія ни быстрыми рѣками, ни топучими болотами, ни стремнинами горъ превысокихъ, ни ядовитыми источниками, ни разкаленными песками, ни внезапными набѣгами непостоянныхъ народовъ не могла препятить нашествію нашего Героя, не могла удержать торжественнаго въѣзда въ наполненные потаеннымъ оружіемъ и лукавствомъ городы.

Больше примѣровъ о Геройскомъ Его духѣ для краткости не предлагаю, Слушатели: не упоминаю многихъ сраженій и побѣдъ въ Его присутствіе и Его предводительствомъ бывшихъ: но представляю Его великодушіе великимъ Героямъ сродное, которое украшаетъ побѣды, и больше движетъ сердца человѣческія, не-

жели храбрые поступки. Въ побѣдахъ имѣетъ участіе храбрость воиновъ, споможеніе союзниковъ, мѣста и времени удобность, и больше всего присвояетъ себѣ счастіе, какъ бы нѣкоторое собственное свое достояніе. Великодушію побѣдителеву все принадлежитъ единому. Славнѣйшую получаетъ побѣду, кто себя побѣждаетъ. Не имѣютъ въ ней ни воины, ни союзники, ни время, ни мѣсто, ни само господствующее дѣлами человѣческими счастіе ни малѣйшаго жребія. Правда, побѣдителямъ разумъ удивляется; но великодушныхъ любитъ сердце наше. Таковъ былъ Великій нашъ Защитникъ. Отлагалъ гнѣвъ свой купно со оружіемъ, и не токмо изъ непріятелей никто живота лишенъ не былъ, какъ только противъ Его ополченный; но и безприкладная честь имъ показана. Скажите Шведскіе военачальники, подъ Полтавою плѣненные, что вы тогда помышляли, когда ожидая связанія, препоясаны были поднятыми противъ насъ мечами своими; ожидая посажденія въ темницы, посаждены были за столомъ Побѣдительскимъ; ожидая посмѣянія, поздравлены были нашими учителями? Коль великодушнаго Побѣдителя вы имѣли!

Великодушію сродно и часто сопряженно есть правосудіе. Первое званіе поставленныхъ отъ Бога на земли обладателей есть управляти міръ въ преподобіи и правдѣ, награждать заслуги, наказывать преступленія. Хотя военныя дѣла и великія другія упражненія, а особливо прекращеніе вѣку много препятствовали Великому Государю установить во всемъ непремѣнные и ясные законы; однако сколько на то трудовъ Его положено, несомнѣнно удостовѣряютъ многіе указы, уставы и регламенты, которыхъ составленіе многочисленные дни отдохновенія, многочисленныя ночи сна Его лишили. Докончыть и привести къ совершенству судилъ Богa подобной таковому Родителю Дщери въ безмятежное и благословенное Ея владѣніе.

Но хотя ясными и порядочными законами не утверждено было до совершенства; однако въ сердцѣ Его написано было правосудіе. Хотя не все въ книгахъ содержалось, но дѣломъ совершалось. При всемъ томъ милость на судѣ хвалилась въ самыхъ тѣхъ случаяхъ, когда многимъ Его дѣламъ препятствующія злодѣянія къ строгости принуждали. Изъ многихъ примѣровъ одинъ докажетъ.

Простивъ многихъ знатныхъ особъ за тяжкія преступленія, объявилъ свою сердечную радость пріятіемъ ихъ къ столу своему и пушечною пальбою. Не отягощаетъ Его казнь стрѣлецкая. Представте себѣ, и помыслите, что Ему ревность къ правдѣ, что сожалѣніе о подданныхъ, что своя опасносшь въ сердцѣ говорила. Пролита неповинная кровь по домамъ и по улицамъ Московскимъ, плачутъ вдовы, рыдаютъ сироты, воютъ насилованныя жены и дѣвицы, сродники мои въ домѣ моемъ предъ очами моими живота лишились, и острое оружіе было къ сердцу моему приставлено. Я Богомъ сохраненъ, сносилъ, уклонялся, я внѣ града странствовалъ. Нынѣ полезное мое путешествіе пресѣкли, вооружась явно противъ отечества. За все сіе ежели не отмщу, и конечной пагубы не пресѣку казнію, уже вижу напередъ площади наполнены труповъ, расхищаемые домы, разрушаемы храмы, Москву со всѣхъ сторонъ объемлему пламенемъ, и любезное отечество повержено въ дыму и въ пепелѣ. Всѣ сіи пагубы, слезы, кровь на мнѣ Богъ взыщетъ. Такого конечнаго правосудія наблюденіе принудило Его къ строгости.

Ничѣмъ не могу я больше доказать Его милостиваго и кроткаго сердца, какъ безприкладнымъ снисходительствомъ къ Его подданнымъ. Превосходенъ дарованіями, возвышенъ величествомъ, возвеличенъ преславными дѣлами; но все сіе больше безприкладнымъ снисхожденіемъ умножилъ, украсилъ. Часто межъ подданными своими просто обращался, не имѣя великаго и монаршеское присутствіе показующаго великолѣпія и раболѣпства. Часто пѣшему свободно было просто встрѣтиться, слѣдовать, итти вмѣстѣ, зачать рѣчь, кому потребуется. Многихъ прежде Государей раби на плечахъ, на головахъ своихъ носили; Его снисхожденіе превознесло выше самихъ Государей. Во время самаго веселія и отдохновенія предлагались дѣла важныя; важность не умаляла веселія, и простота не унижала важности. Какъ ожидалъ, принималъ и встрѣчалъ своихъ вѣрныхъ, какое увеселеніе за столомъ Его было! Спрашиваетъ, слушаетъ, отвѣчаетъ, разсуждаетъ какъ съ друзьями; и сколько время стола малымъ числомъ пищей сокращалось, столько продолжалось снисходительными разговорами. Межъ толь многими государственными попеченіями

жилъ какъ съ пріятельми въ прохлажденіи. Въ коль малыя хижины художниковъ вмѣщалъ свое Величество; и самыхъ низкихъ, но искусныхъ и вѣрныхъ рабовъ ободрялъ своимъ посѣщеніемъ. Коль часто съ ними упражнялся въ художествахъ и въ трудахъ разныхъ! Ибо онъ привлекалъ къ тому больше примѣромъ, нежели принуждалъ силою. И ежели что тогда казалось принужденіемъ, нынѣ явилось благодѣяніемъ. За отдохновеніе почиталъ Себѣ трудовъ своихъ перемѣну. Не токмо день или утро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ Его присутствіи дѣла вершили. Различныя художества не токмо Его присмотромъ, но и рукъ Его вспоможеніемъ къ приращенію поспѣшали; публичныя строенія, корабли, пристани, крѣпости всегда видѣли, и имѣли Его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи наградителя. Чтожъ Его путешествія, или лучше, быстропарящія летанія? Едва услышало гласъ повелѣнія Его Бѣлое, уже чувствуетъ Балтійское море; едва путь Его скрылся на водахъ

Азовскихъ, уже шумятъ уступающія ему Каспійскія волны. И вы великія рѣки, южная Двина и полночная, Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба, Дунай, Секвана, Тамиза, Ренъ и прочія, скажите, сколь много кратъ вы удостоились изображать видъ Великаго ПЕТРА въ струяхъ вашихъ? Скажите: я не могу изчислить! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смотримъ, по какимъ путямъ онъ шествовалъ, подъ которымъ древомъ имѣлъ отдохновеніе, изъ котораго источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми, какъ простой работникъ, трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пристани, крѣпости, и гдѣ между тѣмъ какъ пріятель обращался съ подданными своими. Какъ небесныя свѣтила теченіемъ, какъ море приливомъ и отливомъ; такъ Онъ попеченіемъ и трудами для насъ былъ въ непрестанномъ движеніи.

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ между безчисленнымъ народа множест-

вомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь; вездѣ ПЕТРА Великаго вижу въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ ПЕТРЪ, но многіе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню Великаго Государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей великими названныхъ. И правда, предъ другими велики; однако предъ ПЕТРОМЪ малы. Иной завоевалъ многія государства; но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ ради одного своего честолюбія, и вмѣсто тріумфа слышалъ плачъ и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтельми украшенъ; но вмѣсто, чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на земли воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ; но къ земли пристать страшился. Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако человѣческаго до-

стоянія и наслѣдства не имѣлъ разума. Другихъ не употреблю примѣровъ, кромѣ Рима. Но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ первой Пунической войны до Августа Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то ПЕТРЪ сдѣлалъ въ краткое время своея жизни. Комужъ я Героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ Тотъ, который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море; дхнетъ духъ его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ, и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ его въ человѣческомъ видѣ. И такъ ежели человѣка Богу подобнаго по нашему понятію найти надобно, кромѣ ПЕТРА Великаго не обрѣтаю.

За великія къ отечеству заслуги названъ Онъ Отцемъ Отечества. Однако малъ ему титулъ. Скажите, какъ Его назовемъ за то, что Онъ родилъ Дщерь всемилостивѣйшую Государыню нашу, которая на Отеческій престолъ мужествомъ вступила, гордыхъ враговъ

побѣдила, Европу усмирила, благодѣяніями своихъ подданныхъ снабдила?

Услыши насъ Боже, награди Господи! за великіе труды Петровы, за попеченіе Екатеринино, за слезы, за воздыханіе, которыя двѣ Сестры, двѣ Дщери Петровы, разлучаясь проливали, за несравненныя всѣхъ къ Россіи благодѣянія, награди долгоденствіемъ и потомствомъ.

А ты, великая душа, сіяющая въ вѣчности и Героевъ блистаніемъ помрачающая, красуйся: Дщерь твоя царствуетъ; Внукъ Наслѣдникъ; Правнукъ по желанію нашему родился, мы Тобою возвышены, укрѣплены, просвѣщены, украшены; Ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими въ знакъ благодарности недостойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше, нежели всѣ силы наши!

PANEGIRIQUE
DE
PIERRE LE GRAND
prononcé
dans la Séance publique de l'Académie Impériale des Sciences, le 26 Avril 1755.

PAR Mr. LOMONOSOW,
et traduit
sur l'Original Russien par Mr. le Baron de Tschoudy.

Aux acclamations de la joie qu'inspire justement à nos coeurs l'Anniversaire du Couronnement de notre gracieuse Souveraine, dont nous célébrons aujourd'hui la fête, mêlons, chers Auditeurs, mêlons les actes d'une vive reconnoissance pour l'être suprême, dont cette heureuse époque manifeste si authentiquement la clémence pour toute la patrie et pour notre Auguste Princesse. Admirons sa naissance, admirons la conquête, qu'Elle a fait du trône paternel; le doigt de Dieu marque visiblement ces deux évenements. Naissance surprenante, puis qu'elle fut accompagnée de la prédi-

ction qu'Elle regneroit un jour, prédiction justifiée par Son avenement au thrône; la valeur l'y conduit, la prudence l'y soutient et le ciel Lui promet d'éclatantes victoires. Quels sujets d'allégresse pour nous! Le hazard ne fait point les Monarques; le ciel forme à son gré ces fronts Augustes qu'il destine à porter le poids d'une couronne; c'est une vérité incontestable, la naissance de notre grande Princesse suffiroit seule pour résoudre les doutes, s'il en restoit encore à cet égard. Elle nâquit pour régner, tel fut le présage heureux qui orna son berceau: présage qui ne dut rien aux futiles conjectures de l'Astrologie judiciaire, rien aux commentaires prophétiques des scrupuleux observateurs de la nature et de ses phenomenes; mais qui prit toute sa force, tout son crédit dans les plus sensibles témoignages de la providence. Pierre triomphe à Pultava; Ses ennemis succombent, et cette fameuse victoire reçoit un double éclat par la naissance de Son Auguste Fille: Elisabeth semble nâitre en même tems pour aller au devant du vainqueur qui rentre triomphant à Moskou. A des traits si frappants peut-on méconnoitre l'ouvrage de la providence? peut-on être sourd à la voix qui crie au fond de

nos coeurs: „Voici l'accomplissement de la „prospérité que je vous ai promise par les „augures qui l'ont précedée.“ Il reduit les ennemis, qui lui resistoient au dehors; Il détruit les traitres, qui le menaçoient au dedans; Elisabeth est née pour de pareilles victoires. Pierre ne revoit Ses états qu'après avoir remis la couronne sur la tête d'un Prince légitime; Elisabeth ne paroît sur la scene du monde que pour revendiquer le thrône qui Lui appartient. Pierre écarte de la Russie les dangers qui la menaçoient; Il la sauve d'une dévastation prochaine; Il fait succéder les cris de la joie à ceux de la terreur; Elisabeth par Son avenement au thrône écarte les liens, qui peut-être alloient nous opprimer; nous sauve du désespoir, et fait succéder les accens du plaisir aux larmes ameres du regret. Le triomphe de Pierre est orné d'une foule de prisonniers que Sa générosité avoit autant vaincus que Son courage. Le thrône d'Elisabeth est entouré d'un monde de sujets, que Son humanité, Sa modestie, Sa liberalité captivent. Prodiges de la suprême sagesse, chers Auditeurs! parités admirables! rapports heureux! une naissance! une victoire! la mere et la patrie délivrée; les cérémonies sacrées du bâ-

teme; les apprêts brillants du triomphe; des langes et des lauriers; les cris d'un enfant, les acclamations d'un peuple, quel tableau! tants d'augures n'annoncoient-ils pas à Elisabeth les vertus et la Couronne de Son Pere?

Mais suivons, Messieurs, suivons l'enchainement des bienfaits de la providence: voyons la conduire au thrône le nouveau chef d'oeuvre de sa toute-puissance; ce souvenir est trop précieux pour échapper jamais à notre mémoire. Notre Héroïne guidée par le ciel, animée d'un courage plus qu'humain, entreprend avec force, sauve l'Empire, renouvelle sa gloire, consomme les grands desseins et les exploits de Pierre, avance la prospérité de la plus grande partie de l'univers, et rend la joie à nos coeurs. S'il est grand de conserver un seul homme, combien ne l'est-il pas de sauver une nation entiere? Chere patrie! tu en es l'exemple. Le ciel irrité par nos dissentions internes, par les brigandages et les fratricides de nos ancêtres, t'avoit autrefois soumise au joug de l'étranger, abbâtue, affoiblie, tu languissois sous le poids de tes fers et de tes mauvais: touché de tes gémissemens, de tes larmes, de tes regrets, ce même ciel enfin t'accorda des Princes

courageux, qui mirent fin à ton esclavage, réunirent tes membres épars, et te rendirent ta premiere vigueur, ta majesté et ta gloire. Une rechute plus terrible te menaçoit encore, lorsqu'Elisabeth conduite par Dieu même au trône paternel te releve par des moyens encore plus admirables.

L'état est comme un corps, que les maladies internes affectent plus dangereusement que les playes extérieures; le mal nourri au sein de la patrie est plus préjudiciable que les attaques du déhors. A de grands maux, de grands rémedes, leur difficulté semble croître à proportions des risques. Cependant si nous comparons les moyens, par lesquels la Russie a échappée à l'oppression des Barbares avec ceux, dont s'est servi l'illustre Elisabeth, pour extirper le mal qui couvoit dans le sein de Son Empire, nous les trouverons infiniment plus doux et plus humains. C'est aux dépens des jours des vainqueurs et des vaincus que nos Princes ont racheté leur patrie; les champs et les rivieres, théatres du carnage, ont été teints du sang des ennemis et de celui des citoyens: la généreuse Elisabeth au contraire dont la clémence abhorre les victoires cruelles, a sçu sans nous affoiblir, déraciner le principe

du mal, qui déjà n'avoit que trop gagné; Elle a sans perte et presque sans effort ranimé notre languissante patrie: un seul mot, un mot divin prononcé par cette vertueuse héroine, a presque seul operé ce prodige. Je crois l'entendre encore, oui Messieurs, je La vois, je l'entens, Elle ordonne: „Leve-toi Russie," nous dit-Elle, „Leve-toi, marche, bannis tes doutes et „tes craintes, livre toi à l'espérance et à „la joie, pare-toi, fleuris et triomphe!" Telle est, chers Auditeurs, telle est l'espece d'enthousiasme, où nous ravit le souvenir de cet heureux moment: concevons en bien tout l'avantage, il nous a rendu notre liberté; il nous a rendu l'estime des autres nations. Avant cet événement, meprisés du reste de l'Europe, taxés d'une lâche et infidele indolence, que pensoient de nous les autres peuples? leurs discours ne sont-ils pas encore présents? Russiens! Russiens! disoient-ils, vous avez oublié Pierre le grand, vous avez oublié Ses travaux, vous avez oublié Son mérite, vous manquez de reconnoissance pour votre second créateur, pour votre peré: ingrats! on éloigne sa fille du trône, et vous ne l'en rapprochez pas; on l'abandonne, et vous ne la secourez pas; on l'oublie, on la néglige, et vous ne

remettez pas entre Ses mains votre gouvernement Son héritage! on La méprise, vous ne La vangez pas! Quelle honte! quelle tâche! mais l'incomparable Elisabeth seule ouvriere de Sa juste élévation, passe l'éponge sur ces tems nébuleux et presque flétrissans pour nous. L'univers aujourd'hui cesse d'imputer à notre pusillanimité le délai d'un regne si glorieux et si utile, il voit que la seule générosité de cette Héroine imposoit à l'ardeur que nous avions de verser tout notre sang, pour la rétablir dans Ses droits. Ressorts ingénieux de la providence qui vouloit ainsi manifester son pouvoir, développer le courage mâle d'Elisabeth, et combler nos voeux et nos desirs, en la plaçant au trône paternel. La solemnité de ce jour nous retrace cette favorable époque. Le tout-puissant préside à la naissance d'Elisabeth; il répand ses graces sur Elle; il protege Son enfance, forme Son coeur, y fait germer les vertus, la recompense enfin et la couronne; il bénit ce glorieux événement, il le décore de plusieurs victoires aussi glorieuses que cet événement même, et double ainsi la source de nos espérances de notre joie et de notre bonheur, en détruisant les projets odieux des ennemis

intérieurs, et reprimant, sans qu'il en coute de sang, les audacieuses entreprises des ennemis extérieurs.

C'est ici, Messieurs, que l'on peut observer, c'est ici que commence le glorieux paralelle de Pierre le grand et de Sa fille. Elisabeth revêtue de la pourpre, le front ceint du bandeau sacré prend enfin le sceptre et le globe impérial; l'air retentit des cris de l'allégresse publique; la joie de la Russie répand l'allarme parmi l'ennemi; il pâlit; il prévoit sa défaite; il croit s'y soustraire en cherchant derriere les montagnes, les fleuves et les marais un abri contre l'aigle Russienne, leurs légions sont placé aux notres; fieres du nom qui les commande, fortes par la main qui les dirige, nos troupes vont enfin donner des loix à leurs adversaires étonnés; ceux-ci céderont à la générosité de la puissante Elisabeth plus encore qu'à la vigueur de ses armes victorieuses. Les oracles de la providence en annonçant Son règne, annonçoient aussi tous ces triomphes. Fidèle Imitatrice du grand Prince dont Elle est Fille, Elle protège et donne des couronnes; amie sincere de la tranquille paix, Elle distribue à toute l'Europe la bienfaisante olive. Tout concoure à seconder Ses

soins, la terre ouvre son sein pour enrichir l'Empire par la découverte abondante des plus précieux métaux, l'or et l'argent végetent pour le soulagement des sujets, ils sont delivrés d'impots, le sang Russien n'est plus répandu ni dans l'état, ni pour sa défense, le peuple s'accroit avec les revenus; de superbes édifices embellissent les villes; la justice reprend son cours, les Tribunaux leurs fonctions, les arts fleurissent, les sciences sont cultivées, on respire par tout un doux repos, et notre Auguste Souveraine fait revivre un siècle digne d'Elle.

Ne conviendrez-vous pas, Messieurs, que l'illustre Héroine, dont le courage débute d'une façon si glorieuse, si surprenante, est héritière des actions et des vertus de Son Auguste Père? Elle ne l'est pas moins des éloges qu'on lui donne à si juste titre, nous louons Elisabeth en exaltant Pierre le Grand. Les doctes soeurs auroient dû dès long tems consacrer Sa gloire par leurs chants, elles l'ont tenté dans une assemblée solemnelle, en y célebrant les exploits incomparables de ce restaurateur, je dis tenté, oui, chers Auditeurs, sur un sujet si unique, si prodigieux, les Muses elles-mêmes ont douté de leurs

forces; elles ont craint de s'égarer dans un labyrinthe de faits incroyables, et jusqu'ici sans exemple; dans un détail immense d'actions multipliées; toutes grandes, toutes admirables, toutes héroiques; elles ont cru leur pinceau trop foible pour rendre avec énergie toutes les vertus qui caracterisent le Monarque. L'éloquence devient timide vis-à-vis d'un héros sans égal, du quel on doit dire ce que jamais on n'a dit de personne; son éloge demande une méthode nouvelle et trop au dessus des forces d'un orateur accoutumé à louer des objets susceptibles de comparaison. Le zèle cependant, le véritable amour, la tendre reconnoissance que l'on doit à Son illustre mémoire, souffriroit trop de ce silence modeste et prudent, et l'on a cru qu'il valoit mieux manquer d'éloquence: une simplicité naturelle, un discours sans art, et dont la vérité soit le seul ornement, a paru convenir dans ces tems de réjouissances publiques. Le ciel vient de donner un nouveau rélief à nos fêtes par la naissance du jeune Prince Paul Petrowitz, ce gage si désiré de la clémence divine, ce gage si chéri de la posterité, bannit toute notre timidité, et encourage le zèle, que nous avons de consacrer l'éloge de notre Héros.

Que d'objets à la fois se présentent à mes regards étonnés! Quelle choix m'embarasse, Messieurs! et par ou commencer ce discours! vous parlerai je d'abord des qualités corporelles, et de la solidité des forces, les fatigues que Pierre a supportées, les obstacles qu'il a vaincus, les démontrent. M'arrêterai-je, à l'air, au port, à la taille, à la beauté majestueuse de mon Héros? inutilement. Son portrait gravé dans tous les coeurs, l'est encore à notre mémoire; et il suffiroit de citer les villes et les provinces entières, qui curieuses de voir Pierre le Grand sur sa réputation, couroient à sa rencontre, admiroient ses yeux, ces fidèles interprêtes de l'ame, et qui indiquoient si visiblement le Monarque, le Héros. La vigilance, sans laquelle il n'eut pu accomplir tant de grandes actions, prouve la gaieté de son esprit et de son caractère. Passons donc, chers auditeurs, passons au détail de ses exploits. Je ne me déguise point les difficultés de la vaste carrière où je vais entrer, mais je sais, que la vraie façon de louer ce grand homme, est de reciter simplement et ponctuellement ses travaux et ses succès autant qu'il est possible de le faire.

Pierre a fait les plus grandes actions, Pierre a surmonté les obstacles les plus difficiles, Pierre a brillé des plus belles vertus, tel est, Messieurs, le partage de ce discours, que je tâcherai de renfermer dans les bornes que la breveté du tems me prescrit; ces vertus, que je vais proposer à votre admiration, ont été le mobile de toutes les grandes entreprises du père de la patrie.

Il est important de suivre ce Monarque pas à pas dans tous ses projets et dans les mésures, qu'il prend pour en assurer le succès. Pierre le Grand conçoit d'abord la nécessité d'introduire dans son Empire toutes les connoissances utiles, d'y augmenter le nombre des savants, d'y multiplier celui des artistes et des ouvriers. J'ai déjà parlé de ses soins paternels à cet égard, mon discours ne suffiroit pas pour les articuler en détail. Voyez-le, tel qu'un aigle, voltiger rapidement autour de l'Europe, inviter ses sujets par son exemple, les exciter, leur ordonner même de quitter pour un tems leur foyers et d'aller se convaincre par leur propre experience du bien que les voyages procurent à l'état, et au citoyen qui les entreprend. Je vais ouvrir

les portes de la Russie, une foule empressée s'eforce d'en sortir et d'y entrer; là ses propres enfants courent chez l'etranger pour y puiser les arts et les sciences qui leur étoient inconnues; ici les étrangers eux-mêmes apportent leurs secrets, leurs talents, leurs arts, leurs livres, leurs instruments. Je vois cette multitude telle que le flux et le reflux du vaste Ocean, aboutir comme de concert au même centre. Déjà les Mathematiques, la Physique, cessent d'être regardées comme une hérésie, comme un prestige, les injurieuses épithétes fille de l'ignorance, font place à l'estime qu'inspirent les deux sciences, et au respect qu'on leur témoigne dans la personne sacrée de Pierre le Grand: leur étude devient en vénération, elle est revêtue de la pourpre, elle est couronnée de lauriers, elle est assise sur le trône: on rend justice aux sciences par confiance pour leur Mécéne. En effet c'est à elles, c'est aux arts décorés de l'éclat de la majesté que nous devons la découverte des biens, que nous possedions sans les connoitre. Avant que Pierre nous eût éclairés, nos ancêtres étoient non seulement privés des delices et des plaisirs dont leur pays abonde, ils en ignoroient l'usage, ils n'avoient

pas la moindre idée de la plus grande partie de tous ces biens. Combien de choses utiles et nécessaires que nous n'avions autrefois qu'avec beaucoup de peines, que nous tirions à grands frais des pays étrangers se fabriquent aujourd'hui au coeur de l'Empire? au de là du besoin des sujets, il reste encore de quoi en fournir aux autres pays, nos voisins, fiers autrefois de notre ignorance, croyoient la Russie, cet Empire si vaste, hors d'état de se soutenir sans leurs secours, ils pensoient qu'au de là d'un degré très médiocre nous étions incapables d'exercer la guerre, et le commerce faute des ressources qui soutiennent l'un et l'autre: Pierre paroit et les détrompe; Sa main puissante et laborieuse fouille les entrailles de la terre, et va dans ses antres les plus profonds découvrir une source de métaux dont les trésors ouverts répandent non seulement l'abondance dans la patrie, mais nous mettent encore à portée de les rendre comme un emprunt aux autres nations. La vaillante armée Russienne emploira désormais contre ses ennemis des armes tirées des mines de la Russie, et forgées par des mains Russiennes. Qu'il est difficile, Messieurs, de peindre tous les soins, toute l'ardeur du Monarque

pour la perfection de ces nouveaux ouvrages! il s'y livre, observez bien, Messieurs, il s'y livre sans cesser d'être occupé des moyens de former une armée réguliere qui put défendre la patrie au dehors, assurer le repos des sujets, et étayer les entreprises importantes qu'il méditoit au dedans de l'Empire; qu'il est difficile que l'expression supplée quand toutes les facultés de l'ame suffisent à peine à l'admiration dont elles sont saisies. Le pere de notre héros, le Prince Czar Alexis Mikchaëlowitz, fameux lui même par. tant d'autres endroits, avoit composé les fondements d'une armée réguliere, l'on juge des avantages qu'il en a tirés par les heureuses campagnes qu'il a faites en Pologne, et les provinces qu'il a conquises et réunies à la Russie: mais cette discipline introduite avec tant de peine et de soins, a cessé avec sa vie. Les anciens desordres ont repris leur cours, le soldat est retombé dans sa premiere ignorance, et l'armée bientôt après perdant coute son habileté n'a plus montré sa puissance que par le nombre de ses soldats: cet mauvais succès contre les Turcs et les Tartares, et les dangereuses rebellions des Streletz, fruit de l'indiscipline, prouvent assez combien elle étoit affoiblie. Dans des circonstances

si delicates qui croyez vous, Messieurs, devoir lui rendre cette vigueur énervée par un relachement fatal? Un enfant de douze ans éloigné du gouvernement, et préservé de la malice qui l'environnoit par les seules précautions d'une sage et tendre mere; un enfant de douze ans au sein de mille dangers qui le menacent, au milieu des glaives levés sur la tête et sur celle de ses proches, va devenir le restaurateur et former une armée réguliere, qui bientôt sera terrible à ses ennemis; qui l'a été effectivement à l'admiration de tout l'univers. Les amusements d'un jeune Prince annoncoient-ils un effet aussi important et aussi utile? occupé sans cesse avec des jeunes gens de son âge, à manier des armes legeres et à en varier les mouvements, cet exercice ne passoit alors que pour un simple jeu au point que ces jeunes gens furent nommés cojoueurs ou (Poteschnii) cependant quelques personnes plus pénétrantes développoient déjà sous les traits délicats du Prince ce courage héroique qui l'a caracterisé, une perspicacité surprenante qui brilloit déjà dans Ses yeux, une célérité majestueuse dans tous Ses mouvements présagoient déslors à la Russie la grandeur du Monarque, qui devoit faire sa gloire et

son bonheur. Mais combien de travaux devoit-il lui en couter Messieurs? comment lever nombre de régiments à pied et à cheval, fournir à leur solde, les munir d'habits, d'armes, d'ustensiles de guerre, les perfectionner dans la tactique moderne, établir des regles pour l'artillerie de campagne, et de siege? Tous ces détails demandoient une parfaite connoissance de la Géometrie et de la Mécanique. Il falloit en outre former des commandants habiles; objet presque impossible en apparence par la disette de mille choses nécessaires et le défaut de pouvoir du Prince. Tout à coup cependant les nouveaux régiments de Pierre tonnent contre l'attente de la nation, contre son incrédulité et en dépit des chicannes scandaleuses et des murmures de l'envie. Les sujets fideles reprirent un juste espoir, les ennemis conçurent une crainte légitime, et ce double sentiment se mêla chez les uns et les autres, à l'admiration et au respect. L'impossible devint possible par une diligence extraordinaire et par l'effet d'un exemple jusqu'alors inoui.

L'Empereur Traiian paroit devant le Consul et s'abbaisse jusqu'à recevoir le Consulat de sa main, le Sénat le voit et s'écrie: „Cesar tu es d'autant plus grand

„d'autant plus majestueux." Tel nos pères ont vu leur Prince couronné, d'autant plus grand, d'autant plus majestueux par sa clémence. Ils l'ont vû non pas au nombre des candidats du Consulat Romain, mais au milieu de Ses soldats; sans prétendre à l'autorité sur Rome, mais s'asseruissant aux regles qu'il avoit lui même dictées à Ses sujets. O vous lieux charmants! Théatre heureux de cette admirable scéne! quelle a dû être votre surprise à la vue d'un Prince Chef et subalterne? Général et soldat! quel spectacle pour vous que ces écoles de guerre, ces hostilités aimables concertées entre les régiments d'un même maitre, ces images de combats, ces sieges, ces attaques, ces sorts construits dans votre pays même, non pour l'intêret présent de votre défense, mais pour l'apprendre à vos compatriotes à l'avenir leurs ennemis pour les conduire un jour surement à la gloire en leur rendant familiers les chemins qui y menent.

Nous ne pouvons, Messieurs, nous rappeller ces tems antérieurs, sans nous peindre aussi tout l'amour, toute l'ardeur que la nouvelle armée devoit ressentir pour son Chef, quelle émulation pour le soldat! Son Prince confondu avec lui, assis à la

même table goûtant des mêmes mêts: le visage du Monarque est couvert de sueur, de poussiere, rien ne le distingue, qu'une plus grande activité dans les exercices et les travaux militaires. Passant successivement ainsi que ses sujets par tous les emplois, ce sage Prince les encourage, il se met à leur niveau et prouve invinciblement que l'affabilité est le plus beau relief de la gloire et de la Majesté d'un Monarque. C'est en l'excitant ainsi par Son exemple qu'il fortifia l'armée Russienne et qu'il la mit en état pendant une guerre de vingt années contre la Suede, et dans plusieurs autres campagnes, de faire retentir le bruit de Ses exploits et l'éclat de Ses exploits et l'éclat de Ses victoires jusqu'aux extrémités de la terre. Le premier combat près de Narva fut à la vérité malheureux, mais l'envie a exageré notre défaite pour rehausser la gloire de l'ennemi en peignant la retraite de l'armée Russienne sous des couleurs outrées et avilissantes. La plus grande partie de notre armée n'étoit formée que depuis deux ans; elle combattoit pour la premiere fois contre de vieilles troupes aguerries aux batailles; la dissention s'étoit glissée parmi nos généraux; un traitre avoit revelé à l'ennemi les particu-

larités secretes de notre camp; l'impetueux Charlès XII nous avoit surpris par une attaque imprévue, sans nous laisser le tems de nous disposer à le recevoir; malgré tant de circonstances qui nous étoient contraires, l'ennemi n'osa nous combattre dans notre retraite, il n'osa achever sa victoire, et si les gardes Russiennes et le reste des troupes n'attaquerent pas elles-mêmes, ce ne fut pas un défaut de bravoure, mais un manque de Chefs pour les commander. Charle-douze sous le prétexte de conclure la paix, les avoit appellés pour en traiter, et les retint prisonniers; mais nos troupes retournerent dans leur patrie avec les marques honorables d'une retraite bien conduite avec leurs armes, leur caisse militaire, leurs tambours et leurs drapeaux. Nous dûmes nos malheurs à la fatalité de ces conjonctures plutôt qu'au manque de courage; et l'armée de Pierre quoi qu'encore au berceau pouvoit déjà lutter contre les régiments exercés des ennemis, elle en donna des preuves l'été suivant par les glorieuses victoires qu'elle remporta sur eux.

C'est à vous que j'en appelle voisins aujourd'hui pacifiques, l'éloge de notre Héros, Ses triomphes sur vous et que j'exhalte, sont des époques de votré gloire.

Il est plus grand de résister un tems à la puissance de Pierre, à celle de la Russie pour ceder enfin, que de vaincre du premier abord de foibles cohortes mal conduites. Que Charle soit votre héros, célebrez sa valeur; tout l'univers sera d'accord de la justice que vous lui rendez: soutenez même que personne n'eût été en état de tenir tête à ce grand homme, si la providence par une grace particuliere pour notre patrie n'eût formé Pierre Premier pour être le digne rival de Charle douze.

Le zèle, l'ardeur des troupes de notre Monarque, leur courage, leur habileté, leur adresse dans le combat furent le fruit de Ses soins, de Son instruction, de Son exemple; une foule de victoires fut le prix de tant de travaux. Sans parler d'un nombre d'avantages que l'armée Russienne n'appelloit déjà plus que de simples escarmouches; sans nommer toutes les villes conquises, tous les forts pris, tous les batailles gagnées: „Lissa et Poltava!" il me suffit de vous citer. C'est alors que la providence éclata particulièrement en faveur de notre Héros, et que le ciel par les plus glorieux succès se plut à manifester d'une façon sensible combien il bénissoit les fa-

tigues de Pierre le grand, et les soins qu'il avoit pris pour former Son armée. En effet, devoit-on s'attendre que de troupes régulieres, habituées dès long tems à là discipline et au métier de la guerre, conduites au combat par des Chefs illustres, commandées par des généraux habiles, dont les loisirs mêmes avoient été consacrés aux exercices militaires: devoit-on s'attendre enfin qu'une armée, pourvue d'ailleurs abondamment de toutes les munitions nécessaires, hésitât de livrer bataille à des régiments Russiens nouvellement levés et dont le nombre lui étoit infinement inférieur? Ceux-ci sans laisser prendre haleine aux ennemis étonnés, les atteignent rapidement, leur livrent la bataille, remportent la victoire et leur Chef évite à peine d'être enveloppé dans la foule des prisonniers, pour pouvoir porter lui-même à son Prince la nouvelle de sa défaite. Charle douze en est frappé; mais Son sang bouillant et courageux s'anime de nouveau, il veut s'élever encore contre ses vainqueurs; il ne peut se persuader que les nouvelles troupes de Pierre soient en état de tenir contre une armée ancienne, aguerrie et qu'il commande lui-même. Il se livre aveuglement aux assurances har-

dies d'un traitre à la Russie, et risque de pénétrer dans l'Ukraine, cette frontiere de notre patrie. Déjà la présomption de Charle lui peint une conquête facile; son ame ambitieuse et vaste dispose d'avance de la Russie et se promet de subjuguer tout le Nord. Pierre, suscité par le ciel même pour le salut de Ses peuples, met une digue au torrent impétueux; la providence pour recompenser ses trauvaux guide Son bras et lui accorde une victoire complette sur ce même ennemi, qui fier de Son expérience bravoit les soins de notre Héros. Charle douze, victime et témoin des succès prodigieux et inatendus de Pierre I. ne peut même se soustraire, par la fuite à la bravoure reguliere de l'armée Russienne, que son imagination lui répresente toujours à sa poursuite.

C'est ainsi que notre Monarque éternisa Son nom et la gloire de Son armée. En la formant, Son principal objet fût notre sureté, puisque par une loi précise il a reglé, que les troupes ne seroient jamais licentiées pas même en tems de paix, ce qui arrivoit d'ordinaire sous le regne de ses prédecesseurs. Pierre le Grand concevoit trop bien que ces sortes de réformes

attenuoient toujours la force d'un état et nuisoient à sa gloire; et il conclut que l'armée fuit toujours sur pied prête et en ordre. O soins vraiment paternels! Convaincu que de l'habileté dans l'art de la guerre dépend la sureté d'un Empire, combien de fois les larmes aux yeux et par les carresses les plus tendres n'a-t-il pas sollicité ses proches et ses fideles sujets à ne pas negliger après lui cet art si nécessaire, et à maintenir la réformation qu'il venoit d'introduire avec tant de peine et de succès. Dans le tems où le ciel, bénissant la Russie, venoit de lui accorder une paix glorieuse et avantageuse avec la Suede; dans le tems que Pierre premier recevoit de toutes parts les plus sinceres félicitations sur Ses exploits; dans les tems qu'on lui donnoit les titres légitimes d'Empereur, de Grand, de Pere de Son peuple, moins occupé de la gloire qu'il avoit acquise, que jaloux de la conserver pour Son peuple et pour Lui, ne l'a-t-on pas vu réiterer publiquement Ses exhortations au Sénat dirigent, l'inviter à ne point mépriser la profession des armes, à ne point trop se fier à la paix, et par là ne prouvoit-il pas, que si l'on ne continuoit d'entretenir l'armée sur le pied où il l'avoit

mise, les titres que l'on lui donnoit cesseroient de lui être agréables.

Après avoir jetté un coup d'oeil sur l'armée de terre de Pierre le Grand, et parcouru ses forces qui dès leur naissance étoient déjà parvenues au point de la maturité, et dont les succès victorieux annonçoient l'habileté et l'exercice, voyons, Messieurs, sur les immenses plaines de l'Océan, voyons déployer à la providence les merveilles les plus éclatantes, voyons-la à l'admiration de tout l'univers choisit la main de Pierre le grand pour opérer tant de prodiges.

Le vaste Empire de Russie ainsi que le monde, ne connoit presque de limites que les mers qui l'environnent. Promenons nos regards sur ces eaux differentes, nous y verrons partout flotter le pavillon Russien. Ici les embouchures des fleuves n'ont plus assez d'espace pour contenir le nombre de nos vaisseaux. Là le poid de notre flotte fait gémir l'onde, étonnée de ces orgueilleuses machines qui jettent feux et flammes, et dont le bruit terrible retentit jusqu'aux plus profonds abimes du fluide élement. Plus loin, j'apperçois des navires embellis par la production du plus habile cizeau, relevés des vives couleurs dont

le printems se pare; je les vois se peindre sur le cristal des eaux et se mirer pour ainsi dire sur leur tranquile surface, dont le poli réfléchit et double leur beauté. Les ports les plus surs s'ouvrent et présentent un azile au nautonnier fatigué de ses courses, il vient y débarquer les richesses et l'abondance que son iudustrie emprunte des pays éloignés pour servir à nos besoins et fournir à nos plaisirs. De nouveaux Colombs, jaloux d'augmenter la puissance et la gloire de la Russie, cherchent à pénétrer les rivages inconnus; ici un autre Tiphis osant braver des glaces éternelles et les rigueurs d'un hyver toujours renaissant, risque de nager entre des montagnes flottantes pour sonder les moyens d'unir l'Orient à l'Occident. Un si court espace de tems a-t-il pu produire des miracles si singuliers? Comment la flotte Russienne a-t-elle acquis si vite une expérience si glorieuse? où les Russes ont-ils pris les matériaux nécessaires à toutes ces constructions? D'où leur est venue la dextérité de les employer? Comment ont-ils sitôt connu l'usage des instruments et de la méchanique, qui conduit à la perfection des ouvrage si pénible et si varié? Ne sont-ce pas les géants de l'antiquité,

qui arrachent encore une fois le chêne et le sapin orgueilleux, qui dévastent les forets toufues, et jettent ces armes de bois sur le rivage, pour en construire ces édifices énormes? Amphion vit-il encore? est ce lui qui par la douce harmonie de sa lyre anime ces différentes parties pour en composer un tout admirable et propre à voler sur les ondes? Aux tems reculés de la fable, la célérité surprenante de Pierre le grand dans l'établissement de la flotte, eût sans doute été attribuée à de pareilles fictions, puisque même de nos jours, où la mémoire en est encore récente, où le temoignage des écrits les plus authentiques en constate la vérité, on la regarde comme presque incroyable et au dessus des efforts de l'humanité. La lecture des uns et le récit de ceux qui vivoient alors, nous causent une satisfaction égale, mais nous laisse encore douter, au quel des deux objets Pierre le grand s'est le plus attaché, à l'armée de terre, ou à celle de mer. Quoiqu'il en soit, également actif, également industrieux pour l'une et pour l'autre, il a excellé à toutes deux. S'agit-il de la guerre de terre, nous le voyons curieux de tous les termes de cet art, curieux de toutes ses progressions, passer successivement

par tous les emplois, en éprouver tous les travaux, et se mettre en état de juger par sa propre expérience de tous les devoirs pour estimer au vrai la façon dont chacun s'en acquitte, et ne rien exiger au de là de l'obligation des uns, ou du pouvoir des autres.

S'agit-il de Sa flotte, à peine a-t-il perfectionné l'esquif dont l'effet et la gloire surpassa bientôt le volume; à peine a-t-il fait cet esquif qu'il fut l'éguillon de son zele pour la marine, que nous le voyons réunir tous ses soins à la fondation d'une flotte, que nous le voyons faire agir touts les ressorts de son génie pour concourir au succès de cette importante entreprise, qui doit sur les eaux mêmes, établir la puissance de Son Empire. Il conçoit d'abord que la réussite d'un projet si pénible dépend des lumieres, qu'il acquerrera lui-même; que pour réduire le dessein en pratique, il faut trouver une occasion favorable, que fait ce grand Prince? Jadis une foule innombrable accourue au spectacle ravissant de l'armée, qui couvroit les champs de Moscovie, s'étonnant de voir à la tête de ces nouvelles troupes un héros à peine sorti de l'enfance. La maison Czariene, les principaux états, la noblesse de l'Em-

pire, témoins de cette merveille, éprouvoient malgré leur joie une juste crainte, et ces pénibles occupations les faisoient trembler pour la santé de leur Prince, qu'ils voyoient tantôt tel qu'un maitre mesurer un fort régulier, tantôt creuser des fossés profonds, élever des remparts comme un simple soldat et porter par tout les ordres et l'exemple. Mais, Messieurs, que cette même foule accoure, un spectacle plus admirable va l'occuper. Pierre le Grand créateur; d'une flotte est un nouveau prodige à tous égards; c'est en parcourant d'abord les eaux étroites de la Moscovie, en se fiant ensuite sur la vaste étendue des lacs de Rostov et de Cubine, en se hazardant enfin sur les immenses plaines de la Mer Blanche que le Prince se confirme dans l'idée qu'il avoit prise de l'utilité de la navigation. Il quitte pour un tems son Empire, il cache les rayons de sa Majesté sous l'obscure enveloppe des vêtements du simple ouvrier, et s'applique avec eux à l'architecture des vaisseaux.

Déjà les compagnons de Son travail s'étonnent qu'un Russien ait pu dans un tems si court se perfectionner non seulement à l'ouvrage de charpente, mais jus-

qu'au point de composer et d'assortir toutes les pieces, toutes les parties nécessaires à la construction. L'expérience qu'il s'étoit acquise dans l'architecture des vaisseaux étoit déjà parvenue à un tel degré que la Hollande n'avoit plus de quoi satisfaire son genie curieux et profond. Quelle surprise pour le reste du monde, Messieurs, en apprenant que ce n'est point un simple Russien, mais le Souverain lui-même de ce grand Empire qui s'occupe à des travaux si pénibles? des bras formés pour porter le sceptre! des mains destinées à soutenir le globe impérial.

N'étoit-ce donc, chers auditeurs, n'étoit-ce que la simple curiosité, la simple envie de commander et d'instruire qui conduisoit notre Héros dans la Hollande, et la Grande Bretagne, et lui fit acquerir une théorie et une practique si parfaite à l'égard de la construction de la flotte et de la navigation? Le Monarque a par tout amené ses sujets au travail; par tout il les a encouragés, non seulement par ses ordres, non seulement par des récompenses, mais par son propre exemple. Grand fleuves de la Russie! et vous rives heureuses consacrées par les pas de Pierre le Grand, sables baignés de sa sueur, vous en êtes les té-

moins occulaires! combien de fois avez-vous vu les lourdes pieces préparées pour la construction des navires, et que des ouvriers nonchalants manoeuvroient trop lentement pour son ardeur? Combien de fois les avez-vous mises en mouvement par le seul attouchement de la main de Pierre? Combien de fois avez-vous vu une foule d'ouvriers animée par son exemple construire des masses énormes avec une promptitude incroyable? Quel dut être le zele, la surprise et la joie des peuples, à la vue de ces palais flottants prets à lancer à l'eau! à la vue de leur fondateur, de leur architecte industrieux, qui tantôt dessus, tantôt dessous, tantôt autour observoit la fermeté de chaque partie, la force des machines, l'exactitude des dimensions, et reparoit les fautes qu'il découvroit par lui-même, par ses ordres, par des moyens ingénieux et sur tout par l'habileté de ses mains assidues. C'est par cette activité infatigable, cette perséverance invincible dans le travail qu'au tems de Pierre premier la vitesse fabuleuse des anciens s'est réalisée.

Des succès si rapides dans la navigation, si avantageux pour la gloire de l'Empire et du Monarque, ces dignes fruits de

Ses soins et de Son industrie doivent lui avoir été bien agréables! On en juge par les récompenses dont il a comblé ceux qui travailloient avec Lui; on en juge encore plus par les marques respectables de Sa gratitude, dont il a honoré l'arbre insensible. Enfin les eaux de la Neva sont semées de batiments et de pavillons, ses rivages sont déjà trop étroits pour la foule des spectateurs, qui les décorent, l'air retentit des cris de joie et des applaudissements du peuple. Le bruit des rames s'unit au son de la bruyante trompette; l'un et l'autre s'allie au tumultueux fracas de mille bouches d'airain dont les navires sont déjà garnis; quels sont ces présages? à celui d'un esquif fragile à la vérité, mais qui tient le premier rang parmi la flotte nouvelle; representez-vous, Messieurs, la magnificence, la beauté, la puissance, les exploits de celle-ci; rappellez-vous la petitesse et debilité de celui là, et concluez avec assurance, que pour effectuer tous les deux à si peu de distance l'un de l'autre, il falloit absolument la prodigieuse hardiesse de Pierre pour l'entreprise, et Son industrie constante pour l'exécution.

N'en doutons plus, chers auditeurs, tout concourt à nous en convaincre; oui,

Pierre le Grand excelloit dans les deux genres, et sur terre et sur mer Sa force et Sa valeur furent également Héroiques et Martiales.

Mais j'apperçois, Messieurs, que ce court récit qui contient à peine une foible partie des occupations de mon Héros, m'a conduit trop avant, m'a déjà presque épuisé. Pour remplir son éloge, il me reste encore une carriere immense à fournir. Souffrez que pour ménager et le tems et mes forces, j'abrege autant qu'il me sera possible.

Fonder et porter à sa perfection une armée de terre et de mer aussi formidable, construire de nouvelles villes, élever des forts redoutables, ouvrir de nouveaux ports, joindre les rivieres par de grands canaux, fortifier les frontieres, les garantir par des fossés profonds, soutenir une guerre de longue durée, fournir à des campagnes frequentes en pays éloignés, ériger des édifices publics et particuliers suivant les principes d'une nouvelle Architecture, faire fleurir les sciences et les arts par tous les moyens qui y concourent, rassembler des gens habiles en tout genre, entretenir de nouveaux officiers de cour et de magistrature, en un mot être créateur à tous égards, tel est, Messieurs, le précis des travaux

de Pierre le Grand. Au delà des peines inouies l'on juge assez quelles sommes immenses il a dû lui en couter, les revenus de ses ancêtres n'y pouvoient suffire en aucune façon. Aussi ce grand Monarque fit les plus grands efforts pour trouver des moyens d'augmenter les revenus extérieurs et intérieurs de l'Empire, sans cependant oberer le peuple. Sa pénétration les lui fournit et lui montra, qu'une seule institution pouvoit d'un même coup accroître le trésor, et affermir la sureté commune de ses sujets.

En effet avant que le nombre du peuple Russien fût fixé, et que le séjour de chaque habitant fut comme avant que l'on eut aboli la licentieuse coutume de changer de domicile et de se transporter à volonté, le libertinage étoit au plus haut point; on voyoit les rues jonchées de fainéans hardis et dangereux, les grands chemins, les rivieres mêmes étoient souvent fermées par des voleurs et des troupes d'assasins, qui ravageoient quelques fois non seulement des villages, mais des villes entieres.

Le sage Héros heureux en metamorphoses utiles changea le mal en bien, l'oisiveté en industrie, les brigands en défen-

seurs, il fit un dénombrement exact de Ses sujets, leur assigna des demeures fixes et imposa à chacun d'eux un tribut léger, mais connu. C'est par ce moyen qu'il forma des revenus intérieurs à la couronne, en augmentant le nombre de ceux qui payoient les impots. C'est par ce moyen qu'il encouragea le travail et qu'il fortifia la discipline militaire. Tels qui dans les circonstances précédentes seroient restés des brigands dangereux, devenoient des citoyens utiles, parce qu'ils étoient obligés de se tenir prêts à mourir pour la patrie.

Sans m'arrêter, Messieurs, à plusieurs autres institutions également sages qui ont contribué à enrichir l'état, passons à ce qui regarde l'accroissement des revenus extérieurs. La providence favorisoit visiblement les soins et les desseins de Pierre, elle ouvrit par ses mains de nouveaux ports sur la Baltique près des villes, ou conquises par sa bravoure, ou construites par ses propres travaux: de grandes rivieres furent réunies pour faciliter le commerce, il établit des reglements de péage, et fit des traités de commerce avec les nations étrangeres. Le début de ses institutions prouve combien elles étoient avantageuses, puis qu'après une guerre de vingt

ans, la Russie s'est trouvée néanmoins exempte de dettes.

Ne croyez pas au reste, chers auditeurs, que ce foible esquisse vous représente toutes les grandes actions de Pierre le Grand. Combien n'en reste-t-il pas encore que mes reflexions ne peuvent rappeller, et que ma voix ne suffiroit point à vous réciter. C'est à vous, Messieurs, c'est à vous que je laisse juger particulierement quel soins, quelles peines il a fallu, pour fonder et constituer le Sénat dirigant, le très saint Synode, les Colleges de l'Empire, les Chancelleries et d'autres Tribunaux, leurs Reglements, leurs Loix! quel travail pour embrasser à la fois tant d'objets! l'arrangement de l'état, l'introduction des marques extérieures du mérite et de la faveur; la politique, les ambassades, les alliances. Que le génie de Pierre vous anime, Messieurs, qu'il vous éclaire sur tons ces prodiges; je me borne simplement à les raconter. Supposons un Russien sorti de sa patrie avant les entreprises de Pierre le Grand, supposons qu'il ait habité des climats où le nom de Pierre premier n'ait point pénétré, s'il en est dans le monde. A son retour que penseroit le voyageur en revoyant la Russie, en y trouvant les arts

en vigueur, ses compatriotes instruits des nouveaux vetements, de nouvelles moeurs, une conversation nouvelle, une architecture différente, des maisons embellies d'ornements nouveaux, de nouveaux forts, enfin un changement total et sensible jusques dans le cours des fleuves, et aux bornes de la mer: que penseroit-il en pareil cas? ne croiroit pas que son absence a duré des siecles, ou que si ces chefs d'oeuvres sont l'ouvrage d'un tems si court, tout le genre humain s'est réuni pour les finir? on ne se persuaderoit-il pas, qu'une scene si differente, si agréable, n'est que le pur effet d'un songe?

Ce discours, Messieurs, dont le crayon leger ne peint pour ainsi dire, à vos yeux que l'ombre des hauts faits de Pierre le Grand donne cependant j'espere quelque idée de leur grandeur, mais rien ne décide plus Son éloge et ne le releve d'avantage que les obstacles qu'il a dû vaincre. Obstacles terribles et dangereux qui le barroient dans Sa carriere, et qui s'opposoient au cours de notre prosperité. Tel est l'état de l'homme en général, sujet sans cesse aux vicissitudes, les succès dépendent quelque fois des contrastes, et ceux-ci naissent des succès eux-mêmes. Les attaques du

dehors, les troubles du dedans, tout paroissoit d'accord pour ruiner les entreprises de notre Héros, mille dangers le menaçoient et lui préparoient de funestes revers dans le tems même où il réformoit la Russie. La guerre dérangeoit les affaires domestiques, celles-ci interrompoient les succès de la guerre dont le projet seul avoit été déjà nuisible. Au fort de tous les embarras, ce grand Monarque sort de la patrie accompagné d'une ambassade somptueuse, il veut parcourir l'Europe, connoitre les autres nations, apprendre leurs usages et les appliquer à Son retour au bien de Ses sujets: mais à peine a-t-il franchi les bornes de son Empire qu'il rencontre des obstacles terribles et secrets: passons-les sous silence, Messieurs, ils sont trop sçus de tout l'univers, il me semble même que les choses inanimées ont connu le danger qui menacoit l'espoir de la Russie. Les eaux de la Duna l'ont senti, elles ont ouvert à leur dominateur futur un sentier à travers des glaces épaisses pour le sauver des pieges qu'on lui avoit dressés, et en se débordant en suite elles ont paru vouloir annoncer aux rivages Baltiques les risques, dont le Monarque étoit heureusement échappé.

Après les avoir évités Pierre continue promptement sa route, il satisfait ses yeux et son coeur, il orne son esprit, mais, helas! forcé par les circonstances d'abréger le cours de ses voyages, quel combat va-t-il se livrer à lui même? entraîné d'un côte par la curiosité et le desir d'acquerir des connoissances utiles, sollicité de l'autre par sa malheureuse patrie qui le rappelle, qui l'invite, qui lui tend les bras, qui lui crie: „Reviens, retourne promptement vers moi; les traitres dévorent mon „sein, tu voyages pour augmenter ma félicité, je le sais, je le ressens avec reconnoissance, mais dompte premierement les „monstres qui me déchirent, tu t'es separé des tiens pour avancer ma gloire; „j'estime cette ardeur, mais appàises d'abord „les troubles dangereux qui m'assiegent; „tu as quitté pour un tems le sceptre et „la couronne que tu tenois du ciel, tu „caches sous une forme ordinaire les rayons de Ta Majesté, c'est pour m'éclairer d'avantage, je le conçois, je le desire, je m'en flatte je l'espere, mais détourne d'abord les nuages obscurs que „des desordres licencieux ont répandu sur „l'horizon de ton domaine." A ces accents plaintifs un tendre sentiment ramene

le Monarque, il revient pour calmer l'orage: telle est, Messieurs, la nature des obstacles qui ont interrompu les glorieuses entreprises de ce Héros. Une foule d'ennemis l'environnent de toutes parts, la Suède, la Pologne, la Crimée, la Perse, plusieurs peuples orientaux, la Porte Ottomane, lui firent la guerre au dehors. Les Streliëtzs, les Fanatiques, les Cosaques, les brigands ravagoient l'Empire au dedans dans sa propre maison, parmi ses proches les crimes, la haine, la trahison conspiroient contre sa précieuse vie. Il est difficile de détailler exactement toutes les horreurs, il est difficile de les entendre sans répandre des larmes. Dans un tems consacré à la joie tournons, Messieurs, tournons nos regards sur des objets gracieux.

Le Ciel aida Pierre à surmonter tous les obstacles qui s'opposoient à l'élevation de la Russie: il a favorisé Sa probité, Sa sagesse, Sa générosité, Sa bravoure, Sa sincerité, Sa clemence, Son industrie. Ses divins secours ont été la digne et juste récompense de la foi du Monarque, et de son zele pour l'Etre suprême, ils ont éclaté l'un et l'autre dans toutes ses entreprises et dans toutes ses actions. Pierre I n'eut jamais de plus grands plai-

sirs que dans le temple du Seigneur; il y assistoit, non comme un auditeur oisif du culte divin, mais partageant lui même le soin de le célébrer, sa voix se mêloit ordinairement à celle des chantres; il quittoit souvent Sa place pour se confondre avec eux, et les actes marqués de la dévotion du Monarque excitoient celle du peuple, et la rendoient plus fervente. Parmi la foule d'exemples de la pieté de ce vertueux Prince que l'on pouroit citer, choisissons seulement, Messieurs, celui qu'il nous donna en allant au devant du corps du saint et vaillant Prince Alexandre. Quel spectacle! quel modele! les chevaliers rament, l'Empereur lui-même tient le gouvernail; il ne rougit point d'employer ses mains sacrées au travail des gens vulgaires. Cet acte d'humilité lui paroit glorieux pour l'amour de la religion. C'est d'elle en effet qu'il a toujours emprunté le secours; c'est par elle qu'il a échappé aux trahisons, aux dangers les plus éminents. C'est Dieu seul qui le garantit à Poltava, c'est le bras de l'Eternel qui fit tomber les murs de Narva, comme autrefois ceux de Jericho, et ce prodige s'opere pendant la célebration du culte divin, sans l'aide des instruments meurtriers de la

guerre. A cette pieté solide Pierre-le Grand joignoit toutes les qualités dont l'humanité puisse être susceptible; l'Eternel les lui accorda sans doute pour récompenser sa confiance, et l'on peut dire qu'il avoit reçu de Dieu le don éminent de la sagesse: gravité dans les jugements, noble simplicité dans le discours, majesté dans l'expression, ardent et jaloux d'aquérir des connoissances utiles, docile aux conseils, prudent dans toutes ses actions, persêverant dans les entreprises: c'est à des talents aussi rares que la Russie doit la nouvelle forme qu'elle a prise. Pierre I introduit les sciences, fait fleurir les arts, contracte des alliances, envoye des Ambassadeurs, rompe les projets de ses ennemis; Sa sagesse sait pourvoir à tout, ami généreux et juste que ne fait-il pas en faveur des Princes opprimés? à l'un il conserve la couronne, il rend à l'autre celle, que ses ennemis lui avoient arrachée; cette sagesse qui brille dans toutes Ses actions, est encore étayée du courage le plus héroique; à la fois admirable et terrible tout en lui concourt à caracteriser le héros.

Pierre I dès Sa plus tendre enfance avoit donné des preuves de Son intrépidité dans les exercices militaires; à peine

connoissoit-on encore l'usage des bombes, que le jeune Prince curieux d'en étudier l'effet, s'exposoit sans ménagement à ses effets dangereux, malgré les allarmes de ses proches, les inquiétudes des Grands, et les craintes du peuple, aucun danger ne l'arrêta jamais dès qu'il fut question du bien de Sa patrie. Voyez-le, Messieurs, traverser l'espace immense des mers pour aller s'instruire chez l'étranger, voyez-le se fier intrepidemment aux fureurs et à l'inconstance de cet élement, dont les vagues orgueilleuses, témoins de Sa fermeté, se brisent contre Sa flotte, et semblent pour le prouver unir l'horreur de leurs mugissements à la flamme dévorante et au bruit du métal dont l'air retentit, rien ne l'ebranle. Ici les champs de Poltava présentent mille morts. Pierre le Grand les traverse sans être ému; une grêle de boulets ennemis, une foule de glaives qui le menacent, ne peuvent rallentir son activité ni ses opérations; il dispose son armée, il l'arrange, il la parcourt, il l'anime, sa voix prend le dessus, elle perce le tumulte et va porter à chaque légion, au coeur de chaque soldat l'ardeur et le courage du chef. Et toi brûlante Perse, tes fleuves rapides, tes marais fangeux, tes montagnes

escarpées ont-ils pu arrêter la valeur de notre Monarque? Tes sources empoisonnées, tes sources arides; les incursions fréquentes de tes peuples vagabonds ont-elles pû empêcher ta conquête? tes villes remplies d'armes et de Russiens, ont-elles pû détourner le triomphe du Héros.

Le tems, Messieurs, ne me permet pas un plus long détail des faits prodigieux du courage de Pierre le Grand. Je passe sous silence plusieurs batailles, plusieurs victoires remportées sous Ses yeux, sous Ses ordres. Aussi généreux que brave, admirons-le dans toutes ces différentes parties, dont chacune exigeroit un éloge particulier.

La générosité est le propre des grandes ames, elle orne les victoires, elle affecte, elle touche bien plus que la valeur: celle-ci doit souvent beaucoup à des causes fecondes, le secours des alliés, l'avantage des tems et des lieux contribuent aux triomphes; la fortune elle-même se croit en droit de s'en attribuer la plus grande partie, elle se regarde comme l'ouvriere des heureux succès. La générosité du conquerant ne doit rien qu'à elle-même. Se vaincre est la plus glorieuse victoire. Le héros, les alliés, les circonstances du tems

et des lieux, la fortune même, cette fiere maitresse des événements humains, n'y ont aucune part. L'esprit admire les conquérants, le coeur chere les ames généreuses: tel étoit notre Monarque. Il quittoit la colere en même tems que les armes; jamais il n'ôta la vie aux ennemis que le sort des combats fit tomber entre Ses mains; au contraire, il n'usa des droits qu'il avoit acquis sur eux, que pour les combler d'honneur et de bienfaits. J'en appelle aux Suedois vaincus à Poltava, quelle dut être leur surprise, lors qu'au lieu des fers qu'ils attendoient, on leur rendit ces mêmes épées dont ils s'étoient servis contre nous; lors qu'au lieu de languir dans une prison, ils se virent assis à la table du Monarque; lors qu'au lieu des insultes qu'ils craignoient, ils furent accueillis et félicités comme nos maitres dans l'art de la guerre; à des traits si frappants, peut-on méconnoitre la générosité du Vainqueur? Cette vertu ne marche jamais seule, elle est ordinairement compagné de la justice, qualité essentielle de Pierre le Grand.

Le premier devoir des Rois est de gouverner avec modération et avec équité, de récompenser le mérite et de punir les

crimes. La guerre, les grandes occupations, et surtout la briéveté de Sa vie ont empêché notre Monarque d'établir des lois claires et immuables sur tous les objets; cependant il y donna tous Ses soins, et les institutions et les reglements qu'il nous a laissés lui ont couté un travail qui souvent a pris sur son sommeil. Dieu réservoit sans doute à la digne Fille d'un tel Pere la gloire de perfectionner cet ouvrage pendant le cours de Son regne béni et pacifique. Pierre I n'eut pas le loisir de rédiger toutes les loix, mais la justice étoit dans son coeur; tout ne fut pas écrit, mais tout fut executé en effet. La justice dictoit dans les tribunaux des arrêts que Sa clémence y mitigeoit dans le tems même que le crime traversoit Ses desseins, et auroit dû l'exciter à la rigueur. Un seul exemple prouvera cette vérité. Il pardonna des crimes horribles à des personnes du premier rang, et pour témoigner combien cette clémence satisfaisoit Son coeur, il la rendit éclatante, en les admettant à Sa table au bruit du canon. Envain oppose-t-on contre lui l'exécution des Strelietz, elle ne peut être blâmée; mettons-nous à Sa place, faisons les mêmes réflexions que Sa compassion pour Ses sujets et Son propre

danger ont dû lui faire naître et jugeons ensuite. Les maisons et les rues de Moscou sont teintes d'un sang innocent; les veuves pleurent, les orphelins gémissent, les femmes violées se désolent, Sa propre Famille n'est point à l'abri d'une calamité si pressante; plusieurs de Ses parents ont déjà perdu la vie, un fer meurtrier Le menace Lui-même; Dieu seul a preservé cette Tête sacrée, Dieu seul a donné la force de surmonter tant d'obstacles, d'échapper à tant de dangers, de résister à tant de fatigues; et tandis qu'il s'expose à celles d'un voyage long et difficile pour le seul avantage de Sa patrie, on traverse tous ses desseins, on interrompt tout Son travail, on le force à renoncer à ce voyage, Sa plus delicieuse occupation. Le cri douloureux de son pays opprimé, les clameurs tumultueuses des traîtres qui le déchirent, le rappellent. Que fera-t-il, Messieurs, dans une conjoncture aussi délicate? Bientôt les places publiques seront jonchées de cadavres, les maisons pillées, les temples détruits, la flamme menace Moscou de toutes parts, et la chere patrie ne sera peut être qu'un triste monceau de cendre. Quel spectacle pour un Héros, pour un pere tendre? ne doit-il pas arrêter le cours de

dé ce torrent rapide, tout prêt à submerger son domaine; ne doit-il pas par des executions terribles couper la racine et arrêter les progrès d'un mal si funeste? n'est-il pas comptable au Roi des Rois des larmes du malheureux, et du sang qui va se répandre? Oui, Messieurs, et la nécessité d'une pareille justice fût sans doute le seul et le vrai motif de Sa rigueur. Elle ne fut jamais dans Son caractere, Son coeur compatissant et modéré étoit naturellement porté à la clémence, on en juge par la bonté, avec laquelle il traita toujours Ses sujets. Ce Héros si grand par Sa Majesté, si rare par Ses talens, si fameux par Ses actions l'étoit encore plus par Sa clemence, elle relevoit, elle décoroit les autres vertus. Affable, familier, populaire, combien de fois nous l'avons vu, Messieurs, seul à pieds, sans suite, dégagé de la pompe et du faste qui suit d'ordinaire un Monarque, se mêler avec ses sujets, marcher avec l'un, lier conversation avec l'autre et presque toujours au niveau de tous. L'histoire cite des peuples, qui ont porté leurs Princes sur leurs têtes sur leurs épaules, la clemence de Pierre le Grand l'éleve bien au dessus de ces Monarques. Pierre, justement nommé le Grand, le fut en effet

à tous égards et en toutes rencontres, il l'étoit, Messieurs, même dans le repos, même au sein des plaisirs; c'est alors que l'on traitoit des affaires les plus importantes, le sérieux des affaires n'alteroit point le plaisir, et la libre simplicité du plaisir ne nuisoit point à l'importance des affaires; avec quelle bonté ne recevoit-il pas Ses fideles sujets admis à Sa table, assis à Ses côtés, on ne distinguoit plus le Monarque, on ne voyoit qu'un cercle d'amis, il converse avec eux, il les écoute, il leur répond, il les consulte. Si la frugalité des mets abrege le tems du service, l'abondance des discours, leur varieté, leur utilité, leur affabilité prolonge la séance et l'agrément. C'est avec Ses peuples qu'il Se délasse des peines qu'il prend pour eux, Sa bonté les encourage: ici c'est un artiste qu'il récompense, qu'il anime par Sa visite, par Son exemple, il s'occupe avec lui, il l'excite; là c'est un sujet simple, mais fidele, dont il honore la cabane par l'éclat de sa majesté; ce n'est point un Monarque qui commande, c'est un ami qui invite au travail, ce n'est point une contrainte, c'est un bienfait; capable de tous les détails Pierre le Grand veut bien y descendre; le jour ne suffit pas à Son acti-

vité, il le prévient, il le dévance et le soleil semble ne se lever que pour éclairer les pas du Héros que Sa vigilance a déjà conduit à plusieurs occupations: propre à tout il s'y livre avec une ardeur égale, tantôt assis aux tribunaux dirigeant, aux colleges de l'Empire où la justice se distribue, Il préside aux arrêts qui s'y prononcent, Il assiste à la décision des affaires qui s'y traitent: du sanctuaire de Themis Il passe au temple des arts, Il les produit, Il les anime, Sa main souvent aide à les porter à leur perfection. Edifices publics, vaisseaux, ports, forteresses, monumens de Son amour pour Son peuple, de Son attention pour ses besoins, de Ses soins pour sa sureté il fut votre créateur! Vaste dans ses projets, rapide dans leur exécution, habile à se reproduire nous l'avons vu se multiplier pour ainsi dire et se trouver par tout à la fois. A peine a-t-il étonné la Mer Blanche qu'il reparoit sur la Baltique; à peine Ses vaisseaux ont-ils flotté sur les eaux d'Azow, que les ondes Caspiennes mugissent sous le poid de Sa flotte naissante. Quelles courses! quels trajets! quels voyages! disons mieux, Messieurs, quel vol rapide et prodigieux! rendez en compte fleuves célèbres

dont Pierre honora les rives de Sa présence, Dwina, Dnieper, Don, Volga, Bugh, Wistule, Oder, Elbe, Danube, Seine, Tamise, Rhin combien de fois votre cristal a-t-il eu l'avantage de réflechir l'image du Héros, combien de fois s'est elle peinte sur vos surfaces? Il est impossible, Messieurs, de rendre avec exactitude, les travaux innombrables du Monarque, Ses soins, fatigues surprenantes; bornons nous à les admirer, et puis que notre oeuil n'a pu le suivre dans tous ces differents endroits où Son activité le portoit presqu'en même tems; que notre coeur au moins l'y accompagne, qu'il se les rappelle, et consacrons à la mémoire comme des monuments précieux et les lieux où il s'est trouvé, et les lieux où il s'est trouvé, et les ouvrages qu'il a faits. C'est ici, dirons nous, que Pierre le Grand s'arrêta; à cette source il étancha Sa soif; c'est là qu'il travailloit comme un simple ouvrier avec les gens les plus vulgaires; ici il dicta, il écrivit les loix; plus loin il construisit des vaisseaux, voici les ports que Sa main a creusés, forteresses qu'il a baties, c'est là qu'il s'est trouvé comme un ami au milieu de Ses sujets. Tout respire Ses soins paternels, tout les indique; tel qu'un astre

par son cours, ou telle que la mer par son flux et reflux, Ses soins et Ses peines le tinrent dans un mouvement continue pour l'amour de nous: mon esprit me transporte par tout, et par tout je trouve Pierre le Grand: un seul homme, a-t-il opéré tant de travaux, et la Sienne a été si courte: Ah! Messieurs, après des faits si inouis à qui pourrons-nous comparer justement notre Monarque? l'antiquité ne me fournit aucun paralelle, j'y vois des Princes appellés grands, ils l'étoient en effet relativement à d'autres Princes plus petits qu'eux; mais combien ne sont-ils pas infinement inférieurs à Pierre le Grand? L'un a fait des conquêtes rapides, mais il a négligé ses propres états, ici c'est un guerrier fier des dépouilles de l'ennemi qu'il a vaincu, mais ces dépouilles sont teintes du sang de ses peuples, il n'a travaillé que pour son ambition particuliere, et ses triomphes ont couté des larmes à ses sujets. Tel possedoit des vertus éclatantes, qui ne put soutenir le poids d'une couronne. Tel fut terrible sur terre qui sur mer ignora l'art de combattre, celui-là fut ami des arts, et craignit celui de la guerre, je ne vois rien enfin, qui me rapproche de mon Héros. Rome seule peut

fournir quelque exemple, réunissons, Messieurs, en un seul point de vue ce que 250 années (intervallo depuis la premiere guerre Punique jusqu'à Auguste) ont pû produire sous les Nepos, les Scipions, les Marcellus, les Regulus, les Metellus, les Catons, les Sylla. Nous aurons une idée de ce qu'à fait Pierre le Grand pendant la courte durée de sa vie. J'ai souvent reflêchi aux moyens de peindre sensiblement celui dont la toute puissance meut le ciel et la terre, celui dont le soufle agite les eaux, dont la volonté transporte les montagnes, mais la foiblesse de nos idées ne peut concevoir la divinité. On la représente ordinairement sous une forme humaine, et s'il est un homme semblable, selon notre portée à l'Etre Suprême, je n'en vois point d'autre que Pierre le Grand.

Son amour pour nous et Ses bienfaits l'ont fait nommer le Pere de la Patrie, mais ce titre est encore trop foible. Que ne lui devons-nous pas surtout, Messieurs, pour le trésor qu'il nous a laissé dans la personne de son auguste Fille notre gracieuse Souveraine, que son courage a placé sur un trône, et dont le regne glorieux a calmé l'Europe et comblé Ses sujets de bienfaits.

Exauce-nous, grand Dieu, en faveur des travaux de Pierre, des soins de Catherine, nous t'invoquons par ces mains augustes et sacrées, et par les larmes qu'ont versé les deux soeurs et filles de Pierre en se separant; exauce-nous, et daigne accorder une longue vie et une nombreuse postérité à nos Monarques.

Et Toi, Ame illustre et divine, qui brille dans l'éternité, et dont le lustre obscurcit tous les autres Héros, pare-Toi, jouis de Ta gloire, Ta Fille regne, Ton Neveu est son Héritier, nos voeux sont accomplis,, Ton arrière Neveu vient de naître, Tes soins nous ont elevés, affermis, éclairés, embellis. Ceux d'Elisabeth nous soutiennent, nous encouragent, nous protegent et nous rendent fameux. Daigne agréer comme un témoignage de notre gratitude cet ouvrage en effet peu digne de toi; car tes mérites snrpassent tous nos efforts.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

